

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика
PRAVOVOE GOSUDARSTVO: teoriya i praktika
THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 1 (67) 2022

Общественно-политический и научно-правовой журнал
Издается с 2005 года
Журнал выходит ежеквартально [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Научный руководитель

Раянов Фанис Мансурович – доктор юридических наук, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Абашидзе Аслан Хусейнович – доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов, г. Москва);

Аззуз Кердун – доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев Ахмеда и Башира Ментури, г. Константина, Алжир);

Арзамаскин Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор (Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

Дикарев Илья Степанович – доктор юридических наук, доцент (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград);

Зайнуллин Руслан Ильдарович – кандидат юридических наук, доцент (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Леруа Кристоф – доктор права, профессор (Университет Перпеньян, Франция);

Липинский Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Макарова Тамара Ивановна – доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Полякова Татьяна Анатольевна – доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва);

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, доцент (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва);

Семитко Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

Тлепина Шолпан Валерьевна – доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, г. Нур-Султан, Казахстан);

Шабуров Анатолий Степанович – доктор юридических наук, профессор (Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Гизатуллин Ирек Альфредович – кандидат юридических наук

Ответственный секретарь

Латыпова Наталия Сергеевна – кандидат юридических наук

Члены редакционной коллегии:

Агапов Павел Валерьевич – доктор юридических наук, профессор;

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент;

Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, доцент;

Гизатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, доцент;

Дьяконова Оксана Геннадьевна – доктор юридических наук, доцент;

Касимов Тимур Салаватович – кандидат юридических наук, доцент;

Нигматуллин Ришат Вахидович – доктор юридических наук, профессор;

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор;

Фролова Елизавета Александровна – доктор юридических наук, доцент;

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор;

Эксархонупло Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Редактор англоязычных текстов – З.А. Юсупова

*Почтовый адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, 131*

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке elibrary.ru

ОСНОВНАЯ ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА:

- теоретические вопросы формирования правового государства;
- правовое государство в системе естественно-исторических закономерностей развития общества;
- правовое государство в системе обществоведческих институтов;
- принципы правового государства и практика законодательства;
- правовая жизнь современных муниципалитетов;
- правовое государство в системе юридической науки

ISSN 2500-0217

THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 1 (67) 2022

Socio-Political and Academic Law Journal

Since 2005

The Journal is published quarterly [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

EDITORIAL COUNCIL

Academic Supervisor

Fanis M. Rayanov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL MEMBERS:

Aslan Kh. Abashidze – Doctor of Law, Professor (RUDN University, Moscow);

Azzouz Kerdoun – Doctor of Law, Professor (Mentouri Public University, Constantine, Algeria);

Nikolai N. Arzamaskin – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. Bogoljubov – Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Ilya S. Dikarev – Doctor of Law, Associate Professor (Volgograd State University, Volgograd);

Ruslan I. Zainullin – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Bashkir State University, Ufa);

Christophe Leroy – Doctor of Law, Professor (Université de Perpignan, France);

Dmitry A. Lipinskiy – Doctor of Law, Professor (Togliatti State University);

Ilona A. Makarenko – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Tamara I. Makarova – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Tatyana A. Polyakova – Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Sergey B. Rossinsky – Doctor of Law, Associate Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Alexey P. Semitko – Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. Tlepina – Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan);

Anatoly S. Shaburov – Doctor of Law, Professor (Ural State Law University, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Irek A. Gizatullin – Candidate of Sciences (Law)

Executive Secretary

Nataliya S. Latypova–Candidate of Sciences (Law)

Editorial board members:

Pavel V. Agapov – Doctor of Law, Professor;

Guzel M. Aznagulova– Doctor of Law, Associate Professor;

Farit Kh. Galiev – Doctor of Law, Associate Professor;

Ravil Kh. Gizatullin – Doctor of Law, Associate Professor;

Oksana G. Dyakonova – Doctor of Law, Associate Professor;

Timur S. Kasimov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Rishat V. Nigmatullin – Doctor of Law, Professor;

Alexander A. Tarasov – Doctor of Law, Professor;

Elizaveta A. Frolova – Doctor of Law, Associate Professor;

Aslyam N. Khalikov – Doctor of Law, Professor;

Alexey A. Exarkhopulo – Doctor of Law, Professor

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Bashkir State University»

Translation Reviewer – *Z.A. Yusupova*

Postal address: 450005, Republic of Bashkortostan, Ufa, Dostoevskiy St, 131

THE JOURNAL IS INCLUDED:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru

THE SCOPE OF THE JOURNAL COVERS THE FOLLOWING TOPICS:

- theoretical issues of the formation of the rule-of-law state;
- rule-of-law state in the system of natural history laws of social development;
- rule-of-law state in the system of social science institutes;
- rule-of-law state principles and legislation practice;
- legal life of modern municipalities;
- rule-of-law state in the system of legal science

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение главного редактора 9

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Александров А.С., Александрова И.А.

Судебный процесс – источник права и справедливости 11

**Аминев Ф.Г., Гарафутдинов Р.Р., Чемерис А.В., Михайленко К.И.,
Сагитов А.М.**

О возможностях применения новых технологий ДНК-идентификации
личности в целях всеобщей геномной регистрации населения
Российской Федерации 30

Гизатуллин И.А.

Отказ государственного обвинителя от обвинения в контексте
обеспечения процессуальной свободы судьи 42

Григорян В.Л.

Влияние недостатков законодательной регламентации момента
вступления в силу уголовно-процессуальных решений на практику
расследования и рассмотрения уголовных дел 60

Дикарев И.С.

Назначение предварительного расследования в уголовном процессе 75

Ежова Е.В.

К вопросу о свидетельском иммунитете в уголовном процессе России 89

Качалова О.В.

Европейские стандарты применения информационных технологий
в судопроизводстве в условиях современных вызовов и угроз 101

Лифанова М.В.

Актуальные вопросы статуса защитника в уголовном
судопроизводстве современной России 116

Тарасов А.А.

Стереотипы корпоративного правосознания в контексте анализа
некоторых уголовно-процессуальных институтов 130

Файзуллина А.А.

Выдвижение экспертных версий о причине пожара и их проверка
посредством проведения экспертного исследования 145

Шарипова А.Р.

Изолированное законодательное реформирование уголовного судопроизводства как препятствие на пути конвергенции процессуального права 156

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

Романовская В.Б.

Тенденции развития права в эпоху постмодерна 166

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Бородаенко А.А.

К вопросу о контртеррористической деятельности
Организации Объединенных Наций 177

Трибуна молодого ученого

Мухаметшин Т.Р.

Присвоение псевдонима и изъятие подлинных данных
на стадии возбуждения уголовного дела 189

Тагиров А.Н.

Регламентация розыска имущества в законодательстве периода
образования и укрепления Русского централизованного государства 199

Шарапова И.Д.

Формирование антикоррупционного поведения работников
судебно-экспертных учреждений как один из элементов
противодействия коррупции 208

Юсупов А.М.

Использование специальных знаний на стадии возбуждения
уголовного дела в кредитно-финансовой сфере 219

РЕЦЕНЗИИ

Полстовалов О.В.

Рецензия на статью Алии Рашитовны Шариповой «Качество правосудия по уголовным, арбитражным, гражданским и административным делам: сравнение по отдельным параметрам», опубликованную в журнале Lex Russica (2020. – Т. 73, № 11 (168). – С. 53–61) 235

CONTENTS

Chief Editor's Address 9

PROCEDURAL PROBLEMS OF ANTI-CRIMINAL ACTIVITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexandrov A.S., Alexandrova I.A.

Judicial process – source of law and justice 11

**Aminev F.G., Garafutdinov R.R., Chemeris A.V.,
Mikhailenko K.I., Sagitov A.M.**

On the application of new DNA identification technologies for universal genomic
registration of the population of the Russian Federation 30

Gizatullin I.A.

Withdrawal of the charge by the public prosecutor in the context
of ensuring procedural freedom of the judge 42

Grigoryan V.L.

The impact of deficiencies of legislative regulation of the moment
of entry into force of criminal procedural decisions on the practice
of investigating and hearing criminal cases 60

Dikarev I.S.

Designation of preliminary investigation in criminal proceedings 75

Yezhova E.V.

The issue of witness immunity in Russian criminal proceedings 89

Kachalova O.V.

European standards for the use of information technologies in judicial
proceedings in the face of modern challenges and threats 101

Lifanova M.V.

Current issues relating to the defender's status in criminal proceedings
in modern Russia 116

Tarasov A.A.

Stereotypes of corporate legal awareness in the context of criminal
procedure institutions 130

Fayzullina A.A.

Proposing expert versions on the cause of a fire and their verification
through expert studies 145

Sharipova A.R.

Isolated legislative reforms of criminal procedure as an obstacle
to the convergence of procedural law 156

**GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL PROBLEMS
IN THE FORMATION OF THE RULE-OF-LAW STATE**

Romanovskaya V.B.

Trends in the development of law in the post-modern era 166

INTERNATIONAL LAW

Borodaenko A.A.

To the question of United Nations counter-terrorism activities 177

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Mukhametshin T.R.

Assigning a pseudonym and seizure of authentic data at the stage
of the institution 189

Tagirov A.N.

Property search regulation in the legislation of the period of the formation
and strengthening of the Russian centralized state 199

Sharapova I.D.

Formation of anti-corruption behavior in forensic institutions as an element
of the fight against corruption 208

Yusupov A.M.

Use of special knowledge at the stage of initiation of criminal cases
in the credit and financial sphere 219

REVIEWS

Polstovalov O.V.

Review of the article by Alia Rashitovna Sharipova «Quality of justice
in criminal, arbitration, civil and administrative cases: comparison
by individual parameters», published in the Journal Lex Russica
(2020. – V. 73, No 11 (168). – P. 53–61) 235

Уважаемые коллеги!

Вышел в свет очередной номер журнала «Правовое государство: теория и практика», первый в этом году, и редакция считает необходимым поделиться с авторами и читателями некоторыми важными для нас успехами, а также рассказать о будущих планах и направлениях деятельности журнала.

Два года, – а именно столько прошло с момента начала нового этапа развития журнала, так называемого ребрендинга, реализации новой редакционной политики, основанной на принципах транспарентности и доступности, – являются достаточным периодом, чтобы оценить результаты, задуматься о возможных ошибках и поставить новые цели. За это время была проделана кропотливая работа редакции и всего коллектива Института права Башкирского государственного университета по существенной переработке концепции издания. Одной из главных потребностей для нас являлось внедрение в редакционную деятельность современных электронных систем для быстрой и удобной организации приема и рецензирования рукописей, в связи с чем был реализован переход на современное программное обеспечение (Open journal systems), позволивший по-новому построить рабочий процесс издательского дела. Вместе с этим был обновлен дизайн самого журнала и его официального сайта, расширен объем и изменен формат печатных экземпляров. Особое внимание уделялось обновлению редакционного совета и редколлегии журнала. Мы понимали, насколько важным для любого федерального периодического издания является расширение географии состава участников, включение в него известных представителей разных образовательных и научных учреждений.

Многое было сделано и продолжает делаться для популяризации нашего журнала в Республике Башкортостан и за ее пределами. Вот уже третий год мы рассылаем экземпляры каждого номера в правоохранительные органы, становимся площадкой для бесплатного опубликования тезисов выступлений практикующих юристов на конференциях, проводимых судами и органами прокуратуры. Этим обусловлено и регулярное издание тематических номеров, с приглашением известных ученых к обсуждению на страницах нашего журнала актуальных проблем теории и практики юриспруденции. Одним из таких выпусков является настоящий номер, в который включены исследования авторов – участников ежегодной научно-практической конференции, регулярно проводимой кафедрой уголовного

права и процесса Института права Башкирского государственного университета уже более двух десятков лет.

Сегодня перед нами стоят амбициозные задачи: поддержание развития юридической науки и формирование публикационной площадки, известной широкому кругу юристов, для обмена научными мнениями. Наш журнал открыт для научных дискуссий, бесплатной публикации интересных рукописей по актуальным проблемам юридической науки и практики.

Выражаю искреннюю благодарность всей редакции, редколлегии и редакционному совету – за проделанную работу, а авторам и читателям – за проявленный интерес и участие в развитии журнала.

*С наилучшими пожеланиями в науке и жизни, главный редактор
кандидат юридических наук И.А. Гизатуллин*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

PROCEDURAL PROBLEMS OF ANTI-CRIMINAL ACTIVITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Научная статья

УДК 340.13, 340.14

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.1

Александров Александр Сергеевич¹,

Александрова Ирина Александровна²

^{1, 2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,

¹anrc@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6349-9991>

²iren-nno@mail.ru

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС – ИСТОЧНИК ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Мыслить – всегда значит *идти колдовским путем*.
Ж. Делёз, Г.Феликс «Что такое философия?»

Аннотация. Основная цель статьи – обоснование того, что судопроизводство является не простым правоприменением, а сотворением права, справедливости. Доказывается, что современная теория государства и права превратилась в схоластику и утратила свое методологическое значение. Вместо нее на эту роль в правоведении претендует теория уголовного процесса, созданная нижегородскими учеными. *Метод*, которым достигаются поставленные цели, – риторическая аргументация. *Результаты*: на примере учения об уголовном процессе, разработанного нижегородской школой процессуалистов, в статье показано, как, идя против канонов догматического правопонимания, можно создать принципиально новую, цельную научную концепцию. В статье представлены три основные составляющие этой концепции: учение о «праве-процессе», объясняющее процессуальный способ бытия реального права – средства регулирования, включающее в себя постулат о процессуаль-

ном детерминизме всего правового; учение об институтах обвинения (уголовного иска) и доказывания как двух средствах установления права и справедливости; научный проект судебной реформы, включающей реорганизацию предварительного расследования, отказ от следственной власти на обвинение и доказывание, создание состязательного процесса на цифровой платформе и переход к правовому государству.

Ключевые слова: право, уголовный процесс, нижегородская школа процессуалистов, философия права, теория государства и права, судебная реформа, правовое государство

Для цитирования: Александров А.С. Судебный процесс – источник права и справедливости / А.С. Александров, И.А. Александрова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 11–29. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.1.

Original article

Alexandrov Alexandr Sergeevich¹, Alexandrova Irina Alexandrovna²

^{1,2}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

¹anrc@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6349-9991>

²iren-nno@mail.ru

JUDICIAL PROCESS – SOURCE OF LAW AND JUSTICE

Abstract. The main *purpose* of the article is to establish that legal proceedings are not a mere law enforcement, but the creation of law and justice. In addition, it is proved that the modern theory of state and law has turned into scholasticism and has lost its methodological significance. Instead, the theory of criminal procedure created by Nizhny Novgorod scientists claims this role in jurisprudence. The *method* by which the set goals are achieved is rhetorical argumentation. *Results:* using the example of the Nizhny Novgorod doctrine of criminal procedure, the article shows how, by going against the canons of dogmatic law, it is possible to create a fundamentally new, integral scientific concept. The article presents three main components of this concept: the doctrine of «law-process», which explains the procedural way of existence of real law – a means of regulation, which includes the postulate of procedural determinism of everything legal; the doctrine of prosecutorial institutions (criminal action) and evidence as two means of establishing law and justice; scientific project of judicial reform, including reorganization of preliminary investigation, renunciation of

investigative authority to charge and prove, establishment of a digital adversarial process and transition to the rule-of-law state.

Keywords: law, criminal procedure, Nizhny Novgorod school of processualists, philosophy of law, theory of state and law, judicial reform, rule-of-law state

For citation: Alexandrov A.S., Alexandrova I.A. Judicial process – source of law and justice. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 11–29. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.1. (In Russian).

Целью настоящей статьи является продолжение или, можно сказать, подведение итогов уже давно проводимой нижегородской школой процессуалистов работы по деконструкции догматов юридического позитивизма, которые составляют основу мышления отечественных юристов. Деконструкцию мы считаем совершенно необходимым этапом для перехода к новому типу правопонимания, а если брать отраслевую проблематику, то для перехода к новому типу уголовного процесса и правовой организации противодействия преступности. Построению нового уголовного и уголовно-процессуального права мешает закостеневшая юриспруденция понятий, как иногда называют современную теорию государства и права. Самые главные понятия мы разберем в этой статье, но, разумеется, не все.

Юрпозитивистская парадигма, как и любая картина мира, включает в себя систему бинарных оппозиций, определяющих критерии правильности знания: частное право – публичное право, материальное право – процессуальное право, государственное право – общее право, англосаксонское право – романо-германское право, субъективное право – объективное право и пр. Мы подразумеваем относительность этих оппозиций в контексте условности всех «классических» догматов. Эту подтекстовую, коннотационную составляющую надо, наверное, иметь в виду читателю для понимания смысла нашей статьи и нашей цели, которая заключается в обосновании возможности деконструкции догматов всего традиционного правоведения, включая господствующую доктрину уголовного и уголовно-процессуального права, которые мешают освобождению правосознания и проведению настоящей судебной реформы. Эта свобода совершенно необходима для вхождения в новый, цифровой, мир.

Разумеется, мы не претендуем на первенство в попытке «деконструкции» классического научного юридического знания. Мы являемся представителями постмодернизма в российской юридической науке, в основании которого лежат труды великих философов: Ж. Дерриды, Ж. Делёза, Р. Барта, М. Фуко и многих других. Они ввели концепты ТЕКСТ, ДИСКУРС, СМЫСЛ, ЭНТРОПИЯ, РИЗОМА и др. в гуманитарные науки и через них

переосмыслили картину мира – систему концептов, на которых покоилась классическая наука модерна: ПОРЯДОК, СИСТЕМА, СТРУКТУРА, ИСТИНА и пр.

Американская школа критических правовых исследований (CLS) показала возможности применения этой философской концепции к реалиям права и правосудия США. Мы, в свою очередь, начиная с середины 1990-х годов использовали концепты постмодерна, адаптировали наработки CLS к теории и практике отечественного права и судопроизводства, уголовного главным образом. Здесь мы представим результаты наших научных исканий, опустив подробности пройденного пути. Отметим, что мы прошли его вместе с другими русскоязычными философами права. Свидетельство тому – наш совместный научный манифест [1].

Первым объектом нашей деконструкции является постулат теории государства и права (далее – ТГП), согласно которому источником (формой) права является закон (нормативно-правовой акт). Не будем вдаваться в тонкости различных подходов к пониманию формы или источника объективного права. Их множество. Но все они подразумевают, что источником «правового» является государство. Постулат (предрассудок) о государстве как центре правового мира будет вторым тезисом, подлежащим опровержению¹. С него и начнем.

Этатизм – это родовая черта российского правопонимания, культивируемого ТГП. Именно в нашем правовом быту «полицейское государство» стало *родным* для обывателя, привыкшего жить не по своей воле² [2, с. 235]. Лучшее всего эту черту архетипа нации отражают поговорки: «Вы начальство – вам виднее», «Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак»³.

---

¹ Конечно, могут сказать, что не мы первые, кто это делает. Так, юснатурализм утверждает превосходство права (естественного), естественных прав человека над государством и его законом. Но, как показывает отечественный опыт, философия естественного права не стала сколько-нибудь значительным партнером юрпозитивизма в правовом строительстве. Юснатурализм оказался бессилён именно в конкретике, в области практического дела. А теория уголовного процесса конкретна, она вся нацелена на разработку правил поведения.

² Как писал С.С. Аверинцев, для русских антиномии, заключенные во власти над людьми, оставались из века в век не столько задачей для рассудка, сколько мучением для совести. Сама по себе власть – это нечто выше человеческого мира или ниже его, но, во всяком случае, в него не входящее. Наша опасность заключается в вековой привычке перекладывать чуждое бремя власти на другого, отступаться от него, уходить в ложную невинность безответственности. Потому идеи разделения властей, подчинения главы государства закону, публичного диалога человека с властью на равных чужды нашей культуре и находят искаженное проявление в позитивном праве.

³ Любой учебник по ТГП утверждает это.

В ТГП эта архетипическая модель «приказного права» воплощена в понятийном аппарате, объясняющем, как государство посредством права (закона) регулирует общественные отношения, управляет обществом и человеком.

Процессуалисты утверждают иное: *человек сам* (не государство, не начальник, не сакральная власть) решает свою судьбу, используя процессуально-правовые средства в споре. К такому образу мыслей приводит ситуация уголовно-правового спора, где человеку противостоит «государство» в различных его проявлениях.

Русский человек, будучи по своему воспитанию конформистом, не привык не то что спорить с властью, но и вести с ней диалог¹. Но есть сфера, где он *volens nolens встает перед выбором: или бороться за свою жизнь, свободу, имущество, или сдаться*. Уголовный процесс определяет тот край, за который отступать некуда, человеку остается или спорить с государством и проверить на личном опыте, что его конституционные права и свободы не фикция, или отказаться от борьбы.

Теория уголовного процесса рефлексировала по поводу этого экзистенциального выбора «на краю». Именно уголовный процесс обнажает суть отношений человека с властью и позволяет убедиться в том, насколько реально право в этом противостоянии. Поэтому-то именно теория уголовного процесса потенциально более всех отраслей юридического знания предуготовлена к новому типу правопонимания. На новом историческом этапе мы подхватываем призыв русского ученого А.И. Елистратова²: «поставить обывателя на одну плоскость с правящею властью» [3, с. 3]. Процессуальные отношения, они же публично-правовые отношения, устанавливаются между людьми и только между людьми. Индивиды, превратившиеся из органов безличной машины государства в живых служителей общественного интереса, стоящих лицом к лицу с гражданами, может

---

¹ «Государство» для русского привычно мыслится как авторитарное государство, с которым лучше не связываться, несмотря на декларацию правового государства. Потому что никакого другого государства, кроме авторитарного, русский человек не знал на протяжении всей истории. Государство на подсознательном уровне ощущается как нечто внешнее, чуждое. На бессознательном уровне сложилась привычка пассивного ожидания от «государства» решений судьбы, своей и общества, уклонения от участия в публичной речи (совещательной, судебной, политической и пр.), имитации публично-речевой деятельности, боязнь, обожествление власти и одновременно недоверие к институтам государства.

² Кстати, специалиста по «полицейскому праву».

быть, скорее и легче освободятся от исторически въевшихся привычек бюрократа в его отношении к обывателю [3, с. 16–17].

Антропологический (гуманистический) аспект права обнажается в уголовном судопроизводстве. В процессуалистике всегда было принято считать, что в уголовно-процессуальные отношения с обвиняемым, потерпевшим, свидетелем и пр. вступает не «государство», а прокурор, следователь. Человек (обвиняемый) участвует в процессе (рече-мысле-деятельности), вступает в диалог с другим человеком (следователем, прокурором, судьей) о «праве». В процессуальной схеме состоит антропологическая перспектива видения отношений власти и человека. В этом отличие и преимущество теории уголовного процесса от теории уголовного права и вообще от материально-правовых наук, склонных к спекуляциям с понятием «государство»¹. Государство для нас, процессуалистов (в отличие от материалистов), всегда имеет конкретный процессуальный статус «участника». Не больше, хотя и никак не меньше. Это прокурор, следователь, судья и пр.

Отсюда и наша пред-уготовленность, в отличие от представителей иных юридических научных специальностей, к новому, неклассическому, типу правопонимания, суть которого выражена в формуле «право-процесс»² [1, с. 271–272, 274; 4, с. 35, 40; 5, с. 161; 6, с. 37–38; 7, с. 255–275; 8, с. 107–108]. Кроме того, от профессиональных философов права, в том числе «неклассической ориентации», процессуалистов выгодно отличает их конкретность: они не просто осмысливают правовой мир в новых концептах, а предлагают конкретный проект его переустройства.

Итак, есть большая готовность процессуалистов на уровне понятийного аппарата («уголовно-процессуальные отношения», «субъекты доказывания», «участник процесса») перейти в новую эпоху, которая знаменуется иным характером отношений человека, населения, бизнеса с «государством». Для нас, процессуалистов, в отличие от «материалистов» и теоретиков государственного права, привычно видеть субъектом отношений с человеком не государство, а другого «субъекта права». В уголовном процессе все субъекты равны перед «законом и судом». Уголовный суд и процессуальный кодекс всех уравнивают в их правопритязаниях на справедливое разрешение дела. Мы утверждаем, что в теории процесса (уголовно-

---

¹ Выразителем этой идеологии является концепт «механизм правового регулирования», посредством которого ТПП на протяжении десятилетий деформирует правосознание юристов.

² В это выражение разные авторы включают свои смысловые нюансы, но общее одно – «объективное право» не как раз и навсегда данная реальность, а процесс становления, коммуникации, диалога. Право процессуально; способ бытия «реального права» процессуален; право-в-работе есть процесс.

го) заложена единственно правильная модель отношений власти и человека. Именно она и должна стать образцом для всего правоведения.

Теперь обратимся к проблеме источника права и процесса творения права. Мы резюмируем *относительность* смысла текста *контексту* его толкования. Исходный смысл, предложенный будущим участникам «процесса» автором текста закона, не является единственным, раз и навсегда определенным, неизменным. Вслед за представителями постмодернистской философии (Р. Барт), философии языка (М. Бахтин) мы полагаем, что любой текст, тем более тексты, претендующие на оказание влияния, содержащие властную интенцию, предполагает возможность конфликта, спора о его смысле и порождает различные истолкования. Мы утверждаем, что право – это текст закона, помноженный на его интерпретацию в определенном контексте, то есть «начитанный» *текст*. Право – это смысл текста закона, осмысленный и прописанный в тексте приговора.

Принципиально новое, что вносится в понимание «права»: а) интерпретационно-толковательный момент, которому придается не служебно-вспомогательное, прояснительное значение, а созидательно-творительное; б) включение в число правотворцев наряду с автором текста закона интерпретатора – человека, вовлеченного в ПРОЦЕСС. Отсюда вывод: каждый может быть творцом ПРАВА в ПРОЦЕССЕ. Все мы потенциальные творцы права для себя и для всех (через создание судебного прецедента), когда в уголовном деле боремся за свои интересы.

Разумеется, «законодатель», если под ним понимать не абстракцию, не фигуру мысли и даже не реальные официальные властные учреждения, а автора (коллективного) текста закона, наделяет этот текст неким смыслом, который он адресует потенциальным читателям. Для того он и пишет закон. Однако с момента завершения работы над текстом, превращения его в самостоятельный предмет речевого обмена автор утрачивает власть над его смыслом. То же самое случается и с «законодателем»: его творение начинает жить самостоятельно – в процессе.

Определенное прочтение смысла закона и сам выбор закона к ситуации, подлежащей урегулированию, есть интерпретационно-волевой акт, направленное прочтение. Стороны в деле, читатели, вступают в диалог с автором текста закона и между собой, и из этого диалога рождается актуальный в данном контексте (деле) смысл – норма.

Каждый из нас, кто вступает в процесс и участвует в суде с обоснованием своей позиции, может претендовать на создание «средства право-

вого регулирования», того актуально-нужного, конкретного «права»¹, которое ему требуется для достижения цели (урегулирования/воздействия) *здесь и сейчас*.

Итак, второй вывод в том, что регулятивное свойство «права» приобретает в ходе процесса, диалога, спора и воплощается в судебном акте (акте правоприменения). До его прочтения в контексте дела (уголовного) нормативность, регуляторность закона остается потенциально возможной. Судом в ходе процесса она превращается в конкретное нормативно-правовое средство воздействия – урегулирование спора. Процессуальность есть *атрибутивное* качество реального права как конкретного *средства регулятивного воздействия*.

Одним из уникальных инструментов, которым обладают только процессуалисты, является отрасль знания, называемая теорией процессуальных (судебных) доказательств. Она призвана объяснять не только перевод явлений реальной действительности (экстралингвистических фактов) в дискурсивную плоскость рече-мысле-деятельности – доказывания, но и *аргументационную составляющую* интерпретации текста закона в уголовном процессе.

Мы включаем аргументирование, имеющее место в ходе толкования смысла текста закона, в доказывание-убеждение. Доказывание, аргументирование, риторика составляют часть процессуального правотворчества. Доказывание, риторическая аргументация должны убедить суд, публику (общество) в том, что судебное решение справедливо. Проговаривание реальности и превращение ее в правовую мы называем риторикой «права-процесса» [9, с. 65].

Мы создали новую теорию *уголовно-судебных доказательств*. В нее мы включили риторическую аргументацию как подведение рече-деятельностью фактической основы под истолкование текста закона. Инстанция, где реальное право обретает свойство справедливости, есть область *риторики права*, которая может состояться, разумеется, только в процессе. Процессуальное риторическое доказывание убеждает общество в справедливости судебных решений, а вместе с тем и права как объективного средства правового воздействия-(у)регулирования² [9, с. 65–69].

---

¹ Его мы называем «правом-тут» или, если угодно, это есть «средство правового – уголовно-правового – воздействия». И оно процессуально.

² Общественное мнение, квинтэссенцией которого является экспертное независимое научное знание и институты (университеты, научные учреждения, некоммерческие организации), есть та среда, в которой достигается консенсус относительно справедливости как отдельного акта правосудия, так и судопроизводства как деятельности.

Именно в процессе человек, люди, заинтересованные в исходе дела, вступают в диалог с представителями власти, они вправе говорить, аргументировать, предлагать свою интерпретацию закона представителям официоза. Важно, чтобы этот официоз был не один (следователь – судья – прокурор), а разделен на сдерживающие друг друга инстанции (обвинение – суд). Публичность, гласность судебного процесса делают диалог *между различными инстанциями власти и людьми* доступным для общества – универсальной аудитории, которая оценивает (как справедливый или нет) итог этого процессуального диалога. Назначение уголовного процесса и состоит в том, чтобы убеждать общество в торжестве права и справедливости посредством речи. Если этого не происходит, то подрывается вера в «справедливость» – психическую, интуитивную (по Петражицкому) или, если угодно, *коллективно-бессознательную* (по Фрейд – Юнгу) подоснову всего «государственно-правового», общественного.

Создание новой теории уголовно-судебных риторических доказательств потребовало опровержения советской теории объективной истины, в которой мы выявили ее этатистскую, казенную, насильственную сущность, принадлежность к авторитарному государству и присущую ему уголовно-процессуальную технологию производства процедурного знания и тем самым поломали «хребет» идеологии следственной власти. Взамен мы создали концепцию судебной истины как результата конкурентного рече-судоговорения – состязательного судебного доказывания, риторического убеждения судьи (присяжного заседателя) в необходимости принимать решения по внутреннему убеждению, совести. Тем самым нами была подведена гносеологическая основа под общую теорию состязательного уголовного судопроизводства, которая только и может считаться справедливым способом правового образования-воздействия-регулирования.

Из уже сказанного вполне проявляется теоретико-методологическая роль теории процессуального права. Процессуальный детерминизм, воплощением которого является наше учение, сводится к постулату о первичности процессуального права над материальным, ибо нет никакого реального права, пока не проведен процесс. Отсюда наш лозунг: «Уголовное право = уголовный кодекс + уголовный процесс». Средствами правовой риторики мы обосновали, что уголовный процесс составляет основу правовой организации противодействия преступности, а вместе с тем и основу правового устройства общества.

Однако утвердить свое превосходство не самоцель, а средство убедить научную общественность в том, что через процесс (уголовный) подлежат решению стратегические задачи уголовной политики. Весь ход рассуждений о значимости свободы слова, публичности речи, разновидностью

которой является уголовный процесс, о риторической природе доказывания, состязательности приводит к выводу о превосходстве состязательного типа процесса над следственным. Мы доказали в своих работах, что следственный процесс является принадлежностью авторитарного (тоталитарного государства), а состязательный – правового. Только состязательный процесс является источником права и справедливости¹.

Лишь в состязательном процессе создается речевая ситуация, наиболее благоприятная для нахождения правильного смысла закона, справедливого и эффективного средства правового урегулирования. Состязательный процесс обеспечивает набор факторов из свободы слова, конкуренции, гласности, диалогичности, которые необходимы для установления права и справедливости. Свободная речь несвободно собравшихся в суде людей составляет ту среду, где происходит правотворчество и установление (восстановление) справедливости.

Справедливость не столько результат (хотя у приговора есть свойство справедливости), сколько правовая организация – состязательная – рече-мысле-деятельности, то есть судопроизводства, ибо последнее есть *производство речи – судебная речь*², и принятие решений по ее результатам. Справедливость есть состязательность, диспозитивность³ в действии. В свою очередь, верховенство права достижимо только через независимый суд, состязательность сторон, свободу распоряжения своими процессуальными правами (на обвинение и защиту от обвинения, доказывание и пр.)⁴.

Третий вывод состоит в том, что только состязательный тип уголовного процесса является источником права и справедливости. Мы связали с состязательностью концепцию о правовой самозащите посредством искового (субъективно-публичного) права – обвинения. Этому были посвящены работы об искомом обвинении, которое должно прийти на смену след-

---

¹ Следственный уголовный процесс, построенный на *монологе* следственной власти, не способен быть средством установления справедливости и верховенства права. Хотя быть проводником репрессивной уголовной политики, средством ручного управления деятельностью «органов правопорядка» по противодействию преступности, конечно, может.

² Как известно со времен Аристотеля, судебная речь есть, наряду с советательной и хвалебной публичными речами, основа общества – речевого сообщества людей, совместно решающих общественные вопросы [10, с. 191, 259].

³ Если состязательность – это формальная, то диспозитивность – содержательная сторона той правовой организации процесса, которую надо считать справедливой.

⁴ Состязательность есть среда выявления судебной истины на основе здравого смысла и совести.

ственной форме выдвижения обвинения. Таким образом, из философской, теоретической сферы произошел выход на уровень процессуально-правовых институциональных конструкций.

Мы создали учение об обвинении – *уголовном иске* как центральном элементе состязательно-обвинительного, искового уголовного процесса, а в широком смысле – об универсальном средстве защиты человеком (ассоциацией лиц) своих прав в суде, а значит, и способе получения возможности на «право-творение» в субъективном и объективном смыслах.

Через выдвижение обвинения происходит 1) утверждение, то есть публичное «раскрытие», название (для нас-общества) некоего события ПРЕСТУПЛЕНИЕМ; оно («событие») становится тезисом, подлежащим доказыванию, превращается в дискурсивный, уголовно-процессуальный феномен: так уголовно-правовое начинает *становиться* в ПРОЦЕССЕ реальностью; 2) название или предварительная квалификация этого события уголовно-правовым по модели статьи УК РФ (если угодно, это есть раскавычивание состава преступления в тексте обвинения), тем самым происходит процессуальная встреча объективной реальности с текстовой – уголовно-правовой, делается предварительный набросок уголовно-правового на предполагаемый обвинителем факт в перспективе основания уголовной ответственности; 3) взятие обвинителем на себя бремени доказывания своего утверждения о предполагаемом событии преступления, благодаря чему происходит фактическая привязка уголовно-правовой нормы к реальности объективной.

Исковое право (право на выдвижение обвинения) является универсальным средством взаимодействия между государством в лице его обвинительной и судебной властей и народом. Тем самым мы еще раз подтвердили верность того, что материальное право находит себя через процесс, инициатором которого, то есть обвинителем, желательно допустить любого представителя народа, а не одного обвинителя по должности – прокурора. Правовое государство должно основываться на праве каждого гражданина добиваться справедливости через обвинение и карать зло преступления.

Через исковое учение об обвинении был осуществлен переворот в представлениях о том, что является основанием правоприменения: не преступление, а обвинительные доказательства, положительно оцененные судом и включенные в мотивировочную часть приговора.

В процессе, в суде участники рече-деятельности оперируют не фрагментами объективной реальности, не «событием преступления», не «преступлением», а сведениями о нем, передаваемыми в устной речи или документами, а теперь еще и по телекоммуникационным каналам в виде цифровой информации. Эти сведения суть доказательства и их источники. Суд

принимает решение, выносит приговор на основе доказательств, а не на основе преступления как таковом. Мы говорим, что процесс является средством факто-творения, имея в виду *установление* посредством доказывающих (доказательственных) фактов, то есть *factum probans* (evidentiary fact), *доказываемых фактов* – *factum probandum* (fact in issue). В уголовном судебном процессе доказывания имеет место использование фактов (речевых, текстовых, лингвистических), а не фактов реальности как таковой, она недоступна непосредственно суду, так как осталась в прошлом. Доказательственными фактами, уголовно-судебными доказательствами устанавливаются доказываемые факты – тезис обвинения, но не само событие преступления. Его нельзя ни доказать, ни опровергнуть без доказательств. В суде имеет место только речевая, текстовая реальность. И судебная истина есть риторическая, юридическая истина, вероятное знание. Критерием же ее определения является отсутствие разумных сомнений в правильности обвинения, то есть в виновности подсудимого в совершении предъявленного ему в обвинении преступления.

Мы заключаем (в полном соответствии с презумпцией невиновности), что основание ответственности (уголовной) наступает с момента вступления в силу обвинительного приговора суда, а не с момента совершения преступления, как гласит классическая доктрина уголовного права. Не преступление порождает уголовно-правовое отношение между ГОСУДАРСТВОМ и ПРЕСТУПНИКОМ, а доказанное в суде обвинение в его совершении. Преступление как реальное уголовно-правовое явление имеет, согласно нашему учению, уголовно-процессуальную форму бытия. Только через процесс преступление как событие объективной реальности становится правовым феноменом. Способом *явления* «события преступления» в правовую плоскость выступает доказывание. Обвинительные доказательства, прошедшие перекрестную, состязательную проверку в судебном заседании, делают для суда событие преступления, имевшего место в прошлом, *фактом в рассматриваемом им уголовном деле. Этот факт кладется судом в основание уголовной ответственности и, соответственно, служит основанием приговора суда.*

Логично и последовательно выстроилась процессуально-правовая картина правового (уголовно-правового) мира и системы уголовно-правовой охраны населения, бизнеса и государства от преступности как системы *процессуальной*.

В целом наша позиция о роли досудебного производства или предварительного расследования такова. Орган досудебного уголовного расследования (таковым должна быть «судебная полиция») выявляет и расследует преступление под процессуальным руководством прокурора. Следственные действия, проводимые офицерами полиции, позволяют получать не

«судебные уголовно-процессуальные доказательства», средства доказывания, а «фактические данные» или «досудебные доказательства», с помощью которых прокурор обосновывает перед судебным органом (следственным судьей) свое ходатайство (например, о применении меры пресечения) и, самое главное, формулирует и выдвигает обвинение. Выдвижение прокурором обвинения должно осуществляться перед судом (обвинительной камерой) с представлением полученных досудебных доказательств, которые в ходе перекрестной проверки в судебном заседании с участием защиты превращаются в настоящее средство доказывания, средство убеждения судьи. При этом мы предлагаем наделить сторону защиты правом самостоятельного получения своих досудебных доказательств и представления их суду. С момента представления досудебных доказательств сторон начинается процесс их трансформации в уголовно-судебные.

Главная идея состоит в разделении процесса получения доказательств сторонами и процесса оценки их судом (присяжными заседателями). Доказательство должно быть сформировано не следователем в виде протокола следственного действия, которое затем оглашается в суде, а в суде с участием обеих сторон на основе полученных самими сторонами информации и материалов.

Мы предлагаем *запретить* использовать в качестве «готовых» доказательств *следственные протоколы* допросов, очных ставок, других следственных действий, проводимых офицерами полиции или прокурором, *путем их оглашения в судебном заседании*. Это не доказательства. В противном случае будет продолжаться практиковаться следственная технология доказывания, при которой материалы уголовного дела (созданные следователем) будут источником знания судьи о преступлении и преступнике и, как результат, о наказании. «История следователя» будет детерминировать судебный дискурс, порождая пресловутый обвинительный уклон и 99 % обвинительных приговоров. Вот это и подрывает веру общества (универсальной аудитории) в справедливость правосудия, а значит, ПРАВО и ГОСУДАРСТВО лишаются доверия в глобальном плане, с соответствующими последствиями.

Не следователь и его протокол должны быть источниками истинного процедурного знания, а каждая из сторон должна иметь право претендовать на доказывание своей истины перед судом. Каждый субъект, носитель информации, должен непосредственно в суде представить сведения, их носители, которые стали ему известны и доступны или как участнику события преступления, или как участнику предварительного расследования, полицейскому дознавателю, адвокату-защитнику и др.

Офицер полиции, проводивший следственное действие, обязан представить его результаты в виде документа, другого средства с зафиксированными данными о следах преступления и подвергнуться сам как носитель информации перекрестной проверке со стороны защиты перед составом суда и судебной аудиторией. Только после этого результат полицейского расследования факта может претендовать на средство доказывания доказываемого факта – предмета обвинения.

Нижегородская доктрина о доказательственном праве и исковом обвинении [11] является проектом об институциональном переустройстве российской правовой системы. Мы теоретически обосновали необходимость завершения судебной реформы, суть которой мы видим в отказе от следственной формы предварительного расследования, что включает переход от следственного порядка выдвижения обвинения, формирования доказательств к состязательному. Мы первыми провозгласили конец доктрины о предварительном следствии как доминирующем способе рассуждения о процессуальном. Мы связываем будущее российской процессуалистики не с умножением сущности следственной власти (в лице *единого* Следственного комитета РФ, уполномоченного законом устанавливать «объективную истину»), а с ее *полной ликвидацией* и переходом на нормальное досудебное предварительное уголовное расследование, которое принято в справедливом состязательном уголовном судопроизводстве – *полицейским дознанием под руководством прокурора*.

Именно такую реформу в последние несколько лет провели в Грузии, Казахстане, Киргизии, странах Балтии, Испании (2015), на Украине, а несколько ранее – в Италии (1989) и ФРГ (1974). В этих странах отказались от следственной формы досудебного производства и провели настоящую судебную реформу, перейдя к обвинительной системе процесса. Потому что независимый и беспристрастный суд возможен только при разделении обвинения и правосудия, что предполагает ликвидацию института следствия, исторически основанного на соединении функций обвинения, суда, но также и защиты.

Наконец, мы довели свой теоретический проект до уровня разработок конкретных состязательных технологий формирования (а) фактов, а вместе с тем и фактических оснований обвинения, судебного решения – основания уголовной ответственности; (б) смыслов текстов, ставших предметом исследования и толкования. Главной такой технологией мы считаем перекрестный допрос на суде. Это главная технология формирования личных доказательств, а потому и во многом определяющая весь технологический уклад доказывания – аргументирования в состязательном уголовном процессе [11, с. 20, 40–46 и др.]. Мы создали учение о перекрестном допросе и уже сделали его реальностью процесса не только в Рос-

сии, но и в тех странах, где перекрестный допрос с недавних пор стал частью позитивного права, на Украине например.

Через регламентацию «конкретно-процессуального» (процедуры судебного допроса, формы допустимых вопросов) мы делаем смычку с фундаментальными основами состязательного процесса как источника права и справедливости. Таким образом, нами создано последовательное учение о праве-процессе от альфы (философских основ) до омеги – деталей «технологии» создания фактов и смыслов: формы вопросов, которыми надлежит выяснять факты и смыслы в процессе¹.

Замкнуть цепь рассуждений о процессуальной природе права было бы логичным, сделав авторские разъяснения насчет государства. Помимо той роли, которое оно играет в написании текста закона, более или менее удачно закодировав в нем свою волю, государство через прокурора, следователя и судью доносит публично-правовую трактовку смысла закона до населения и бизнеса как универсальной аудитории. Наша позиция состоит в том, чтобы допустить человека до публичного диалога с представителями государства о правовом и справедливом. Для этого мы и раскололи понятие «государство» на обвинительную и судебную власти, а далее сделали их «партнерами» частных лиц в процессуальной диалоговой речемысле-деятельности по производству фактов и смыслов в виде конкретного субъекта: прокурора, судьи и пр. Не ГОСУДАРСТВО, а прокурор, дознаватель, судья – субъекты правового отношения с ЧЕЛОВЕКОМ в процессуальной роли обвиняемого, свидетеля. Правовое, уголовно-правовое отношение «государство – преступник» нами отрицается.

Всегда так было: «государство» предоставляет площадку для публичной судебной речи², где являет себя в диалоге, споре сторон о праве и справедливости. И здесь пришло время сделать главную поправку в определении сущности государства в свете феномена цифровизации и связанных с ним понятий «цифровое государство», «цифровая платформа», «экосреда» и пр. Мы считаем актуальным и полезным осмыслить роль государства в качестве создателя и управляющего цифровой платформой, на которой располагается уголовный процесс. Государство как цифровая платформа трактуется нами в виде набора сервисов (услуг), предоставляемых населению, бизнесу для разрешения правовых вопросов. Через понятие «государство как платформа» мы снова выходим на право-центричное,

---

¹ Раздел о вопросах как факто- и смысло-творительных средствах содержится в наших наставлениях о перекрестном допросе и в отдельных разработках.

² В смешанном процессе ей предшествует тайная следственная речь, фиксируемая в уголовном деле, которое и представляется на суд.

процессуально-правовое видение модели уголовно-правовой охраны общественных отношений. Государство – это даже не чиновник, не орган, а тот обезличенный «некто» (Другой), с кем я вступаю в диалог на цифровой платформе с запросом принять заявление, исковое заявление – обвинение, доказательство и пр., а затем начинаю диалог с должностными лицами государственных органов – прокуратуры, суда, следствия. Допускается, что на определенных этапах процесса этот «некто» – искусственный интеллект, бот, программа, которые выполняют процессуальные функции: регистрация заявления о преступлении, принятие уголовного иска, признание иска – явки с повинной и пр.

Мы, нижегородская школа процессуалистов, прошли за последние тридцать лет от начал правопонимания и процесса до конкретного проекта преобразования правовой системы защиты населения, бизнеса, государства от преступности. Развили темы, имеющие общеметодологическое значение (об онтологическом значении процесса и о праве-процессе, о судебной истине как результате судоговорения, о справедливости как разновидности консенсуса в процессуально-правовой среде), до законченного учения. Мы придумали «мозг» этой будущей правовой организации – доказательственное право, технологию выработки процедурного знания реальности, права и справедливости. Это один из двух ключевых институтов процессуального права. Мы создали учение об искомом обвинении (выдвигаемом в суде прокурором), от которого зависит тип правовой организации процесса, – втором базовом процессуально-правовом институте. Новое учение (во-первых, об обвинении (уголовном иске) как средстве доступа к процессу, во-вторых, об уголовно-судебных доказательствах как средствах борьбы за право и справедливость) представляет собой теоретическую базу судебной реформы в виде реформы предварительного расследования¹ [11], которую в нашей стране не могут завершить с 1864 г. Мы показали, что УПК РФ – это вторая, или малая, конституция и тем самым создали предпосылку будущей конституционной реформы. Все части нашего проекта взаимосвязаны и продуманы – от реорганизации формы выдвижения обвинения до процедур формирования личных доказательств – обоснования института перекрестного допроса.

Это и есть настоящая наука – попытка создания целого большого проекта, включающего философскую фундаментально-теоретическую начинку, институциональную составляющую (сердцевину конструкции) и «оболочку» в виде проекта конкретных норм позитивного права. В этом

---

¹ Законченный проект нового кодекса нами разработан и предложен научной общественности.

наш вклад в российскую правовую культуру. Не разрушение отеческих традиций, а желание спасти, сохранить русский мир движет нами.

Список источников

1. Постклассическая онтология права : монография / А.С. Александров и др. ; под общ. ред. И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. – 688 с.
2. Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья вторая. Закон и милость / С.С. Аверинцев // Новый мир. – 1988. – № 9. – С. 227–236.
3. Елистратов А.И. I. Понятие о публичном субъективном праве. II. «Теория субъективных публичных прав» А.А. Рождественского / А.И. Елистратов. – Москва : печ. А.И. Снегиревой, 1913. – 17 с.
4. Стовба А.В. Правовая ситуация как исток бытия права / А.В. Стовба. – Харьков, 2006. – 75 с.
5. Павлов В.И. Проблемы теории государства и права : учебное пособие / В.И. Павлов. – Минск : Академия МВД, 2017. – 214 с.
6. Пантыкина М.И. Право-структура и право-процесс как формы бытия права / М.И. Пантыкина // Философия права. – 2008. – № 5. – С. 36–40.
7. Честнов И.Л. Право с позиций социокультурной антропологии // Социокультурная антропология права : монография / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. – С. 199–277.
8. Поляков А.В. Общая теория права : учебник / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005. – 472 с.
9. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику / А.С. Александров. – Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2003. – 420 с.
10. Рождественский Ю.В. Теория риторики / Ю.В. Рождественский. – Москва : Добросвет, 1997. – 597 с.
11. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней / А.С. Александров и др. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 304 с.

References

1. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A., Andrianov N.V., Maximov S.I., Pavlov V.I., Polyakov A.V., Terekhin V.V. et al.; I.L. Chestnov (ed.) *Postklas-*

sicheskaya ontologiya prava [Postclassical ontology of law]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2016. 688 p.

2. Averintsev S.S. Byzantium and Russia: two types of spirituality. Article two. Law and mercy. *Novyj mir = New world*, 1988, no. 9, pp. 227–236. (In Russian).

3. Elistratov A.I. I. *Ponyatie o publichnom sub"ektivnom prave. II. «Teoriya sub"ektivnyh publichnyh prav» A.A. Rozhdestvenskogo* [I. The concept of public subjective law. II. «Theory of subjective public rights» A.A. Rozhdestvensky]. Moscow, Print. A.I. Snegirevoy, 1913. 17 p.

4. Stovba A.V. *Pravovaya situaciya kak istok bytiya prava* [Legal situation as the source of the existence of law]. Kharkov, 2006. 75 p.

5. Pavlov V.I. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of theory of state and law]. Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs Publ., 2017. 214 p.

6. Pantykina M.I. Law-structure and law-procedure as forms of law genesis. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2008, no. 5, pp. 36–40. (In Russian).

7. Chestnov I.L. Law from the standpoint of sociocultural anthropology. In Isaev N.A., Chestnov I.L. (eds.). *Sociokul'turnaya antropologiya prava* [Sociocultural anthropology of law]. Saint Petersburg, Alef-Press Publ., 2015, pp. 199–277. (In Russian).

8. Polyakov A.V., Timoshin E.V. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Saint Petersburg University, 2005. 472 p.

9. Alexandrov A.S. *Vvedenie v sudebnuyu lingvistiku* [Introduction to forensic linguistics]. Nizhny Novgorod Law Academy, 2003. 420 p.

10. Rozhdestvensky Yu.V. *Teoriya ritoriki* [Theory of rhetoric]. Moscow: Dobrosvet Publ., 1997. 597 p.

11. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A., Afanasyev A.Yu., Bandorin I.V., Bosov A.E., Burmagin S.V., Voronin I.G. et al. *Doktrinal'naya model' ugovno-procussual'nogo dokazatel'stvennogo prava RF i kommentarii k nej* [Doctrinal model of criminal procedural evidence law of the Russian Federation and comments to it]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 304 p.

Информация об авторах

Александров Александр Сергеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России;

Александрова Ирина Александровна – доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

Information about the Authors

Alexandrov Alexandr Sergeevich – Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Criminal Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Alexandrova Irina Alexandrovna – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021; одобрена после рецензирования 19.12.2021; принята к публикации 21.12.2021.

The article was submitted 01.12.2021; approved after reviewing 19.12.2021; accepted for publication 21.12.2021.

Научная статья

УДК 343.98; 575.113

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.2

**Аминев Фарит Гизарович¹, Гарафутдинов Равиль Ринатович²,
Чемерис Алексей Викторович^{2,3}, Михайленко Константин Иванович^{2,4},
Сагитов Александр Муфазалович⁵**

¹Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

¹faminev@mail.ru

²Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Уфа, Россия

²garafutdinovr@mail.ru

³chemeris@gmail.com

⁴const@mail.ru

⁵ООО «Рост-консалт», Уфа, Россия

⁵amsbon@mail.ru

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДНК-ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ЦЕЛЯХ ВСЕОБЩЕЙ ГЕНОМНОЙ РЕГИСТРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что в условиях сложной ситуации в стране (рост организованной преступности, экстремизма и терроризма) повышается роль одного из видов криминалистической регистрации – геномной регистрации. В статье рассмотрены актуальные проблемы формирования, накопления и использования геномной (ДНК) регистрации с применением новых технологий ДНК-идентификации, показано отношение различных слоев населения к всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации, разработаны рекомендации по решению этических, организационно-технических, методологических и финансовых проблем при проведении геномной регистрации, показаны возможности повышения качества раскрытия и расследования преступлений в результате проведения всеобщей геномной регистрации населения России. *Целью* данной работы является анализ и разработка возможных путей решения правовых проблем за счет применения новых технологий для ДНК-идентификации личности при проведении всеобщей геномной регистрации населения Российской Федерации. *Методы:* эмпи-

---

© Аминев Ф.Г., Гарафутдинов Р.Р., Чемерис А.В., Михайленко К.И., Сагитов А.М., 2022

рические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: анализа результатов полимеразной цепной реакции и оцифровки нуклеотидов, социального опроса и толкования правовых норм. *Результаты:* исследование позволило выявить современное состояние различных направлений ДНК-анализа и разработать пути решения правовых проблем применения новых технологий для ДНК-идентификации личности в целях всеобщей геномной регистрации населения Российской Федерации.

Ключевые слова: ДНК-идентификация личности, всеобщая геномная регистрация, генетические технологии, нормативные правовые акты, оцифровка генетических данных, штрих-код

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта РФФИ-мк № 18-29-14076 (Башкирский государственный университет).

Для цитирования: Аминев Ф.Г. О возможностях применения новых технологий ДНК-идентификации личности в целях всеобщей геномной регистрации населения Российской Федерации / Ф.Г. Аминев, Р.Р. Гарафутдинов, А.В. Чемерис, К.И. Михайленко, А.М. Сагитов // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 30–41. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.2.

Original article

**Aminev Farit Gizarovich¹, Garafutdinov Ravil Rinatovich²,
Chemieris Alexey Viktorovich^{2,3}, Mikhailenko Konstantin Ivanovich^{2,4},
Sagitov Alexander Mufazalovich⁵**

¹Bashkir State University, Ufa, Russia

¹faminev@mail.ru

²Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

²garafutdinovr@mail.ru

³chemieris@gmail.com

⁴const@mail.ru

⁵Rost-Consult LLC (Ufa),

⁵amsbon@mail.ru

ON THE APPLICATION OF NEW DNA IDENTIFICATION TECHNOLOGIES FOR UNIVERSAL GENOMIC REGISTRATION OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The relevance of the topic under consideration lies in the fact that in the conditions of a difficult situation in the country (increased criminal activity, extremism and terrorism), the role of one of the types of forensic registration – genomic registration is growing. The article considers the current problems of the formation, accumulation and use of genomic (DNA) registration using new DNA identification technologies; the article shows the attitude of different segments of the population to universal genomic registration in the Russian Federation. Recommendations are developed to address ethical, organizational, technical, methodological and financial problems in genomic registration. The possibilities of improving the quality of crime detection and investigation as a result of universal genomic registration of the Russian population are shown. The *purpose* of this work is to analyze and develop possible ways to solve legal problems through the use of new technologies for DNA identification of individuals in the conduct of universal genomic registration of the population of the Russian Federation. *Methods:* the authors use empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Specific scientific methods are used: methods of analyzing the results of polymerase chain reaction and digitization of nucleotides, methods of social survey and interpretation of legal norms. *Results:* the study reveals the current status of various areas of DNA analysis and develops ways to solve legal problems of using new technologies for DNA identification of the individual for the purpose of universal genomic registration of the population of the Russian Federation

Keywords: DNA identification, universal genomic registration, genetic technologies, regulatory legal acts, digitization of genetic data, barcode

Financing. The work is carried out with the financial support of the RFBR as part of the implementation of scientific project RFBR-mk No 18-29-14076 (Bashkir State University).

For citation: Aminev F.G., Garafutdinov R.R., Chemeris A.V., Mikhailenko K.I., Sagitov A.M. On the application of new DNA identification technologies for universal genomic registration of the population of the Russian Federation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 30–41. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.2. (In Russian).

Основной вектор государственной политики в обеспечении биологической безопасности населения на сегодняшний день напрямую связан с реализацией двух направлений: генетической паспортизации и всеобщей

геномной регистрации населения Российской Федерации. В нынешних условиях, когда решение вопроса о проведении генетической паспортизации населения России вошло в стадию практической реализации, явным образом актуализируется проблема обеспечения защиты прав граждан при использовании геномной информации. При этом необходимо понимание разницы между всеобщей геномной регистрацией населения (как части системы криминалистической регистрации) и медицинской генетической паспортизацией граждан России (как части биогенетики – геномной медицины).

Не вдаваясь в мельчайшие подробности различий этих двух, казалось бы, близких процессов, отметим главное: если в медицинском генетическом паспорте человека (конечно же, при его добровольном согласии и тем более при предоставлении его заявления в медицинское учреждение) содержится практически полная информация о нем, позволяющая диагностировать не только его морфологические данные (цвет глаз, волос и др.), но и болезни (что позволит начать лечение на ранней стадии заболевания, выбрать «правильные генотерапевтические методы лечения» [1, с. 146]), то в базе данных геномной регистрации содержится полностью нейтральная минимальная информация в виде штрих-кода, позволяющая только идентифицировать человека, без каких-либо иных сведений о нем. Соответственно, если генетический паспорт гражданин может оформить в медицинском учреждении (такой паспорт может являться дополнением к обычной медицинской карте пациента поликлиники), то штрих-коды граждан будут находиться в недоступной для третьих лиц базе данных специализированного учреждения.

Показательны результаты проведенного нами опроса молодежи Республики Башкортостан, согласно которым 53,2 % считают, что формирование, хранение и использование базы данных ДНК-регистрации всего населения России необходимо организовать в системе МВД, 28,3 % – в Министерстве юстиции, 13,4 % – в Следственном комитете, 2 % – в ФСБ РФ; остальные респонденты предложили иные органы и учреждения.

Согласно Указу Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»¹ генетическая паспортизация и геномная регистрация населения России рассматриваются как важные меры по обеспечению биологической безопасности.

---

¹ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу : Указ Президента РФ от 11.03.2019 № 97 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 11, ст. 1106.

Для формирования генетического профиля населения путем генетической паспортизации, проводимой в медицинских учреждениях, необходимо создание единой базы данных, что может послужить «питательной средой» для неправомерного использования генетической информации. Поэтому неслучайно в Основах государственной политики обращается внимание, прежде всего, на необходимость эффективной защиты прав граждан в целях недопущения причинения вреда неправомерным использованием их генетической информации. Так, ученые выражают обеспокоенность по поводу «криминализации» использования генетической информации, заложенной в генетических паспортах медучреждений, возможности ее утечки и искажения, вероятность которых повышается в связи с появлением частных баз данных генетической информации [2, с. 31; 3, с. 17]. Мы полагаем, что сведения, содержащиеся в таких базах персонализированной медицины, являются конфиденциальными и должны использоваться только в медицинских целях и только по просьбе пациента «для осуществления персонализированного лечения» [4, с. 22].

Как известно, в настоящее время имеют место попытки отдельных государств получить доступ к генетическим базам данных медицинских учреждений, появляется все больше заинтересованных лиц в получении генетической информации конкретного человека (клиента, работника и др.) для своих целей, что может привести к злоупотреблениям с их стороны [5, с. 60]. Такой интерес может проявляться со стороны банков и иных кредитных организаций, страховщиков, некоторых работодателей и др. Тем более что такая практика уже имеется в других странах.

Также создается множество компаний, стремящихся получить доход от работы по расшифровке ДНК человека, а при отсутствии соответствующей нормативно-правовой базы их деятельность может привести к крайне негативным последствиям, в том числе к утечке генетических данных. Вполне обоснованны опасения относительно создания биологического этнического оружия против россиян, для чего требуется знание их геномов (которые при слабо организованной защите генетических паспортов могут быть получены из медицинских учреждений). Все это свидетельствует о настоятельной необходимости создания не только согласованной нормативной правовой базы в сфере использования генетической информации, но и реформирования существующих технологий использования геномов граждан для целей ДНК-паспортизации, ДНК-идентификации и кодирования геномов при создании системы всеобщей геномной регистрации.

В научных кругах обсуждается вопрос о том, каким образом структурировать генетическую информацию с учетом соблюдения конфиденциальности генетических данных граждан. В этой связи для целей ДНК-идентификации предлагается технология кодирования неполных геномов

граждан. То есть для генетического штрих-кодирования используется нейтральная информация о полиморфизме ДНК (на базе исследования снипов – однонуклеотидного полиморфизма ДНК) конкретного человека, для чего необходимо исключение из нее сведений личного характера, например о болезнях.

В судебной практике интерес к снипам постоянно растет. Причина такого внимания заключается в том, что они имеют ряд характеристик, которые важны для идентификационных исследований. Во-первых, они имеют очень маленький процент мутаций, и это играет существенную роль при идентификации личности. Во-вторых, они подходят для анализа с использованием высокопроизводительных технологий, а это существенно для формирования баз данных и автоматизации процесса.

Установлено, что генетические штрих-коды людей при условии исключения снипов из анализа генов являются дополнительным, весьма важным аргументом в пользу формирования баз данных по генетическим штрих-кодам, поскольку имеющиеся у отдельных лиц и целых групп населения опасения о возможном нарушении их прав как личности и дискриминации на основе генетических особенностей их личной ДНК лишаются в этом случае всякой почвы.

Отметим, что с момента возникновения в 1985 г. идентификационных исследований ДНК и идентификации с их помощью личности использовались различные маркерные локусы (определенные участки генов человека, имеющие наибольшую изменчивость, маркирующие (метящие) генотип несущего его индивидуума), что довольно подробно рассмотрено нами в других исследованиях [6; 7]. Относительно новым типом полиморфизма ДНК, имеющим хорошие перспективы для использования в ДНК-криминалистике, являются множественные фазированные однонуклеотидные замены, снипы или однонуклеотидный полиморфизм (SNP) в виде микрогаплотипов, претендующих на новое поколение маркерных признаков, как микродиплотипы для ДНК-идентификации личности и для анализа биологических следов с мест преступлений. При этом микродиплотип состоит из имеющих относительно небольшую протяженность (до 200 п.н.) двух парных микрогаплотипов из парных хромосом [7, с. 302].

Заметим, что микрогаплотипы, несущие некоторое количество однонуклеотидных замен, являются новым типом маркеров в криминалистических исследованиях для ДНК-идентификации личности, требующим при этом сопоставления данных по обеим парным хромосомам, что правильнее считать микродиплотипным анализом. При этом однонуклеотидный полиморфизм наиболее часто встречается в геномах людей. Основным методом

выявления однонуклеотидного полиморфизма в микрогаплотипах (микродиплотипах) является массовое параллельное секвенирование [7, с. 300].

При обнаружении полиморфных нуклеотидов в снипах, входящих в конкретный микродиплотип, с помощью массового параллельного секвенирования образуется два варианта данных в виде расположения полиморфных нуклеотидов снипов с учетом их нахождения в цис- и трансположениях, представляющих собой два микрогаплотипа, достигающих индивиду от отца и от матери. Но при этом (если это было не триосеквенирование) неизвестно, от кого из родителей эти участки генома исследуемого индивида происходят. То есть выяснить их цис- или трансположение не представляется возможным. Аналогичная ситуация будет со всеми микродиплотипами, взятыми в анализ, что ведет к определенным проблемам в ДНК-цифровизации данных такого секвенирования.

Согласно такому способу оцифровки азотистых оснований, как оцифровка их в четырехразрядном формате, предполагается, что они будут, соответственно, иметь следующие цифровые отображения: 1000|1000|0010 (цис- или транс-) и 1000|0010|0100 (транс- или цис-). Причем от того, какая последовательность полиморфных нуклеотидов будет выбрана для хранения в базе данных первой, получатся отличающиеся варианты: 1000|1000|0010|1000|0010|0100 либо 1000|0010|0100|1000|1000|0010, несмотря на то что они будут присущи одному и тому же человеку.

Чтобы исключить подобные разночтения, которые неизбежно будут возникать ввиду невозможности различения цис- и транс-вариантов секвенируемых участков, необходимо применять двухуровневую форму записи, по которой каждый снип в микродиплотипе сначала нужно рассматривать как отдельный, при этом должны оцифровываться одновременно оба нуклеотида, обнаруживаемые в нем, согласно тому же принципу оцифровки, представленному выше.

Таким образом, указанный микродиплотип, состоящий из двух микрогаплотипов A|A|G и A|G|C, может быть оцифрован как 1000|1010|0110. При обнаружении у второго человека в этом микродиплотипе полиморфных нуклеотидов A|G|C (цис- или транс-) и T|A|G (транс- или цис-) их оцифровка даст двоичную кодировку 1001|1010|0110, по которой этот человек будет отличаться от первого. Однако если у третьего человека выявятся следующие полиморфные нуклеотиды в этих снипах – A|G|G и A|A|C, то их оцифровка даст те же комбинации нулей и единиц – 1000|1010|0110, что и для A|A|G и A|G|C, как и у первого, поскольку при обычном обнаружении полиморфных нуклеотидов в снипах A/A, A/G, C/G их местонахождение в той или иной парной хромосоме не учитывается ввиду того, что его не определить таким секвенированием (косая черта обозначает присутствие тех или иных нуклеотидов в конкретных снипах).

При этом с учетом фазировки ДНК-данных эти люди по микродиплотипам будут, конечно же, отличаться. Здесь можно напомнить, что для снипов в составе микродиплотипов с учетом их цис- и трансположений число вероятностных комбинаций резко возрастает и подчиняется формуле:

$$[N \times (N+1)]/2,$$

где N – число микрогаплотипов.

Переходя на конкретные значения, для одного из приведенных вариантов (у второго человека) в виде трех биаллельных снипов A/T, A/G, C/G число их возможных комбинаций составит 8 (A|A|G, A|A|C, A|G|C, A|G|G, T|G|C, T|A|C, T|A|G, T|G|G), заодно являющихся микрогаплотипами, и число комбинаций микродиплотипов составит уже 36, с дальнейшим экспоненциальным ростом этой разницы по мере увеличения количества микродиплотипов и снипов в них.

Таким образом, относительно небольшое число микродиплотипов с фазированными гетерозиготными мультиаллельными или даже биаллельными снипами в состоянии обеспечить многие дециллионы и даже гуголкомбинации, что потенциально позволит в перспективе вести однозначную ДНК-идентификацию всех жителей планеты.

Однако для ДНК-регистрации населения и ДНК-идентификации личности в соответствующих криминалистических базах данных информация должна храниться в виде оцифрованного подходящим способом комплекта микродиплотипов, состоящих из парных микрогаплотипов с множественными, в том числе мультиаллельными снипами. Но, как видно из изложенного, существует проблема с определением цис- и трансположений отдельных микрогаплотипов, из-за чего выбор того или иного варианта их расположения при ДНК-цифровизации данных представляется до некоторой степени волюнтаристским.

Одним из решений проблемы является двухуровневый подход, согласно которому в единой цифровой записи каждый микродиплотип, во-первых, должен быть отделен от другого четверкой единиц (1111), выполняющих служебную функцию, внутри микродиплотипа прежде должен идти вариант записи снипов, без привязки к их фазированному состоянию в виде указанного выше примера для первого человека – 1000|1010|0110 (A/A|A/G|C/G), что может уже оказаться (с учетом гораздо большего количества снипов, берущихся в анализ в составе всех микродиплотипов) в подавляющем большинстве случаев достаточным для однозначной ДНК-идентификации личности. Однако при наличии совпадений нужно учиты-

вать фазированные варианты тех же снипов, причем при сравнении полиморфизма ДНК различных индивидов, а также при анализе смешанных образцов из биологических следов должны приниматься во внимание оба варианта записи микродиплотипа – 1000|1000|0010|1000|0010|0100 и 1000|0010|0100|1000|1000|0010. Возможно, их стоит отделять друг от друга в микродиплотипе тремя или двумя единицами (111 или 11). Таким образом, в базе данных информация о конкретном микродиплотипе может быть представлена в следующем виде: ... 1111 1000|1010|0110 111 1000|1000|0010|1000|0010|0100 111 1000|0010|0100|1000|1000|0010 1111 ...

Исходя из приведенного нами способа оцифровки полиморфных нуклеотидов в микродиплотипах, сведения о генетических штрих-кодах людей, если они будут основаны, как мы предлагаем, на нейтральных однонуклеотидных заменах, будут интересны соответствующим службам с единственной целью – для ДНК-идентификации личности в определенных случаях (например, при обнаружении неопознанного трупа в результате техногенных катастроф, аварий, необходимости установления личности человека, не способного по состоянию здоровья или в силу возраста сообщить данные о своей личности, в целях обнаружения разыскиваемых лиц и т. д.).

Следует полагать, что реальная польза и практическая значимость от тотального штрих-кодирования населения и однозначной ДНК-идентификации личности будет заключаться в помощи правоохранительным органам в их нелегкой борьбе с терроризмом и прочей преступностью и, несомненно, повысит раскрываемость таких злодеяний.

При этом заметно возрастет и упрочится доказательная база, поскольку она будет опираться не на личное мнение того или иного эксперта, анализировавшего следы биологического происхождения на основе STR-локусов (как это делается сейчас, причем часто подчеркивается их излишний субъективизм), а на существующие полноценные базы данных по всем людям, где уже не будет возможностей произвольного подхода при принятии решений о совпадении ДНК подозреваемого и настоящего преступника, поскольку заложенная в них цифровая информация будет фактически исключать неоднозначную трактовку.

Что касается опасений исследователей по поводу возможности создания этнического оружия на основе генетических штрих-кодов населения России и против конкретного человека в частности, то таковое создано быть не может в силу того, что хранящиеся в генетических штрих-кодах сведения о ДНК человека будут браться из разных хромосом человека, а те, которые будут взяты из нескольких одинаковых хромосом крупного размера, будут происходить из их частей, физически расположенных весьма далеко друг от друга. Уникальность каждого человека заключается

именно в комбинации всей этой информации по снипам, которая для каждого локуса (снипа) абсолютно не уникальна.

Тотальная геномная регистрация человечества, несомненно, повысит безопасность общества в целом и каждого человека в частности. Однако чтобы обеспечить надежную защиту генетической информации, содержащейся в базах данных ДНК, и исключить нарушение прав граждан, предстоит принять меры по модернизации существующей нормативной правовой базы с учетом современных реалий в сфере развития молекулярно-генетических технологий ДНК-идентификации личности.

Список источников

1. Чубукова С.Г. Подходы к правовому регулированию генетического тестирования в правовом государстве / С.Г. Чубукова // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 2 (60). – С. 145–156.

2. Веретенко М.Ю. «Геном человека»: этические риски и перспективы биотехнологий / М.Ю. Веретенко // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 12. – С. 31–36.

3. Попова О.В. Генетический паспорт человека и возможности его получения гражданами России / О.В. Попова // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 7 (175). – С. 14–19.

4. Бородин С.С. Геномные исследования и геномное редактирование в аспекте формирования эффективного правового режима / С.С. Бородин, Инюшкин А.А. // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 2 (60). – С. 19–31.

5. Романовский Г.Б. Правовое регулирование медицинских инновационных технологий в Российской Федерации: проблемы и перспективы / Г.Б. Романовский // Российская юстиция. – 2016. – № 10. – С. 59–62.

6. ДНК-криминалистика – зарождение, современность и перспективы / В.А. Анисимов, Р.Р. Гарафутдинов, А.М. Сагитов, А.Р. Сахабутдинова, Э.К. Хуснутдинова, Ф.Г. Аминев, А.В. Чемерис // Биомика. – 2019. – Т. 11 (3). – С. 282–314. DOI 10.31301/2221-6197.bmcs.2019-26.

7. Микродиплотипы как новые маркеры для ДНК-идентификации личности / Д.А. Чемерис, Р.Р. Гарафутдинов, А.М. Сагитов, М.А. Сагитова, К.И. Михайленко, В.В. Зубов, Р.Г. Васильев, П.А. Сломинский, В.А. Анисимов, Э.К. Хуснутдинова, Я.И. Алексеев, В.Е. Курочкин, Г.С. Лавров, А.А., Воробьев Ф.Г. Аминев, А.В. Чемерис // Биомика. – 2020. – Т. 12 (2). – С. 300–317. DOI 10.31301/2221-6197.bmcs.2020-17.

References

1. Chubukova S.G. Approaches to legal regulation of genetic testing in the rule-of-law state. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2020, no. 2 (60), pp. 145–156. (In Russian).
2. Veretenko M.U. «Human genome»: ethical risks and prospects of biotechnologies. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya = Humanities Scientific Researches*, 2013, no. 12, pp. 31–36. (In Russian).
3. Popova O.V. Genetic passport of a person and the possibility of obtaining it by Russian citizens. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2019, no. 7 (175), pp. 14–19. (In Russian).
4. Borodin S.S., Inyushkin A.A. Genomic researches and genomic editing in terms of forming effective legal regime. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2020, no. 2 (60), pp. 19–31. (In Russian).
5. Romanovsky G.B. Legal regulation of innovative medical technologies in the Russian Federation: problems and prospects. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2016. no. 10, pp. 59–62. (In Russian).
6. Anisimov V.A., Garafutdinov R.R., Sagitov A.M., Sakhabutdinova A.R., Khusnutdinova E.K., Aminev F.G., Chemeris A.V. DNA forensics – the origin, present state and future prospects. *Biomika = Biomics*, 2019, vol. 11 (3), pp. 282–314. DOI 10.31301/2221-6197.bmcs.2019-26. (In Russian).
7. Chemeris D.A., Garafutdinov R.R., Sagitov A.M., Sagitova M.A., Mikhailenko K.I., Zubov V.V., Vasilov R.G. et al. Microdiplotypes as new markers for DNA identification. *Biomika = Biomics*, 2020, vol. 12 (2), pp. 300–317. DOI 10.31301/2221-6197.bmcs.2020-17. (In Russian).

Информация об авторах

Аминев Фарит Гизарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, заслуженный юрист Республики Башкортостан, академик Российской академии естественных наук;

Гарафутдинов Равиль Ринатович – кандидат биологических наук, заведующий лабораторией физико-химических методов анализа биополимеров Института биохимии и генетики УФИЦ РАН;

Чемерис Алексей Викторович – доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института биохимии и генетики УФИЦ РАН;

Михайленко Константин Иванович – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института механики УФИЦ РАН;
Сагитов Александр Муфазалович – генеральный директор ООО «Рост-консалт».

Information about the Authors

Aminev Farit Gizarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics, Institute of Law, Bashkir State University, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences;

Garafutdinov Ravil Rinatovich – Candidate of Biological Sciences, Head of the Laboratory of Physicochemical Methods for the Analysis of Biopolymers, Institute of Biochemistry and Genetics, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences;

Chemeris Alexey Viktorovich – Doctor of Biological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of Biochemistry and Genetics, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences;

Mikhailenko Konstantin Ivanovich – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Mechanics, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences;

Sagitov Alexander Mufazalovich – General Director of Rost-Consult LLC.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 22.12.2021; принята к публикации 23.12.2021.

The article was submitted 13.12.2021; approved after reviewing 22.12.2021; accepted for publication 23.12.2021.

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.3

Гизатуллин Ирек Альфредович

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,

gizatullin-irek@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2108-690X>

ОТКАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ СУДЬИ

Аннотация. В статье критикуется обязанность суда прекратить уголовное дело или уголовное преследование при отказе государственного обвинителя от обвинения с точки зрения препятствования таким последствиям осуществлению судом уникальной функции – разрешения уголовного дела. *Цель* – разработка теоретических положений, обосновывающих необходимость законодательного совершенствования института отказа государственного обвинителя от обвинения для обеспечения процессуальной независимости судей. При подготовке статьи использованы *методы* системного анализа, синтеза, социологического опроса и обобщения. *Результаты:* на основе анализа материалов уголовных дел и результатов анкетирования судей доказывается, что безальтернативный характер последствий отказа государственного обвинителя от обвинения – это неоправданное ограничение свободы судейского усмотрения в принятии итогового решения и отсутствие реальной возможности у суда обеспечить процессуальные интересы при фактическом наличии к тому достаточных оснований. В этой части автор сравнивает уголовный процесс с гражданским и арбитражным, отмечая, что в них отказ истца от иска возможен лишь в тех случаях, когда это не нарушает фундаментальных основ правосудия и интересов третьих лиц. Предлагается исключить из закона правило об обязательном прекращении уголовного дела при отказе государственного обвинителя от обвинения и оставить решение этого вопроса на мотивированное усмотрение суда, как это было сделано в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.

Ключевые слова: отказ от обвинения, государственный обвинитель, независимость судей, судейское усмотрение, процессуальные интересы, прекращение уголовного дела

Для цитирования: Гизатуллин И.А. Отказ государственного обвинителя от обвинения в контексте обеспечения процессуальной свободы судьи / И.А. Гизатуллин // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 42–59. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.3.

Original article

Gizatullin Irek Alfredovich

Bashkir State University, Ufa, Russia, gizatullin-irek@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2108-690X>

WITHDRAWAL OF THE CHARGE BY THE PUBLIC PROSECUTOR IN THE CONTEXT OF ENSURING PROCEDURAL FREEDOM OF THE JUDGE

Abstract. The article criticizes the obligation of the court to discontinue criminal proceedings or prosecutions if the public prosecutor refuses to prosecute in terms of preventing such consequences from obstructing the court's unique function of resolving a criminal case. The *purpose* of the work is to develop theoretical provisions justifying the need for legislative improvement of the public prosecutor's withdrawal of the charge in order to ensure the procedural independence of judges. The article uses the *methods* of system analysis, synthesis, sociological survey and generalization. *Results:* on the basis of the analysis of criminal case files and the results of the judges' questionnaires, it is proved that the lack of an alternative effect of the public prosecutor's withdrawal of prosecution is an unjustified restriction of the judge's discretion in making the final decision and the lack of a real possibility for the court to ensure the procedural interests in the actual presence of sufficiently accurate grounds. In this part, the author compares criminal proceedings to civil and arbitration proceedings, noting that the plaintiff's waiver is possible only if it does not violate the fundamental principles of justice and the interests of third parties. It is proposed to remove from the law the rule of mandatory dismissal of a criminal case when the public prosecutor withdraws the charge, and to leave the matter to the reasoned discretion of the court, as it was done in the Statute of Criminal Procedure of 1864.

Keywords: withdrawal of the charge, public prosecutor, independence of judges, judicial discretion, procedural interests, dismissal of a criminal case

For citation: Gizatullin I.A. Withdrawal of the charge by the public prosecutor in the context of ensuring procedural freedom of the judge. *Pravovoe go-*

sudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 1, pp. 42–59. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.3. (In Russian).

В российской уголовно-процессуальной науке дискуссии об отказе прокурора от обвинения в рамках судебного производства ведутся уже долгое время и сосредоточены они, как правило, на проблемах процессуальной регламентации последствий реализации прокурором такого права. В контексте обеспечения процессуальной свободы судьи полемика относительно данного института традиционно была связана с вопросом о том, должен ли суд, в случае такого отказа, прекращать уголовное дело и ограничивает ли этот институт судебскую независимость, поиски ответа на который всегда сопровождались противостоянием сторонников состязательного процесса и объективной истины. Еще до закрепления в УПК РФ существующей модели отказа прокурора от обвинения сторонники «чистой состязательности» восторженно восприняли принятие Конституционным Судом РФ Постановления от 20 апреля 1999 г.¹, которым фактически была свергнута советская модель института отказа прокурора от обвинения, допускавшая возможность продолжения разбирательства по усмотрению суда. Нашлись и те, кто в последующем увидел в такой модели отказа прокурора от обвинения процессуальную зависимость судебной власти от органов обвинения [1, с. 76]. В настоящее время многие точки зрения относительно рассматриваемой проблемы продолжают строиться на основе авторских предпочтений либо типа уголовного процесса, с которым принято связывать формирование модели отказа от обвинения, либо принципов объективной и формальной истины.

В настоящей работе мы сознательно избегаем попытки отстаивания какой-либо позиции в отношении процессуальной регламентации отказа прокурора от обвинения путем выражения симпатий к таким категориям или включения в другие подобные концептуальные, если не сказать пафосные, дискуссии. Нас прежде всего интересуют проблемы спорной практики применения данного института и неоднозначного отношения судей к существующей модели отказа, о чем свидетельствуют данные эмпирических исследований, к которым нам еще предстоит обратиться. Здесь отметим лишь, что процессуальная свобода судьи включена в контекст

---

¹ По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород : постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 17, ст. 2205.

нашего исследования как по причине ее очевидной ограниченности в данной процессуальной ситуации, что само по себе требует поиска объяснений или возможных компенсаторных механизмов, так и в связи с неблагоприятными последствиями такого ограничения.

В современной правоприменительной практике отказ прокурора от обвинения встречается очень редко. Заметно больше в этом отношении количества случаев изменения прокурором обвинения в суде¹. Изучение уголовных дел, в которых были заявлены отказы от обвинения или изменены обвинения в сторону смягчения, показало, что суды практически всегда, следуя требованиям закона, прекращают уголовное дело или выносят приговор в соответствии с «новой» квалификацией. В то же время весьма примечательно, что больше половины (57 судей – 50,89 %, учитывая, что 13 затруднились ответить на данный вопрос) опрошенных нами судей полагают, что отказ прокурора от обвинения в ходе судебного разбирательства не должен безальтернативно влечь прекращение уголовного дела, а должен рассматриваться судом как ходатайство стороны обвинения². Получается, что отношение судей к существующей регламентации этого института как минимум неоднозначно. Можно ли объяснить такие цифры лишь ментальной привязанностью к советской модели отказа прокурора от обвинения? Думается, что на формирование такой позиции в первую очередь влияет то, какой оказывается практика отказов от обвинения и изменения обвинения, с которой сталкиваются судьи. Возможно, именно поэтому существуют единичные примеры, когда суды не соглашались с отказом от обвинения или его изменением. При всей неоднозначности таких решений с точки зрения законности именно в них видится реализация свободы судейского усмотрения. Рассмотрим один из таких случаев на примере отказа прокурора от обвинения, первоначально представленного в

---

¹ По результатам изучения 324 материалов уголовных дел, рассмотренных районными судами г. Уфы, районными и межрайонными судами Республики Башкортостан, Верховным судом Республики Башкортостан, городскими и районными судами Челябинской области и Челябинским областным судом, а также судами разного звена различных регионов Российской Федерации, полный отказ прокурора от обвинения встречался 1 раз, частичный – 2 раза. В то же время изменение прокурором обвинения в сторону смягчения любым путем, предусмотренным ч. 8 ст. 246 УПК РФ, наличествовало в 8 уголовных делах. Выводы, сделанные на основе эмпирических данных о существовании такой тенденции, сохраняются и в работах других авторов [см., например: 2, с. 114].

² Здесь и далее приводятся результаты анкетирования 112 судей районных судов Республики Башкортостан и г. Уфы, судей Верховного суда Республики Башкортостан и Челябинского областного суда.

суд, и его изменения путем переквалификации деяния на менее тяжкую статью УК РФ.

Кировским районным судом г. Уфы было рассмотрено уголовное дело в отношении К. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ. В ходе судебного разбирательства государственный обвинитель изменил обвинение в сторону смягчения путем переквалификации деяния на ч. 1 ст. 118 УК РФ. Апелляционная коллегия Верховного суда Республики Башкортостан оставила приговор без изменения. В кассационной жалобе потерпевший Д. выразил несогласие с судебными решениями и обратил внимание на большое количество нарушений, допущенных судами при рассмотрении дела, многие из которых в последующем действительно были признаны судом кассационной инстанцией. Не соглашаясь с изменением обвинения, потерпевший в первую очередь сослался на содержащееся в материалах дела ключевое доказательство – видеозапись с камер наблюдения ночного клуба, где отчетливо видно, что осужденный нанес ему сначала один удар правой рукой в левую височную область головы, потом еще один удар левой рукой в область лица, после чего последовало характерное движение корпусом с целью нанесения удара ногой. На заседании суда первой инстанции данная запись исследована не была, как и не были допрошены некоторые ключевые свидетели, которые в ходе предварительного расследования также указали на нанесение неоднократных ударов подсудимым. Выводы об умышленности действий осужденного следуют из показаний свидетеля Б., который на судебном заседании подтвердил, что подсудимый нанес потерпевшему множество ударов кулаками в область головы и ногами по туловищу, а после того как он упал на пол, продолжал наносить ему удары ногами.

Из материалов уголовного дела, в частности протоколов судебных заседаний, видно, что видеозапись с камер наблюдения ночного клуба действительно не была исследована, предметом исследования в суде первой инстанции явился лишь протокол осмотра диска с указанной видеозаписью, который, по мнению суда кассационной инстанции, не был должным образом проверен судом путем сопоставления с видеозаписью. Так, установлено несоответствие зафиксированных следователем при составлении протокола осмотра данной видеозаписи событий самой видеозаписи, в частности количеству нанесенных К. ударов потерпевшему Д. Кроме того, показания осужденного и допрошенных судом первой инстанции свидетелей сопоставлялись лишь с протоколом осмотра данной видеозаписи, составленным следователем. И наконец, Президиум Верховного суда Республики Башкортостан обратил внимание на существенное нарушение уголовно-процессуального закона, допущенное при назначении и производстве экспертизы по уголовному делу. Так, для экспертного исследования были представлены

лишь показания обвиняемого К. и свидетелей, указывавших о нанесении потерпевшему одного удара ладонью левой руки в область головы, которые, как установлено, не соответствуют видеозаписи с камер наблюдения с места происшествия. Более того, ни следователем в ходе предварительного расследования, ни судом не установлено, каким образом потерпевший упал на пол после нанесения ему К. удара или ударов, в связи с чем вывод эксперта о том, что комплекс повреждений у потерпевшего мог образоваться при падении и дальнейшем соударении правой половиной головы о тупой твердый предмет, является не чем иным, как предположением.

Исходя из изложенного суд кассационной инстанции констатировал, что «нарушение судом правил исследования и оценки доказательств не могло не повлиять на исход дела, в том числе и на обоснованность изменения государственным обвинителем обвинения, предъявленного К., с ч. 1 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 118 УК РФ» (курсив наш. – И. Г.), и, отменяя решения судов нижестоящих инстанций, возвратил дело прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ¹.

Конечно, в попытках оценки действий государственного обвинителя нельзя проигнорировать очевидные нарушения судами уголовно-процессуального закона. Можно даже допустить, что при полном исследовании всех обстоятельств судом первой инстанции уголовное дело было бы возвращено прокурору на более ранних этапах. Тем не менее все это – проблемы активности суда в доказывании и добросовестного отношения к исследованию обстоятельств дела, не имеющие никакого отношения к изменению государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения, в обоснованности которого возникают очевидные сомнения. Во-первых, это следует из фактических обстоятельств дела, подтверждаемых, прежде всего, видеозаписью с камер наблюдения, оценка которых меньше любых доказательств по делу связана с субъективностью внутреннего убеждения. Во-вторых, несколько несвойственной для фигуры прокурора выглядит пассивность в непосредственном исследовании доказательств (согласно протоколам судебных заседаний отсутствуют ходатайства об исследовании ключевых доказательств обвинения) в условиях, когда кажется очевидным, что государственный обвинитель должен использовать все возможные процессуальные средства для отстаивания обвинения, которое, в каком-то смысле, сам же и утверждал. Если признать, что на практике одной из причин изменения обвинения или отказа от него является непосредственное исследование доказательств [2, с. 114], которое невозможно при самостоятельном

---

¹ Архив Верховного суда Республики Башкортостан. Уголовное дело № 44у-118/2018.

изучении материалов дела, то в нашем случае не совсем ясно, что могло повлиять на принятие такого решения прокурором. Все доказательства исследованы не были, как и не было допрошено большинство свидетелей. Насколько верно в таком случае связывать изменение обвинения с трансформацией внутреннего убеждения прокурора в ходе судебного разбирательства? Между тем поиски причин переквалификации деяния не приведут к решению фактических проблем, первая из которых заключается в нарушении прав потерпевшего, а вторая связана с отсутствием значимости внутреннего убеждения судьи при реализации рассматриваемых институтов.

Обязательность для суда последствий, предусмотренных ч. 7 ст. 246 УПК РФ, обуславливает приоритет убеждения прокурора над судебским. При этом нельзя упускать из виду известную особенность, связанную с формированием и внешним выражением перед судом убежденности прокурора в недоказанности предъявленного обвинения. Внутреннее убеждение, которым должен руководствоваться прокурор при оценке доказательств (ст. 17 УПК РФ) и которое в конечном счете может вызвать отказ от обвинения, на практике превращается в фикцию, что обусловлено ведомственной политикой Прокуратуры РФ. Так, Приказ Генеральной прокуратуры РФ, устанавливающий порядок поддержания обвинения в суде, обязывает государственного обвинителя при существенном расхождении с позицией, выраженной в обвинительном заключении или обвинительном акте, докладывать об этом прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение, а указанного прокурора, в случае принципиального несогласия с позицией обвинителя, исходя из законности и обоснованности предъявленного обвинения, своевременно решать вопрос о замене обвинителя либо самому поддерживать обвинение¹. Таким образом, убежденность прокурора в недоказанности обвинения, к которой он приходит в результате оценки доказательств, еще не позволяет ему отказаться от обвинения. Для этого требуется доложить о своем намерении вышестоящему прокурору, который в свою очередь, не исследуя обстоятельства дела непосредственно в судебном заседании (!), вправе не согласиться с намерением отказа.

Существующая процедура заявления прокурором отказа от обвинения в совокупности с императивным для суда характером последствий заявления такого отказа нередко оценивается авторами негативно. Более того, некоторые научные дискуссии не ограничиваются критикой имеющихся форм распоряжения прокурором обвинением, а охватывают проблему

---

¹ Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25.12.2012 № 465 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.09.2021).

обязательности для суда квалификации, представляемой стороной обвинения. Так, высказываются мнения о том, что квалификация, содержащаяся в обвинительном заключении и поддерживаемая прокурором в суде, должна носить предварительный характер, поскольку в противном случае судья «...вынужден осуществлять квалификацию содеянного, руководствуясь не собственным убеждением, а мнением обвинителя – стороны, которая преследует собственный процессуальный интерес» [3, с. 288]. При этом отсутствие какого-либо противоречия данному предложению принципу состязательности объясняется тем, что *onus probandi* (бремя представления доказательств) на суд не возлагается, а остается за обвинителем [4, с. 9]. Как, например, пишет К.В. Муравьев, «если суд не инициировал обвинение, не представлял доказательства, а лишь посредством их оценки свободно сформировал свое внутреннее убеждение по поводу квалификации, то он должен иметь право на постановление приговора, соответствующего, по его мнению, уголовному закону, причем независимо от того, какую правовую оценку деянию дают стороны» [3, с. 284]. При всей притягательности такой позиции с точки зрения обеспечения процессуальной независимости судьи нельзя не отрицать тот факт, что она является радикальной в условиях действующего уголовно-процессуального закона по причине очевидного противоречия правилу о пределах судебного разбирательства.

Обратимся к еще одному случаю отказа государственного обвинителя от квалифицирующего признака состава преступления в суде, который также способен породить определенные сомнения в обоснованности принятия такого решения.

Рязанским областным судом было рассмотрено уголовное дело по обвинению Т. в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, совершенное с особой жестокостью). На наличие в действиях подсудимого признака «особой жестокости» указывают характер и способ совершения убийства: многочисленные ножевые ранения и удары в различные части тела потерпевшей, использование различных орудий преступления, немалый промежуток времени между началом посягательства и моментом смерти потерпевшей. В ходе судебного разбирательства прокурор изменил обвинение в сторону смягчения путем переквалификации деяния на ч. 1 ст. 105 УК РФ, посчитав, что квалифицирующий признак «совершенное с особой жестокостью» не нашел подтверждения¹. Между

---

¹ Приговор Рязанского областного суда от 16.12.2014 по делу № 2-17/2014 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=563473#gbOp5zSOAGc6X8YO1> (дата обращения: 19.09.2021).

тем подробное изучение обстоятельств дела оставляет место для полемики по этому поводу. Во-первых, в ходе предварительного следствия было установлено, что подсудимым было нанесено в общей сложности 34 удара (!) различными предметами (2 разных кухонных ножа, топор-колун), использованными последовательно. Во-вторых, телесные повреждения не сосредоточены в одном месте, а находятся на разных частях тела (голова, шея, туловище, конечности). Например, удары ножом были нанесены в кисти и пальцы рук, дистальные фаланги, локтевые суставы. Это никак не согласуется с позицией о том, что подсудимый желал простого убийства. В-третьих, установлен различный характер повреждений в результате совершения ударов: резаные, колото-резаные, рубленые раны, переломы костей черепа и лица, ссадины и т. д. И наконец, все эти действия были совершены в течение продолжительного времени, в разных комнатах дома, где потерпевшая пыталась избежать посягательства со стороны подсудимого. Важно также то, что согласно заключению эксперта промежуток времени между нанесенными повреждениями и смертью составляет несколько десятков минут. Перечисленные обстоятельства в совокупности свидетельствуют как минимум о том, что потерпевшая испытывала сильные страдания перед смертью, что является особенностью данного вида квалифицированного убийства¹.

Здесь вполне логично задаться вопросом о том, зачем подсудимому, желавшему смерти подсудимой без предварительных страданий, наносить такое количество ударов разнообразными орудиями по практически всем частям тела? Государственный обвинитель не дал ответа на него, а обжалование решения потерпевшим в вышестоящую инстанцию по понятным причинам не увенчалось успехом – Верховный Суд РФ был вынужден признать, что действия прокурора соответствуют ч. 8 ст. 246 УПК РФ, а суд связан с позицией обвинения². Если представить, что суд при рассмотрении дела не был согласен с изменением обвинения, а предпосылки к этому, как мы видим, имелись, то насколько правосудным является осуждение подсудимого по ч. 1 ст. 105 УК РФ? Получается парадоксальное, но совершенно типичное для российской практики явление: суду приходится осуждать лицо в совершении преступления, которое, по мнению суда, он не совершал. Вынесение оправдательного приговора как единственный

---

¹ О судебной практике по делам об убийстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 // Российская газета. 1999. 9 фев.

² Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.03.2015 № 6-АПУ15-1 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=425977#ux tq5zSa0wUqjfXL> (дата обращения: 19.09.2021).

способ отстаивания своей позиции тоже абсурдно в условиях подтверждения вины совокупностью доказательств и самим подсудимым.

Согласно результатам анкетирования 75 (70,7 %) судей как минимум несколько раз были не согласны с отказом прокурора от обвинения или с его изменением; 2 (1,9 %) судей были не согласны с такой позицией во всех случаях; остальные 29 (27,3 %) судей, которым приходилось сталкиваться с подобными ситуациями, соглашались с мнением прокурора всегда. С формальной точки зрения такие результаты сами по себе не констатируют существование какой-либо проблемы. Однако с содержательной стороны она колоссальная, если попытаться представить, какое количество из этих отказов от обвинения, с которыми не были согласны судьи, могло быть совершено при тех же обстоятельствах, что и в ранее рассмотренном примере уголовного дела. И самое главное – в скольких из таких случаев судья брал на себя смелость не согласиться с прокурором и продолжить судебное разбирательство или возвратить дело в порядке ст. 237 УПК РФ в целях защиты прав потерпевшего. По понятным причинам, думается, что единицы.

Одним из способов избежать нарушения прав потерпевшего и одновременно обеспечить независимость судей при отказе от обвинения, на первый взгляд, может стать предоставление потерпевшему права самостоятельно поддерживать обвинение в случае несогласия с позицией прокурора. Это предложение представлено в научной литературе в различных вариациях [см., например: 2, с. 10; 5, с. 157; 6], а в некоторых постсоветских странах такое право закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве¹. Данный подход законодателя справедливо называют «компромиссной парадигмой», предполагающей закрепление «состязательного начала с одновременным "реверансом" в сторону принципа материальной (объективной) истины посредством предоставления потерпевшему права на субсидиарный уголовный иск...» [7, с. 240–241].

Примечательно, что правило о необходимости учета мнения потерпевшего при отказе государственного обвинителя от обвинения было закреплено в отечественном законодательстве в последние годы действия УПК РСФСР 1960 г., однако оно имело ограниченное действие, поскольку распространялось только на случаи отказа при рассмотрении дела судом

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по сост. на 04.09.2021). Ст. 337 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=4787;36 (дата обращения: 20.09.2021). Схожая регламентация последствий отказа от обвинения присутствует и в УПК Республики Беларусь, УПК Киргизской Республики и др.

присяжных. Так, ст. 430 УПК РСФСР, введенная Законом РФ от 16 июля 1993 г. № 5451-1 (как и весь раздел 10 «Производство в суде присяжных»), предусматривала прекращение уголовного дела при отказе государственного обвинителя от обвинения лишь «при отсутствии возражений со стороны потерпевшего»¹. На тот момент такая корректировка процедуры отказа от обвинения была оценена положительно даже сторонниками чистой состязательности. Например, профессор В.М. Савицкий в своей вступительной статье к редакции УПК РСФСР писал, что в ст. 430 дано принципиально правильное решение проблемы отказа государственного обвинителя от обвинения, в отличие от общего правила, закрепленного в ч. 4 ст. 248, которое превращает суд в обвинителя большего, чем прокурор².

Между тем решение проблемы реализации независимости судей при отказе прокурора от обвинения путем расширения прав потерпевшего актуально до тех пор, пока в уголовном деле есть потерпевший. Во всех остальных случаях, а это значительная часть судебных разбирательств, как правило, по преступлениям тяжким и особо тяжким (незаконный оборот наркотиков, экстремистские и террористические преступления и т. д.), этот механизм перестает работать, поскольку потерпевший (физический) по таким делам отсутствует. Как пишет Л.В. Головкин, в такой ситуации возникает «странная и парадоксальная закономерность: чем более опасным с точки зрения последствий оказывается преступление ... тем более состязательным становится уголовный процесс» [7, с. 243]. Если рассматривать такой вариант процедуры заявления отказа от обвинения в качестве способа решения нашей проблемы, то получится, что степень реализации судейской независимости в этой части будет зависеть от того, есть ли потерпевший по уголовному делу и желает ли он поддерживать субсидиарный уголовный иск самостоятельно. Понятно также и то, что на практике потерпевший по абсолютно разным причинам (снисхождение к подсудимому, нежелание утруждать себя судебными тяжбами и т. п.) может не возражать против отказа государственного обвинителя от обвинения, в то время как фактические обстоятельства дела могут указывать на виновность подсудимого и обоснованность предъявленного обвинения.

Стоит подчеркнуть, что уголовное преследование и поддержание обвинения зачастую осуществляются вовсе без учета мнения заинтересован-

---

¹ О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судеустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : закон РФ от 16.07.1993 № 5451-1 // Российские вести. 1993. 17 авг.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР / вступит. ст. д-ра юрид. наук, проф. В. Савицкого. М. : БЕК, 1994. С. XX.

ных лиц, например по преступлениям, в которых потерпевшего, по крайней мере физического, быть не может. Тем не менее государство через уполномоченные органы и должностных лиц осуществляет уголовно-процессуальную деятельность, защищая общественный интерес вне зависимости от наличия потерпевшего по делу, поскольку публично-правовой характер уголовного процесса обусловлен материальным правом, а именно определением преступления как общественно опасного деяния [8, с. 33]. Этим объясняется оправданный интерес некоторых исследователей к вопросу о том, кто доверил российскому прокурору выступать от имени общества в качестве стороны обвинения и распоряжаться им по своему усмотрению. Отвечая на него, Л.В. Головкин приходит к выводу, что способы легитимации прокурора со стороны общества разнятся в зависимости от типа уголовного процесса. Так, американский вариант легитимации происходит политическим путем, поскольку в США прокуроры избираются населением на уровне штатов, в результате чего общество легитимирует деятельность прокурора, – «с одной стороны, общество наделяет прокурора полномочиями *a priori*, избирая его на должность, а с другой – контролирует его *a posteriori*, решая вопрос о переизбрании прокурора на следующих выборах». Другой путь легитимации, характерный для стран с континентальной моделью уголовного процесса (Франция, Германия, Бельгия и др.), основан на простом доверии прокурору представлять в суде от имени общества уголовный иск. И поскольку прокурор не является хозяином уголовного иска, он не вправе от него отказываться [7, с. 247–255].

Если руководствоваться таким подходом при оценке существующего института отказа от обвинения, то придется признать, что российский вариант легитимации обвинительной деятельности прокурора представляет собой синтез двух разнотипных моделей: континентальной и англо-американской. С одной стороны, право представлять общественный интерес в суде предоставлено прокурору не посредством его выборов, а путем обычного доверия, что характерно для континентальной модели. С другой стороны, последствия отказа прокурора от обвинения аналогичны англо-американской модели, поскольку обязывают суд прекратить дело.

Заимствование законодателем англо-американского варианта последствий отказа от обвинения, продиктованное желанием исключить осуществление обвинительной функции судом и процессуально его обособить, не стало успешным в условиях отечественного, не англо-американского, уголовного судопроизводства. Новая модель института явилась разрозненной по причине своей концептуальной несостоятельности, а другие уголовно-процессуальные механизмы, которые смогли бы решать задачи, ранее возлагавшиеся на советский институт отказа от обвинения, попросту

не были созданы. Вскоре после принятия УПК РФ этот факт был осознан Конституционным Судом РФ. В Постановлении от 8 декабря 2003 г. была сделана попытка несколько «преобразить» этот институт в традициях континентального уголовного процесса. Законодатель обязал прокурора заявлять отказ только фактически после окончания судебного следствия и мотивировать его, при этом сторонам была предоставлена возможность обжаловать такой отказ¹. Но на практике такая позиция Конституционного Суда РФ была оценена некоторыми судами лишь как возможность не соглашаться с отказом прокурора от обвинения ввиду его необоснованности. Так, некоторые авторы в своих исследованиях приводят примеры, когда суды не принимают отказ от обвинения, считая его попросту необоснованным [9, с. 180; 10, с. 61–63].

Таким образом, ограничение свободы судебского усмотрения при отказе государственного обвинителя от обвинения, потенциальная незащищенность прав потерпевшего и третьих лиц, бюрократический характер порядка заявления отказа и, наконец, концептуальная несостоятельность самого института в совокупности образуют одну из глобальных проблем отечественного правосудия.

На наш взгляд, правильный подход к регламентации процедуры отказа государственного обвинителя от обвинения с точки зрения обеспечения процессуальной независимости судей был реализован в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Если прокурор находил оправдания подсудимого уважительными, то был обязан «заявить о том суду по совести» (ст. 740), однако это не влекло за собой последствия в виде прекращения дела судом. Отказ прокурора от обвинения не отменял действие обвинительного акта, который продолжал являться основанием привлечения к уголовной ответственности. По этому поводу известный русский правовед того периода М.В. Духовской писал, что в случае отказа государственного обвинителя от обвинения «суд не останавливается в рассмотрении дела, так как отказ этот не уничтожает обвинительного акта, который во всем том, что не опровергнуто судебным следствием, должен служить основанием к постановке решения» [11, с. 325]. Скорее всего, такой вывод делался на основании ст. 751 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., которая предусматривала, что при постановлении приговора судом «основанием вопросов по существу дела должны служить в том числе выводы обви-

---

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51, ст. 5026.

нительного акта». Эти обстоятельства позволяют некоторым современным авторам высказывать обоснованные суждения о том, что в дореволюционном уголовном процессе России «государственный обвинитель обладал правом отказа исключительно от процессуального обвинения, то есть от процессуальной деятельности по поддержанию обвинения перед судом, но не обладал правом отказа от материального обвинения, зафиксированного в обвинительном акте» [12, с. 29].

Стоит отметить и то, что распространенность отказов от обвинения на практике и отношение органов прокуратуры к их заявлению вполне соотносимы с современными реалиями. Так, по воспоминаниям А.Ф. Кони, «отказы от обвинения были не часты... Первое время деятельности новых судов высшая прокуратура относилась к отказам от обвинения неодобрительно. Мне известно несколько таких случаев, и лично я должен был, будучи товарищем прокурора в Петербурге, давать по требованию прокурора палаты объяснение оснований, по которым я отказался поддерживать обвинение, изложенное в определении судебной палаты» [13, с. 141–142].

Даже спустя полтора века ситуация существенно не поменялась: отказы от обвинения в суде по-прежнему редчайшие исключения из правил, а о негативном отношении руководства органов прокуратуры РФ к заявлению таких отказов своими служащими известно практически каждому практикующему юристу. Изменилось лишь то, что современный суд, в отличие от суда дореволюционной России, не способен разрешить уголовное дело согласно собственному убеждению, преследуя при этом цель защиты общественного и частного интересов. И здесь важно отметить, что актуальность затронутых проблем обусловлена вовсе не большим количеством случаев отказа от обвинения на практике и не существующей в органах прокуратуры политикой неприятия отказов, а наличием потенциальной угрозы постановки судьи в безвыходное положение, при котором отсутствует реальная возможность проявления процедурной реакции согласно собственному усмотрению. В настоящее время правовые последствия отказа государственного обвинителя от обвинения обуславливают ситуацию, при которой суд, разрешая один социальный конфликт, своим решением провоцирует возникновение новых, что не соответствует истинным целям правосудия. Здесь уместно вспомнить слова профессора П.И. Люблинского, сказанные еще более века назад: «Суд – настолько тонкий аппарат, что он не сумеет быть проводником законности, если эта законность вредна обществу, и принуждение суда следовать плохому закону выразится в ряде серьезных ненормальностей в виде ли неосновательных оправдательных приговоров присяжных, в виде ли искусственной квалификации деяния

коронными судьями или, наконец, в виде целого ряда опасных обходов закона» [14, с. 264].

Подводя итог, стоит упомянуть о том, что выявленные проблемы характерны только для уголовной отрасли отечественного судопроизводства, в гражданском и арбитражном процессах давно найден компромисс для схожих случаев. Так, отказ от иска, несмотря на свой сугубо дискреционный характер, может быть не принят судом, «если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц» (ч. 2 ст. 39 ГПК РФ, ч. 5 ст. 49 АПК РФ). Более того, в гражданском и арбитражном процессах именно суд решает, какой закон должен быть применен по делу. По смыслу ч. 1 ст. 196 ГПК РФ и ч. 1 ст. 168 АПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам, а также указывает мотивы неприменения норм права, на которые ссылались лица, участвующие в деле¹. Все это исключает необходимость вести долгие разговоры о балансе между диспозитивностью участников и судебским усмотрением, о природе искового требования – акценты расставлены таким образом, что интересы правосудия требуют реализации независимости судей вне всякой связи с интересами других лиц. При этом состязательный характер гражданского и арбитражного судопроизводства мало у кого вызывает сомнения, по крайней мере в этой части.

Изложим краткие выводы:

1) безальтернативная обязанность суда прекратить уголовное дело в случае отказа государственного обвинителя от обвинения является процессуальным ограничением независимости судьи, поскольку не позволяет разрешить уголовное дело согласно судебскому усмотрению. Нормативная регламентация института отказа государственного обвинителя от обвинения сориентирована только на обеспечение интересов государства (официальный интерес), без всякого учета интересов частного и общественного, представленных в государственном обвинении;

2) предлагается исключить из закона правило, обязывающее суд прекратить уголовное дело в случае отказа государственного обвинителя от обвинения, как это было сделано в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., и оставить решение этого вопроса на мотивированное усмотрение суда по аналогии с положениями ст. 39 ГПК РФ и ст. 49 АПК РФ, предоставляющими судье свободу выбора при разрешении им заявленного отказа от иска.

---

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. 2015. 30 июня.

Список источников

1. Кальницкий В.В. Состязательное построение судопроизводства не должно препятствовать свободному формированию внутреннего убеждения судьи / В.В. Кальницкий // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2003. – № 4. – С. 75–77.
2. Михайлов А.А. Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Михайлов. – Томск, 2008. – 266 с.
3. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / К.В. Муравьев. – Омск, 2017. – 505 с.
4. Калиновский К.Б. Onus proferendi возлагается на суд / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. – 2013. – № 8. – С. 9.
5. Жумаканова Н.А. Отказ прокурора от обвинения: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Жумаканова. – Екатеринбург, 2014. – 187 с.
6. Машовец А.О. Изменение обвинения, полный или частичный отказ от него государственным обвинителем в ходе судебного разбирательства / А.О. Машовец // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 2 (36). – С. 93–96.
7. Головкин Л.В. Институты «отказа прокурора от обвинения» и «изменения обвинения в суде»: экзистенциальный аспект / Л.В. Головкин // Теория уголовного процесса: состязательность : моногр. : в 2 ч. / под ред. Н.А. Колоколова. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – Ч. 1. – С. 238–275.
8. Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение / Н.Е. Петрова. – Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2004. – 186 с.
9. Чигрин Д.А. Государственное обвинение в российском уголовном процессе: проблемы формирования и поддержания (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д.А. Чигрин. – Уфа, 2018. – 247 с.
10. Шадрин В.С. Отказ государственного обвинителя от обвинения в современных условиях / В.С. Шадрин // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 3 (11). – С. 58–66.
11. Духовской М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовской. – Москва : Тип. А.П. Поплавского, 1910. – 448 с.
12. Рукавишников П.П. Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / П.П. Рукавишников. – Иркутск, 2008. – 252 с.

13. Кони А.Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4. Правовые воззрения А.Ф. Кони / А.Ф. Кони. – Москва : Юридическая литература, 1967. – 528 с.

14. Люблинский П.И. Основания судебного усмотрения в уголовных делах / П.И. Люблинский // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 10. – С. 252–284.

References

1. Kalnitsky V.V. The adversarial structure of legal proceedings should not interfere with the free formation of the inner conviction of the judge. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2003, no. 4, pp. 75–77. (In Russian).

2. Mikhailov A.A. *Izmenenie prokurorom obvineniya i otkaz prokurora ot obvineniya v sude pervoj instancii. Kand. Diss.* [Changing the charge and the withdrawal of the charge by the prosecutor in the court of first instance. Cand. Diss.]. Tomsk, 2008. 266 p.

3. Muraviev K.V. *Optimizaciya ugolovnogo processa kak formy primeneniya ugolovnogo zakona. Dokt. Diss.* [Optimization of criminal procedure as a form of application of criminal law. Doct. Diss.]. Omsk, 2017. – 505 p.

4. Kalinovskiy K.B. Onus proferendi is assigned to the court. *Ugolovnyj process = Criminal Process*, 2013, no. 8, pp. 9. (In Russian).

5. Zhumakanova N.A. *Otkaz prokurora ot obvineniya: voprosy teorii i praktiki. Kand. Diss.* [Withdrawal of the charge by the prosecutor: questions of theory and practice. Cand. Diss.]. Yekaterinburg, 2014. 187 p.

6. Mashovets A.O. Change of the charge, full or partial withdrawal of it by the public prosecutor in the course of the trial. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2 (36), pp. 93–96. (In Russian).

7. Golovko L.V. Institutions of «prosecutor's withdrawal of the charge» and «change of the charge in court»: existential aspect. In Kolokolov N.A. (ed.). *Teoriya ugolovnogo processa: sostyazatel'nost'* [Theory of criminal procedure: adversarial]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013, pt. 1, pp. 238–275. (In Russian).

8. Petrova N.E. *Chastnoe i subsidiarnoe obvinenie* [Private and subsidiary prosecution]. Samara State University, 2004. 186 p.

9. Chigrin D.A. *Gosudarstvennoe obvinenie v rossijskom ugolovnom processe: problemy formirovaniya i podderzhaniya (sravnitel'no-pravovoe issledovanie). Kand. Diss.* [Public Prosecution in Russian Criminal Proceedings: Problems of Formation and Maintenance (Comparative Legal Research). Cand. Diss.]. Ufa, 2018. 247 p.

10. Shadrin V.S. The withdrawal of the charge by the public prosecutor in modern conditions. *Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie*

chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings, 2016, no. 3 (11), pp. 58–66. (In Russian).

11. Dukhovskoy M.V. *Russkij ugovnyj process* [Russian criminal procedure]. Moscow, Printing house A.P. Poplavsky Publ., 1910. 448 p.

12. Rukavishnikov P.P. *Otkaz gosudarstvennogo obvinitelya ot obvine-niya v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve. Kand. Diss.* [Withdrawal of the charge by the public prosecutor in Russian criminal proceedings. Cand. Diss.]. Irkutsk, 2008. 252 p.

13. Koni A.F. *Sobranie sochinenij* [The Complete Works]. Moscow, Yu-ridicheskaya literatura Publ., 1967. Vol. 4. 528 p.

14. Lyublinsky P.I. Grounds for judicial discretion in criminal cases. *Zhurnal Ministerstva yusticii = Journal of the Department of Justice*, 1904, no. 10, pp. 252–284. (In Russian).

Информация об авторе

Гизатуллин Ирек Альфредович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Information about the Author

Gizatullin Irek Alfredovich – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 29.12.2021; принята к публикации 12.01.2022.

The article was submitted 12.12.2021; approved after reviewing 29.12.2021; accepted for publication 12.01.2022.

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.4

Григорян Ваган Леонович

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия,
vagan1384@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8024-0228>

ВЛИЯНИЕ НЕДОСТАТКОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ МОМЕНТА ВСТУПЛЕНИЯ В СИЛУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ НА ПРАКТИКУ РАССЛЕДОВАНИЯ И РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении недостатков правовой регламентации момента вступления в силу уголовно-процессуальных решений, оказывающих влияние на практику расследования и рассмотрения уголовных дел. Материалом для исследования послужили нормы действующего уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, в основу сделанных в статье выводов положены результаты обобщения следственно-судебной практики. В ходе исследования применялся целый ряд научных *методов*: анализа и синтеза, сравнительно-правовой, эмпирио-критический, системный, формально-юридический. Они позволили выявить проблемы определения момента вступления в силу отдельных решений, принимаемых в уголовном судопроизводстве. *Результатом* исследования стали предложения, направленные на совершенствование УПК РФ и практики его применения. Предложено внести в УПК РФ дополнение о том, что промежуточные судебные решения должны изначально обладать исполнимостью, а вступать в силу – по истечении определенного срока. Сформулирована позиция о необходимости признания утратившим силу п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и исключения формулировки «утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу» из редакции п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, что приведет к единообразию практики расследования уголовных дел и нивелирует риск манипулирования правом на отмену постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) со стороны руководителя следственного органа и прокурора.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные решения, законная сила, апелляционное обжалование, промежуточные судебные решения, исполнимость решений, приговор, постановление, прекращение уголовного дела

Для цитирования: Григорян В.Л. Влияние недостатков законодательной регламентации момента вступления в силу уголовно-процессуальных решений на практику расследования и рассмотрения уголовных дел / В.Л. Григорян // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 60–74. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.4.

Original article

Grigoryan Vagan Levonovich

Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia, vagan1384@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8024-0228>

**THE IMPACT OF DEFICIENCIES OF LEGISLATIVE
REGULATION OF THE MOMENT OF ENTRY INTO FORCE
OF CRIMINAL PROCEDURAL DECISIONS
ON THE PRACTICE OF INVESTIGATING AND
HEARING CRIMINAL CASES**

Abstract. The *purpose* of the study is to identify deficiencies in the legal regulation of the moment of entry into force of criminal procedural decisions influencing the practice of investigating and hearing criminal cases. The provisions of the current legislation on criminal procedure serve as the basis for the study. Moreover, the conclusions reached in the article are based on a compilation of investigative and judicial practice. In the course of the study, a number of scientific *methods* are used: analysis and synthesis, comparative legal, empirio-critical, systematic, formal legal. They make it possible to identify problems in determining when individual decisions taken in criminal proceedings enter into force. The study *resulted* in proposals aimed at improving the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and its application. It is proposed to add to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation that interlocutory judgments must initially be enforceable, and come into force after a certain period. The position is taken on the need to invalidate paragraph 13 of part 2 of Art. 37 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the exclusion of the wording «to approve the decision of the investigator to discontinue criminal proceedings» from the wording of paragraph 9 of part 1 of Art. 39

of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which will lead to uniformity in the practice of investigating criminal cases and reduce the risk of manipulation of the right to annul decisions to discontinue a criminal case (criminal prosecution) by the head of the investigative body and the prosecutor.

Keywords: criminal procedural decisions, legal force, appeal, interlocutory judgments, enforceability of decisions, sentence, ruling, termination of criminal case

For citation: Grigoryan V.L. The impact of deficiencies of legislative regulation of the moment of entry into force of criminal procedural decisions on the practice of investigating and hearing criminal cases. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 60–74. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.4. (In Russian).

Введение. Одним из имманентно присущих уголовно-процессуальной форме элементов являются решения, принимаемые в уголовном судопроизводстве. Доктрина уголовного процесса наиболее пристальное внимание уделяет понятию и сущности (правовой природе) таких решений. При этом теоретики критикуют закрепленное в п. 33 ст. 5 УПК РФ общее понятие процессуального решения как ввиду его некорректности, поскольку оно определяется через само решение [1, с. 268], так и в силу насыщения его исключительно внешними процедурными признаками: принятие решения властными субъектами уголовно-процессуальных отношений в установленном законом порядке [2, с. 101]. В научной среде интерпретация уголовно-процессуальных решений неизменно сопровождалась включением в их содержание властного волеизъявления, что вовсе не свидетельствовало и не свидетельствует об идентичности встречающихся определений.

Чаще всего в работах отечественных процессуалистов решение толковалось как содержащий властное волеизъявление акт применения норм права, выносимый органом, осуществляющим уголовное судопроизводство, в пределах его компетенции в форме постановления, заключения, поручения, представления по вопросам, возникающим в ходе производства по уголовному делу [3, с. 6; 4, с. 42]. Некоторые ученые понимали под решением отвечающий требованиям законности и обоснованности правовой документ, в котором формулируется вывод об установлении фактических обстоятельств, содержатся ответы на правовые вопросы, выражается властное волеизъявление о действиях, проистекающих из установленных обстоятельств и предписаний закона [5, с. 12; 6, с. 43]. По мнению отдельных авторов, решения в уголовном судопроизводстве отождествляются с необходимым элементом процессуальной деятельности, сущность которого заключается «в выборе в пределах своей компетенции из определенных за-

коном альтернативных целей и средств тех, которые вытекают из установленных на момент принятия решения фактических данных, выражают властное веление, направлены на осуществление задач производства по делу и, как правило, облечены в форму индивидуального правоприменительного акта» [7, с. 13].

Характеристика уголовно-процессуальных решений была бы неполной без упоминания их понятия, данного П.А. Лупинской в ее фундаментальном труде «Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика»: это «правовые акты, выраженные в установленной законом процессуальной форме, в которых государственный орган или должностное лицо в пределах своих полномочий в определенном законом порядке дает ответы на возникшие по делу правовые вопросы, основанные на установленных фактических обстоятельствах дела и предписаниях закона, и содержащие властное волеизъявление о действиях, направленных на достижение назначения уголовного судопроизводства» [8, с. 26].

Систематизация приведенных и других точек зрения ученых позволяет раскрыть сущность решений в уголовном судопроизводстве посредством выявления их традиционных черт: выносятся лишь государственными органами и должностными лицами, ведущими уголовное судопроизводство, в пределах своей компетенции; носят государственно-властный характер; порождают, изменяют или прекращают уголовно-процессуальные отношения; подтверждают наличие или отсутствие материально-правового конфликта; принимаются в установленном законом порядке и выражаются в соответствующей процессуальной форме; обладают свойствами законности, обоснованности, мотивированности и справедливости [1, с. 272; 9, с. 101; 10, с. 71–76]. Из обозначенных черт уголовно-процессуальных решений лишь положение об их свойствах требует дополнительной аргументации и некоторых пояснений.

Если отталкиваться от действующей редакции ч. 4 ст. 7 УПК РФ, то в ней отсутствует указание на справедливость определений суда, постановлений судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя. О справедливости как свойстве говорится только применительно к приговору (ч. 1 ст. 297 УПК РФ), так как законодатель, руководствуясь узким пониманием справедливости, сводит ее к справедливости назначенного наказания.

Между тем справедливость в широком смысле базируется на законности и обоснованности решений и означает правильное разрешение конфликта как по существу, так и по форме, в связи с чем она должна быть свойственна уголовно-процессуальным решениям в целом. Наряду с изложенным важно заметить, что в ч. 4 ст. 7 УПК РФ при перечислении реше-

ний нет ссылки на приговор, а ч. 1 ст. 297 УПК РФ прямо не закрепляет мотивированность как свойство приговора. Такие законодательные пробелы чреваты формированием ошибочной позиции, что для приговора мотивированность не характерна, несмотря на содержание п. 4 ч. 1 ст. 305, п. 2 и 4 ст. 307 УПК РФ и п. 15, 18, 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»¹, из которых следует обратное. Приходится использовать небезупречные в теоретическом и правовом отношении логические приемы и конструкции для доказывания того, что законность, обоснованность, мотивированность и справедливость – свойства всех без исключения решений в уголовном процессе.

Данные свойства при раскрытии приговора как акта правосудия нередко именуется требованиями, предъявляемыми к нему, иногда обозначаются прилагательным «внутренние», чтобы провести разграничение с внешними свойствами, присущими приговору. Ю.М. Грошевой по этому поводу писал: «следует различать внутренние и внешние свойства приговора, которые в диалектической взаимосвязи выражают качественную определенность этого процессуального акта в системе процессуальных решений. Причем внутренние свойства приговора обуславливают его внешние свойства. К внутренним свойствам правомерно отнести законность и обоснованность приговора; к внешним – его исключительность, обязательность, законную силу» [11, с. 109].

В.Н. Бибило и Е.А. Матвиенко внешними свойствами приговора считали обязательность, исключительность, неизменность и преюдициальность [12, с. 33]. Аналогичное суждение о внешних свойствах приговора было высказано и Ю.Ю. Чуриловым [13, с. 14].

Не отрицая принадлежности обязательности, исключительности, неизменности и преюдициальности к внешним свойствам именно приговора, уместно констатировать, что они возникают автоматически – после вступления итогового акта правосудия в законную силу. Однако законная сила, будучи условием реализации обязательности, исключительности, неизменности и преюдициальности приговора, его самостоятельным свойством не является, поскольку близкая к ней по содержанию категория «юридическая сила» применима и к промежуточным судебным решениям, и к решениям властных субъектов обвинения в досудебном производстве². Вступление в силу любых уголовно-процессуальных решений в каждом отдельном случае связывается с определенным моментом. Конкретизация этого момента

---

¹ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 // Российская газета. 2016. № 277.

² В рамках настоящего исследования термины «законная сила» и «юридическая сила» употребляются как синонимы.

чрезвычайно значима для формирования единообразной практики расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел. Чтобы не быть голословным, аргументируем приведенную точку зрения.

Обсуждение. Исследуя проблему вступления в законную силу уголовно-процессуальных решений, нельзя не отметить ее особую актуальность в свете решений, вынесенных судом. При этом в большинстве работ по обозначенной тематике акцент делается на промежуточных судебных решениях [14; 15; 16]. Что касается итоговых решений суда под углом зрения приобретения ими юридической силы, то указанный момент конкретизируется законодателем и совпадает с истечением срока их апелляционного обжалования либо с днем принятия судом второй инстанции апелляционного определения. В период, когда самой распространенной формой пересмотра не вступивших в силу судебных решений выступало кассационное производство, схожая правовая позиция была сформулирована Конституционным Судом РФ в Определении от 18 июля 2006 г. № 286-О: «приговоры и иные имеющие итоговый характер решения вступают в силу и обращаются к исполнению по истечении срока их обжалования или, в случае их обжалования, – в день вынесения кассационного определения»¹. Примечательно, но в указанном Определении сказано лишь о немедленном обращении промежуточных судебных решений к исполнению, тогда как о моменте вступления в законную силу таких решений Конституционный Суд РФ то ли осознанно, то ли непреднамеренно умолчал.

До сих пор правовое регулирование общественных отношений, связанных со вступлением в силу промежуточных судебных решений, отсутствует и в УПК РФ, что побуждает многих исследователей дискутировать по этому поводу. Так, А.С. Червоткин, выделяя основные свойства и отличительные черты промежуточных решений суда, настаивает на том, что они немедленно вступают в силу и обращаются к исполнению [15, с. 15]. Аналогичной точки зрения придерживается А.В. Смирнов [17].

Рассуждая в научной статье о законной силе постановления судьи о разрешении производства следственного действия, В.Ю. Стельмах утверждает, что решения, выносимые судом на этапе предварительного расследования, вступают в силу по истечении определенного срока тогда, когда

---

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каримова Владислава Филлиратовича на нарушение его конституционных прав статьями 5, 125, 359 и 391 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 286-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 31.01.2022).

это прямо оговорено в УПК РФ; во всех остальных случаях постановление судьи приобретает законную силу с момента его вынесения немедленно [14, с. 122].

Анализ приведенных мнений вскрывает в них общий существенный недостаток, на который обращают внимание А.Д. Прошляков и М.В. Мерзлякова. Они справедливо указывают, что немедленное вступление в силу промежуточных судебных решений блокирует возможность их апелляционного обжалования, ввиду чего свобода обжалования явно ущемляется и становится иллюзорной. В связи с этим авторы небезосновательно предлагают различать два момента: вступление в силу судебного решения и приобретение им свойства исполнимости [16, с. 58]. Думается, что именно при таком подходе, когда промежуточные решения суда изначально обладают исполнимостью и лишь по истечении определенного срока вступают в силу, соблюдается баланс между достижением задач, на которые направлена реализация промежуточного судебного решения, и гарантированным Конституцией РФ правом на судебную защиту. Иначе, если вступление в силу промежуточных решений суда и наделение их свойством исполнимости будут происходить одновременно, впору констатировать либо необратимые последствия ввиду промедления с исполнением данных решений, либо нарушение права на судебную защиту, выражающееся в игнорировании свободы апелляционного обжалования заинтересованными лицами. Кстати, немедленная исполнимость характерна для собственно промежуточных решений, когда они содержатся в итоговом акте правосудия, не вступившем в законную силу. Например, решение об избрании в отношении подсудимого, не содержащегося под стражей, меры пресечения в виде заключения под стражу исполняется сразу после провозглашения обвинительного приговора, где приведено обоснование необходимости его изоляции.

Уголовно-процессуальные решения властных субъектов обвинения в досудебном производстве, естественно, не могут и не должны обжаловаться в апелляционном порядке (как, собственно, в кассационном и надзорном), что снимает остроту вопроса об их юридической силе. По верному замечанию П.А. Лупинской, эти решения вступают в силу с момента принятия [18, с. 43]. Однако принятие решений должностными лицами органов уголовного преследования обуславливается различными юридическими фактами. В частности, постановление о привлечении в качестве обвиняемого считается принятым после его подписания следователем, на которого возлагаются обязанности по вручению копии указанного решения обвиняемому, защитнику и направлению ее прокурору (ч. 8 и 9 ст. 172 УПК РФ). Когда следователь или дознаватель возбуждает ходатайство об избрании меры пресечения ввиду заключения под стражу, то соответствующее постановление направляется им в суд лишь после согласования с

руководителем следственного органа или прокурором (ч. 3 ст. 108 УПК РФ), а значит, выраженное в письменной форме согласие ведомственных начальников придает такому решению юридическую силу. О вынесении и, как следствие, вступлении в силу обвинительного заключения (акта, постановления) свидетельствует резолюция прокурора «Утверждаю», располагающаяся над наименованием документа. Неслучайно по окончании расследования именно прокурор вручает копии обвинительного заключения, акта, постановления заинтересованным лицам (ч. 2 ст. 222, ч. 3 ст. 226 и ч. 3 ст. 226.8 УПК РФ). Изложенное приводит нас к убеждению, что принятие и вступление в законную силу решений властных участников процесса со стороны обвинения связываются с тремя обстоятельствами: их подписанием должностным лицом, выраженным в письменной форме согласием ведомственного руководителя и резолюцией об утверждении итоговых актов предварительного расследования, учиненной надзирающим прокурором. Чрезвычайно важно здесь осознать правило: юридическая сила отдельно взятого решения органа уголовного преследования коррелирует с удостоверением только одного из перечисленных фактов.

К сожалению, данное правило не воспринимается законодателем при регламентации порядка вынесения решений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) на стадии предварительного расследования. Традиционно постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования принимается следователем, дознавателем самостоятельно, что подтверждается системным анализом ч. 1 ст. 213 и ч. 1 ст. 223 УПК РФ. Вместе с тем решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), к примеру, в связи с примирением сторон либо деятельным раскаянием нуждается в согласовании с руководителем следственного органа или прокурором соответственно (ст. 25, 28 УПК РФ). Если в первом случае постановление обретает законную силу после его подписания лицом, осуществляющим расследование, то во втором – с момента фиксации на нем письменного согласия руководителя следственного органа (прокурора), и это вполне согласуется с ранее озвученным правилом. Но ситуация в корне меняется при ознакомлении с полномочиями прокурора и руководителя следственного органа, среди которых обнаруживается утверждение ими постановлений своих ведомственных подчиненных о прекращении производства по уголовному делу (п. 13 ч. 2 ст. 37, п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Логично считать, что при заявленной нормативно-правовой конструкции подобное утверждение и будет служить тем юридическим фактом, с наступлением которого можно судить о законной силе постановления. Тогда закономерно возникает как минимум два вопроса: в чем заключается смысл наделения следователя, дознавателя правом самостоятельного вы-

несения постановлений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и каково значение согласия руководителя следственного органа и прокурора на принятие указанных решений? Поставленные вопросы относятся к категории риторических. Очевидно, что необходимость утверждения ведомственными руководителями постановлений о прекращении производства по делу придает праву следователя (дознавателя) на самостоятельное принятие анализируемых решений декларативный характер и нивелирует ценность согласия руководителя следственного органа и прокурора, которое по своей правовой природе очень схоже с их же утверждением.

Обобщение практики расследования уголовных дел в Тамбовской области и Ставропольском крае показало, что постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) не утверждаются руководителем следственного органа и прокурором. Так, в постановлении о прекращении уголовного дела в отношении Р. за отсутствием состава преступления, вынесенном дознавателем ОД МО МВД России «Знаменский», нет отметки прокурора о его утверждении¹. При ознакомлении с уголовным делом № 12102070011010004 выявлено, что уголовное преследование К. прекращено старшим следователем СО по городу Пятигорск СУ СК РФ по Ставропольскому краю на основании примечания к ст. 145.1 УК РФ и в связи с деятельным раскаянием, а само постановление лишь согласовано с руководителем следственного органа путем учинения им надписи «Согласен»². Вместе с тем не исключается, что в других субъектах Российской Федерации при прекращении уголовного дела или уголовного преследования руководитель следственного органа и прокурор используют утверждение с целью придания законной силы решениям, по крайней мере, соответствующие предпосылки для этого имеются. Как видно, ущербность процессуальной формы вынесения решений о прекращении уголовного дела (преследования) порождает неопределенность в вопросе о моменте вступления в силу постановлений следователя, дознавателя и ставит под угрозу обеспечение единообразия практики расследования уголовных дел.

Чтобы прояснить возникшую ситуацию и не допустить в будущем использования разностороннего подхода правоприменителей к принятию

---

¹ Архив Отделения дознания МОМВД России «Знаменский». Уголовное дело № 12001680045000032 по обвинению Р. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ.

² Архив следственного отдела по городу Пятигорск следственного управления Следственного комитета РФ по Ставропольскому краю. Уголовное дело № 12102070011010004 по подозрению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 145.1 УК РФ.

постановлений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, требуется внести в уголовно-процессуальный закон изменения, устраняющие возможность двоякого толкования. Руководствуясь изложенным, целесообразно признать утратившим силу п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и исключить формулировку «утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу» из действующей редакции п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ. Изъятие у руководителя следственного органа и прокурора полномочий по утверждению решений о прекращении производства по уголовному делу никак не ограничит ведомственный контроль за деятельностью следователя и дознавателя, поскольку каждый из них в отношении своих подчиненных обладает правом отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и возобновления производства по уголовному делу (ч. 1 ст. 214 УПК РФ).

Наличие у руководителя следственного органа и прокурора возможностей по утверждению постановлений о прекращении производства по делу, иллюстрируя ущербность процессуальной формы вынесения названных решений, не только будет способствовать отклонению от единообразия практики расследования уголовных дел, но и позволит им манипулировать правом отмены данных постановлений.

Федеральным законом от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ¹ гл. 29 УПК РФ дополнена статьей 214.1, в соответствии с которой отмена постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня его принятия допускается на основании судебного решения. Между тем ввиду неопределенности момента вступления в силу решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) не совсем ясно, с даты какого события следует рассчитывать годичный срок – с даты подписания постановления следователем, дознавателем (получения согласия ведомственного начальника) или с даты учинения на нем резолюции руководителя следственного органа, прокурора об утверждении этого акта. Принимая во внимание, что заявленные события могут быть растянуты во времени, а сама резолюция «Утверждаю» вместе с датой проставлена от руки, имеются опасения проявления злоупотреблений правом на утверждение. Другими словами, есть риск использования полномочий по утверждению постановлений о прекращении производства по уголовному делу с целью искусственного восстановления пропущенного срока, что, несомненно, повлечет за собой ущемление прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, прежде всего подозревае-

---

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 12.11.2018 № 411-ФЗ // Российская газета. 2018. № 255.

мого, обвиняемого. В свете приведенных обстоятельств необходимость внесения в УПК РФ предложенных изменений приобретает еще большую актуальность.

Заключение. Конструктивный анализ уголовно-процессуального законодательства в части регламентации момента вступления в силу решений, принимаемых в ходе уголовного судопроизводства, способствовал формированию убеждения, что промежуточные судебные решения должны исполняться незамедлительно, а вступать в законную силу – по истечении определенного срока. Лишь такая хронологическая последовательность позволит избежать необратимых последствий, связанных с промедлением исполнения указанных решений, и не нарушить право заинтересованных лиц на судебную защиту, заключающееся в свободе апелляционного обжалования. Соответствующие дополнения требуется внести в УПК РФ.

Юридическая сила решений, выносимых органами уголовного преследования, обуславливается тремя фактами: их подписанием должностным лицом; выраженным в письменной форме согласием ведомственного руководителя; резолюцией об утверждении итоговых актов предварительного расследования, учиненной надзирающим прокурором. Неопределенность в этом смысле характерна для постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). С целью ее преодоления предлагается признать утратившим силу п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и исключить формулировку «утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу» из действующей редакции п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ. Реализация предложенных изменений не только приведет к единообразию практики расследования уголовных дел, но и нивелирует риск манипулирования правом на отмену постановлений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования со стороны руководителя следственного органа и прокурора.

Список источников

1. Фомичев П.В. О сущности уголовно-процессуальных решений / П.В. Фомичев // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила : сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. Л.В. Никитина. – Саратов : Кубик, 2015. – С. 267–274.

2. Манова Н.С. О сущности процессуальных решений в уголовном судопроизводстве / Н.С. Манова, Е.В. Пантелева // Право: история и современность. – 2020. – № 2 (11). – С. 100–111.

3. Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе / Ю.М. Грошевой. – Харьков : Вища школа, 1979. – 143 с.

4. Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования : учебное пособие / З.Д. Еникеев. – Уфа : Изд-во БашГУ, 2001. – 116 с.
5. Манаев Ю.В. Законность и обоснованность процессуальных решений следователя в советском уголовном судопроизводстве : учебное пособие / Ю.В. Манаев. – Волгоград, 1977. – 87 с.
6. Савицкий В.М. Уголовный процесс : словарь-справочник / В.М. Савицкий, А.М. Ларин ; под общ. ред. В.М. Савицкого. – Москва : Контракт : ИНФРА-М, 1999. – 270 с.
7. Ломидзе А.Б. Прокурорский надзор за законностью и обоснованностью принимаемых следователем процессуальных решений : методическое пособие / А.Б. Ломидзе. – Москва : Юрлитинформ, 2000. – 104 с.
8. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2010. – 240 с.
9. Зотов Д.В. Традиции и новации в определении гносеологического содержания уголовно-процессуальной деятельности / Д.В. Зотов // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила : сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. Л.В. Никитина. – Саратов : Кубик, 2015. – С. 92–103.
10. Уманская В.П. Правовые акты органов исполнительной власти. Теория и практика : монография / В.П. Уманская ; под ред. Б.В. Россинского. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 335 с.
11. Грошевой Ю.М. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие / Ю.М. Грошевой. – Харьков : Вища школа, 1986. – 183 с.
12. Бибило В.Н. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора / В.Н. Бибило, Е.А. Матвиенко. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 206 с.
13. Чурилов Ю.Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю.Ю. Чурилов. – Воронеж, 2009. – 24 с.
14. Стельмах В.Ю. Срок вступления в законную силу постановления судьи о разрешении производства следственного действия / В.Ю. Стельмах // Право и безопасность. – 2013. – № 1-2 (44). – С. 121–123.
15. Червоткин А.С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Червоткин. – Москва, 2014. – 25 с.
16. Прошляков А.Д. О моменте вступления в силу промежуточных судебных решений по уголовным делам / А.Д. Прошляков, М.В. Мерзлякова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 57–60.

17. Смирнов А.В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: апелляция // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=СЛ&n=58669#ocivaxSIP3fORF1k1>.

18. Lupinskaya P.A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo i praktika / P.A. Lupinskaya. – Moskva : Yurist', 2006. – 174 s.

References

1. Fomichev P.V. On the essence of criminal procedural decisions. In Nikitina L.V. (ed.). *Sudebnye resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve i ih yuridicheskaya sila. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Court decisions in criminal proceedings and their legal force. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Saratov, Kubik Publ., 2015. pp. 267–274. (In Russian).

2. Manova N.S., Panteleeva E.V. On the essence of procedural decisions in criminal proceedings. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*, 2020, no. 2 (11), pp. 100–111. (In Russian).

3. Groshevoj Yu.M. *Sushchnost' sudebnyh reshenij v sovetskom ugolovnom processe* [The essence of judicial decisions in the Soviet criminal process]. Kharkov, Vishcha shkola Publ., 1979. 143 p.

4. Enikeev Z.D. *Mekhanizm ugolovnogo presledovaniya* [Prosecution mechanism]. Bashkir State University, 2001. 116 p.

5. Manaev Yu.V. *Zakonnost' i obosnovannost' processual'nyh reshenij sledovatelya v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Legitimacy and validity of the investigator's procedural decisions in Soviet criminal proceedings]. Volgograd, 1977. 87 p.

6. Savitsky V.M., Larin A.M.; Savitsky V.M. (ed.). *Ugolovnyj process* [Criminal process]. Moscow, Kontrakt Publ., INFRA-M Publ., 1999. 270 p.

7. Lomidze A.B. *Prokurorskiy nadzor za zakonnost'yu i obosnovannost'yu prinimaemyh sledovatelem processual'nyh reshenij* [Prosecutor's supervision over the legality and validity of procedural decisions made by the investigator]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2000. 104 p.

8. Lupinskaya P.A. *Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice]. 2nd ed. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2010. 240 p.

9. Zotov D.V. Traditions and innovations in determining the epistemological content of criminal procedure. In Nikitina L.V. (ed.). *Sudebnye resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve i ih yuridicheskaya sila. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Court decisions in criminal pro-

ceedings and their legal force. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Saratov, Kubik Publ., 2015. pp. 92–103. (In Russian).

10. Umanskaya V.P.; Rossinsky B.V. (ed.). *Pravovye akty organov ispolnitel'noj vlasti. Teoriya i praktika* [Legal acts of executive authorities. Theory and practice]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2013. 335 p.

11. Groshevoj Yu.M. Professional'noe pravosoznanie sud'i i socialisticheskoe pravosudie [Professional Legal Awareness of a Judge and Socialist Justice]. Kharkov, Vishcha shkola Publ., 1986. 183 p.

12. Bibilo V.N., Matvienko E.A. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo po ispolneniyu prigovora* [Criminal proceedings for the execution of the sentence]. Belarusian State University, 1982. 206 p.

13. Churilov Yu.Yu. *Opravdatel'nyj prigovor v rossijskom sudoproizvodstve. Avtoref. Kand. Diss.* [Acquittal in Russian legal proceedings. Cand. Diss. Thesis]. Voronezh, 2009. 24 p.

14. Stelmach V.Yu. Date of entry into force of the resolution with the judge's permission for performance of investigative actions. *Pravo i bezopasnost' = Law and Security*, 2013, no. 1-2 (44), pp. 121–123. (In Russian).

15. Chervotkin A.S. *Promezhutochnye sudebnye resheniya i poryadok ih peresmotra v rossijskom ugolovnom processe. Avtoref. Kand. Diss.* [Interim judgments and the procedure for their review in the Russian criminal process. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2014. 25 p.

16. Proshlyakov A.D., Merzlyakova M.V. On the moment of coming into effect of intermediate judgments on criminal cases. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 57–60. (In Russian).

17. Smirnov A.V. *Reforma poryadka peresmotra sudebnyh reshenij po ugo-lovnym delam: apellyaciya* [Reform of the procedure for reviewing court decisions in criminal cases: appeal]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=58669#ocivaxSIP3fORF1k1>.

18. Lupinskaya P.A. *Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo i praktika* [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation and practice]. Moscow, YUrist" Publ., 2006. 174 p.

Информация об авторе

Григорян Ваган Леонович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии.

Information about the Author

Grigoryan Vagan Levonovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy.

Статья поступила в редакцию 13.01.2021; одобрена после рецензирования 11.02.2022; принята к публикации 14.02.2022.

The article was submitted 13.01.2021; approved after reviewing 11.02.2022; accepted for publication 14.02.2022.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2022.1.5

Дикарев Илья Степанович

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,
iliadikarev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

НАЗНАЧЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Роль предварительного расследования в решении задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, неоспорима. В уголовно-процессуальной доктрине в настоящее время господствует взгляд, связывающий назначение предварительного расследования с обеспечением суда совокупностью доказательств, достаточной для постановления законного, обоснованного и справедливого приговора. Такой подход с учетом изменений, произошедших в организации уголовного судопроизводства, нуждается в переосмыслении. *Цель:* на основе анализа современной конструкции уголовного судопроизводства, основанной на принципе разделения властей, выявить действительное назначение предварительного расследования. *Методы:* методологической базой исследования послужил диалектический метод; кроме того, применялись общенаучные методы анализа, синтеза и системный подход, а также специально-юридические методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, юридической интерпретации и логико-юридический. *Результаты:* проведенное исследование привело к выводу о том, что предварительное расследование проводится не для суда, а исключительно в интересах уголовного преследования. Предварительное расследование выступает процессуальной формой досудебной подготовки стороны обвинения к предстоящему судебному разбирательству, обеспечивая государственного обвинителя доказательственным материалом, на основе которого в ходе судебного следствия отстаивается вывод о виновности подсудимого в совершении преступления.

Ключевые слова: предварительное расследование, судебное разбирательство, следователь, инквизиционный процесс, смешанный уголовный процесс

Для цитирования: Дикарев И.С. Назначение предварительного расследования в уголовном процессе / И.С. Дикарев // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 75–88. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.5.

Original article

Dikarev Ilya Stepanovich

Volgograd State University,

Volgograd, Russia, annaborodaenko86@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

DESIGNATION OF PRELIMINARY INVESTIGATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The role of preliminary investigation in solving the tasks of criminal proceedings is undeniable. In the doctrine of criminal procedure, there is now a tendency to link the designation of preliminary investigation to the provision of the court with a body of evidence sufficient to warrant a lawful, reasonable and fair sentence. This approach needs to be reconsidered in the light of the changes that have taken place in the organization of criminal proceedings. *Purpose:* to identify the actual designation of preliminary investigation based on the analysis of the contemporary structure of criminal proceedings in accordance with the principle of separation of powers. *Methods:* the methodological basis of the research is the dialectic method; in addition, general scientific methods of analysis, synthesis and a systematic approach are applied, as well as specific juridical methods: historical-legal, comparative-legal, legal interpretation and logical-legal. *Results:* the research concludes that the preliminary investigation is not for the court, but solely for the purpose of prosecution. The preliminary investigation is a procedural form of pre-trial preparation by the prosecution for the upcoming trial, providing the public prosecutor with evidentiary material, on the basis of which, the conclusion of the defendant's guilt of a crime is argued in the course of the judicial investigation.

Keywords: preliminary investigation, trial, investigator, inquisition process, mixed criminal procedure

For citation: Dikarev I.S. Designation of preliminary investigation in criminal proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 75–88. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.5. (In Russian).

Введение. Проблемы предварительного расследования в уголовном процессе постоянно находятся в центре внимания специалистов в области теории уголовного судопроизводства. Спектр изучаемых в этом проблемном поле вопросов впечатляет своей широтой: от места предварительного расследования в системе уголовного процесса и его структуры до мельчайших деталей процедуры, связанных с производством отдельных след-

ственных действий и обеспечением прав участвующих в уголовном деле лиц. За этими масштабными исследованиями вопросы о сущности и назначении предварительного расследования оказываются как бы в тени и редко привлекают внимание исследователей. Ответы на эти вопросы представляются научной общественности настолько очевидными, что местом для их изложения давно служат страницы учебников по уголовному процессу. В этой статье предпринимается попытка опровергнуть устоявшиеся стереотипы и предложить принципиально иное видение назначения предварительного расследования.

Уголовно-процессуальная традиция понимания назначения предварительного расследования. Читая учебники по уголовному процессу, будущие юристы со студенческих лет усваивают, что предварительное расследование проводится для того, чтобы суд имел возможность разрешить уголовное дело. В этом вопросе доктрина процессуального права оказалась весьма консервативной, безоглядно следуя за идеями, сформулированными корифеями науки много десятилетий тому назад. Вспомним, что М.С. Строгович объяснял именование следствия предварительным тем, что оно «ведется до суда и для суда, подготавливая материалы, собирая и проверяя доказательства, необходимые суду для разрешения вопроса о предании суду ... и для проведения судебного разбирательства» [1, с. 40]. А еще ранее А.Я. Вышинский в своем учебном курсе по уголовному процессу прямо относил следственно-разыскные органы к вспомогательным судебным органам [2, с. 71–72].

Принятый за аксиому, такой подход прослеживается и в современных работах, посвященных проблемам судопроизводства. Назначение предварительного расследования ученые-процессуалисты по-прежнему видят в том, чтобы обеспечить суд полными и достоверными доказательствами, достаточными для вынесения законного и справедливого приговора [3, с. 42; 4, с. 624]. «Предварительное расследование, – пишет Н.Н. Апостолова, – для того и существует в уголовном процессе, чтобы в ходе его были собраны относимые, допустимые, достоверные и достаточные доказательства ... опираясь на которые суд имел бы возможность осуществлять действительно законное, обоснованное и справедливое правосудие» [5, с. 24].

В этой связи вполне закономерным выглядит давно ставшее общим местом в работах ученых-процессуалистов акцентирование внимания на том, что результаты предварительного расследования не определяют исход судебного разбирательства, что суд при рассмотрении уголовного дела по существу не связан выводами, к которым пришли органы следствия. Об этом ученые-процессуалисты писали в советский период [6, с. 12; 7, с. 69] и продолжают писать в наши дни [8, с. 127]. Зависимость исхода

дела от выводов, сформулированных в обвинительном заключении (акте или постановлении), бросила бы тень на независимость судей, поставила бы под сомнение практическую реализацию принципов состязательности сторон и презумпции невиновности. Подчеркивая ключевое значение стадии судебного разбирательства в системе уголовного процесса, доктрина пытается нейтрализовать негативные последствия взгляда на предварительное расследование как на фундамент судебного разбирательства, без которого отправление правосудия невозможно. Ведь если предварительное расследование значимо настолько, что без него суд не в состоянии разрешить уголовное дело, то и от результатов его нельзя просто отмахнуться.

Исторические корни современной трактовки назначения предварительного расследования. Для того чтобы понять, как сформировалась современная трактовка назначения предварительного расследования и почему она неверна, необходимо обратиться к тем этапам истории уголовного процесса, когда предварительное следствие действительно являлось доминирующей судебной деятельностью.

Такой, в частности, была организация инквизиционного процесса в дореформенном судопроизводстве XVIII–XIX вв. Цель уголовного следствия в тот период состояла в том, чтобы посредством его привести в возможно полную известность все обстоятельства, которые обуславливают применение уголовного закона к известному случаю и на основании которых можно сделать решительный приговор [9, с. 61]. В этот период, из-за отсутствия судебного следствия в его современном виде, предварительное письменное производство являлось, по сути, единственной формой установления фактических данных, на основании которых суд разрешал уголовное дело. И даже разделение процесса на предварительное (*inquisitio generalis*) и формальное (*inquisitio formalis*) следствие никак на сложившейся организации не отражалось. Цель первого состояла в том, чтобы выяснить, имело ли место в действительности преступное деяние.

По словам Я.И. Баршева, предварительное следствие предпринималось для того, чтобы привести в возможную известность состав преступления и раскрыть те обстоятельства, которые указывают на конкретное лицо как на вероятного виновника [10, с. 74]. Оно служило приготовлением и основой для формального следствия, которое складывалось из совокупности действий, направленных уже против определенного лица, поставленного в положение обвиняемого, с целью обнаружить в отношении него доказательства, на основании которых суд мог бы постановить свой приговор [11, с. 502–503]. По окончании следствия материалы направлялись в суд, где дело решалось без устного и гласного разбирательства, на основании собранных письменных материалов [12, с. 738].

Таким образом, в инквизиционном процессе суд вершил правосудие, опираясь на результаты следствия, которое было для него единственным средством и источником познания фактических обстоятельств дела.

Судебная реформа 1864 г. ознаменовалась торжеством гласного, устного и состязательного правосудия. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. отказался от конструкции инквизиционного процесса. Окончательное производство, завершавшееся постановлением приговора, осуществлялось теперь на основе непосредственного исследования судом доказательств в ходе судебного разбирательства. Тем самым центральное место в уголовном судопроизводстве было отведено процедуре гласного судебного состязания сторон, заимствованного из англо-американского процесса обвинительного типа. Однако полностью избавиться от рудиментов инквизиционного процесса законодателям стран континентальной Европы, включая Россию, так и не удалось.

Дело в том, что предварительное производство в реформированном континентальном процессе сохранило свою инквизиционную организацию, а новая состязательная процедура выдвинулась в виде так называемого окончательного производства. «Обновление уголовного производства в государствах европейского континента, и в частности у нас в России, – писал А.И. Елистратов, – сводилось, таким образом, в сущности к надстройке вновь выработанных форм процессуального устройства над старыми, осужденными на разрушение, его институтами, которые были сохранены в фундаменте, в основании» [13, с. 4]. Как следствие, инквизиционный процесс из целого стал только предварительным, а вновь созданный порядок оказался следующим за ним окончательным производством [13, с. 5].

Предварительное производство по-прежнему распадалось на два этапа: дознание и предварительное следствие, из которых первый осуществлялся полицией, а второй – судебным следователем. При этом дознание воспроизводило известное дореформенному процессу *inquisitio generalis* и состояло в расследовании преступного события, обеспечивая условия для правильного и успешного предъявления определенному лицу обвинения на следующем этапе расследования [14, с. 373–374]. Проводимое же судебным следователем предварительное следствие было по своей сути не чем иным, как заимствованным из инквизиционного процесса формальным следствием.

Отличие в организации судопроизводства заключалось лишь в том, что если в дореформенном процессе задачей предварительного следствия было «полное раскрытие преступления, так чтобы на основании его возможен был решительный судебный приговор» [15, с. 301], то теперь оно составляло лишь первоначальный этап исследования судом обстоятельств дела. Разре-

шалось уголовное дело по результатам судебного следствия, в ходе которого проводилась перепроверка выводов предварительного следствия.

Таким образом, судебное исследование обстоятельств дела и виновности обвиняемого дробилось между двумя периодами процесса: судебным следствием, производимым перед судом, постановляющим приговор, и предшествующим ему предварительным исследованием [11, с. 502]. Сохранение в системе уголовного процесса предварительного следствия Н.Н. Полянский объяснял тем, что когда дело идет о преступлении, влекущем за собой лишение прав состояния, законодатель не мог допустить, чтобы вопрос столь серьезного значения, как вопрос о направлении дела к окончательному разбирательству, решался на основании данных, собранных полицией и не проверенных судебным следователем [16, с. 145].

При такой организации уголовного судопроизводства предварительное расследование сохранило значение деятельности, осуществляемой для суда. Неслучайно его производство было доверено представителю судебной власти – судебному следователю, который по своему служебному положению был приравнен к члену окружного суда. При этом состязательная конструкция судопроизводства требовала, чтобы и процессуальное положение судебного следователя соответствовало статусу судьи. «В интересах гарантии правильного хода следствия, – писал М.В. Духовской, – лицо это должно стоять на правах судьи, оно должно быть юристом, так как выполняет юридические функции; чтобы быть беспристрастным, оно должно быть самостоятельным, не зависимым от администрации; другими словами – оно должно обладать теми же условиями, какими обладает каждый судья» [17, с. 62]. Судебному следователю предписывалось собирать доказательства вины и невиновности и сосредоточивать в своих руках функции не только судьи, но также обвинения и защиты [11, с. 503].

Конструктивные отличия современного уголовного процесса, определяющие назначение предварительного расследования. Сравнение устройства уголовного процесса России XIX – начала XX в., когда предварительное следствие составляло первоначальный этап познания судом обстоятельств совершенного преступления, с современным порядком уголовного судопроизводства позволяет отчетливо увидеть, насколько в результате эволюции уголовно-процессуальной формы изменилось место предварительного расследования. Поскольку предварительное расследование в наши дни не является судебной деятельностью, то и гласное судебное разбирательство не может, как это было полтора столетия тому назад, рассматриваться в виде состязательной надстройки над инквизиционным расследованием.

Вообще, говорить о предварительном расследовании как о деятельности, построенной на инквизиционном начале, можно лишь при условии,

что следственная деятельность осуществляется судебным органом (например, судебным следователем). Тогда, во-первых, в руках следователя действительно сосредотачиваются все основные процессуальные функции, а во-вторых, предварительное следствие носит характер деятельности, осуществляемой непосредственно для суда, как элемент судебного познания обстоятельств дела. Ничего этого нет в нынешней модели организации уголовной юстиции, в связи с чем и использование термина «смешанный уголовный процесс» для характеристики действующего порядка судопроизводства является не вполне корректным.

В наши дни уголовное судопроизводство построено на основе закрепленного в ст. 10 Конституции РФ принципа разделения властей, что в процессуальной плоскости проявляется в отделении функции уголовного преследования от суда, а в организационной – в возложении осуществления уголовного преследования на государственные органы, не имеющие отношения к судебной ветви власти, – прокуратуру, Следственный комитет РФ и иные федеральные органы исполнительной власти. При этом не имеет никакого принципиального значения то, как организованы в ходе досудебного производства взаимоотношения между прокуратурой и следственными органами. До 2008 г. во главе единой системы должностных лиц и государственных органов находился прокурор [18, с. 24], в настоящее время досудебное производство основано на разделении следственной и прокурорской властей [19, с. 124–127]. Обе модели взаимоотношений внутри системы органов публичного уголовного преследования, обладая как достоинствами, так и недостатками, имеют право на существование и доказали свою жизнеспособность. В контексте проводимого исследования важно лишь одно: предварительное расследование не является, как в дореволюционном уголовном процессе, судебной деятельностью.

Именно эта конструктивная особенность уголовного процесса не позволяет ни с теоретической, ни с практической точки зрения рассматривать предварительное расследование (как и все досудебное производство) в качестве деятельности, осуществляемой «для суда». Предназначение этой деятельности состоит в решении задач, связанных с осуществлением уголовного преследования, то есть процессуальной деятельности, осуществляемой в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). В этой связи очевидно, что предварительное расследование в настоящее время имеет принципиально иное, нежели в смешанном уголовном процессе, назначение.

Предварительное расследование как форма досудебной подготовки стороны обвинения к судебному разбирательству. Предварительное расследование в настоящее время является досудебной подготовкой сторо-

ны обвинения к судебному разбирательству. Его назначение заключается в том, чтобы снабдить государственного обвинителя доказательственным материалом, на основании которого он будет иметь возможность в ходе судебного разбирательства добиваться привлечения виновного к уголовной ответственности.

Досудебная подготовка характерна для всех видов судопроизводства: гражданского, административного и др. Сторона, обращающаяся к суду с требованием, в чем бы оно ни заключалось, вынуждена проводить предварительную работу, направленную на поиск и получение оснований, доказывающих обоснованность этого требования. Сбивающая с толку и заставляющая исследователей придавать гипертрофированное значение предварительному расследованию особенность заключается в том, что в отличие, например, от искового производства в гражданском процессе досудебная подготовка стороны обвинения к судебному разбирательству регламентирована уголовно-процессуальным законодательством. Однако такая регламентация, хотя и придает досудебной подготовке стороны обвинения характер процессуальной деятельности, никак не меняет ее сущности и назначения.

Причины, по которым уголовно-процессуальный закон регламентирует порядок процессуальной деятельности органов предварительного расследования, очевидны. Во-первых, такая регламентация является традиционной еще с тех времен, когда предварительное расследование являлось судебным. Произшедшие в советский период изменения в организации расследования, связанные с передачей полномочий по его осуществлению несудебным органам, не давали повода отказываться от давно апробированного и закрепленного в законе познавательного инструментария. Во-вторых, предварительное расследование всегда связано с необходимостью применения принуждения, которое не может находиться вне сферы уголовно-процессуальной регламентации. В-третьих, производство расследования немислимо без привлечения к участию в деле подозреваемого и обвиняемого, что обуславливает необходимость законодательной регламентации складывающихся в связи с этим правоотношений. Наконец, в-четвертых, уголовно-процессуальный характер расследования обеспечивает стороне обвинения возможность сохранения имеющих значение для разрешения уголовного дела сведений в такой форме, которая позволяет уже в ходе судебного разбирательства использовать их, если в силу тех или иных причин отсутствует возможность непосредственного исследования судом доказательств.

Предлагаемый нами подход к пониманию назначения предварительного расследования лишает почвы распространенный ныне взгляд на следователя как беспристрастного исследователя, выполняющего наряду с функцией уголовного преследования также функцию защиты. Всякие по-

пытка представить современного следователя в таком свете являются лишь калькой с процессуального положения судебного следователя в уголовном процессе России XIX – начала XX в., но они не учитывают, что тогда следователь был представителем власти судебной.

Основанием производства предварительного расследования выступает решение о возбуждении уголовного дела, которое основывается на достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Наличие таких данных порождает презумпцию совершения преступления и, соответственно, существования лица, его содеявшего и потому представляющего опасность для общества и граждан. Для реализации возложенной на государство ст. 2 Конституции РФ обязанности защищать права и свободы личности запускается механизм публичного уголовного преследования, реализуемый в ходе досудебного производства в форме предварительного расследования. Уголовным преследованием лица, совершившего данное преступление, и занимается следователь, причем даже тогда, когда личность данного лица еще не установлена. И только обнаружение в ходе расследования предусмотренных законом оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования может положить этой деятельности конец.

При этом обязанность следователя проводить расследование всесторонне, объективно и полно, не допускать в своей работе обвинительный уклон связана отнюдь не с выполнением им функции защиты. Это необходимо для того, чтобы обвинительный тезис, формулируемый стороной обвинения, который впоследствии составит содержание предъявляемого в суде требования о привлечении лица к уголовной ответственности, объективно отражал действительность [20, с. 31]. Тем самым обеспечивается, с одной стороны, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), с другой – судебная перспектива уголовного дела, поскольку заявляемое стороной обвинения требование подвергнется всесторонней оценке в условиях состязательной судебной процедуры.

Заключение. Современная уголовно-процессуальная наука рассматривает предварительное расследование как деятельность, назначение которой состоит в обеспечении суду возможности разрешить уголовное дело по существу. В этом вопросе доктрина процессуального права консервативно следует традиции, сформированной советскими учеными-процессуалистами, на взгляды которых, очевидно, повлияли работы их дореволюционных предшественников. И надо сказать, уголовно-процессуальный закон, действовавший в Российской Империи в XIX – начале XX в., действительно давал основания для вывода о том, что предварительное следствие проводится исключительно в интересах суда, ведь по Уставу уголовно-

го судопроизводства 1864 г. проводимое судебным следователем предварительное следствие являлось, наряду со следствием судебным, одним из этапов судебного познания обстоятельств дела.

Произошедшие за истекшее время преобразования в сфере уголовной юстиции не позволяют оставаться в оценках назначения предварительного расследования на позициях, которые были актуальны полтора столетия тому назад. Современное предварительное расследование не проводится, как когда-то, чинами, состоящими при судебном ведомстве, и не составляет более этапа судебного исследования обстоятельств дела. В силу этих причин современное предварительное расследование не является инквизиционным – таковым может именоваться только следственная деятельность, осуществляемая судом (судебным следователем). Соответственно, некорректным является и использование термина «смешанный уголовный процесс» для характеристики действующего порядка судопроизводства в целом.

Предварительное расследование в современном уголовном процессе является досудебной подготовкой стороны обвинения к судебному разбирательству. Его назначение заключается в том, чтобы снабдить государственного обвинителя доказательственным материалом, на основании которого он будет иметь возможность в ходе судебного разбирательства добиваться привлечения виновного к уголовной ответственности.

Такой подход к пониманию назначения предварительного расследования полностью снимает проблему значения результатов следственной деятельности для судебного разбирательства. Материалы, добытые в ходе производства дознания или предварительного следствия, несомненно, способствуют правильному разрешению судом уголовного дела в той же мере, как, например, результаты подготовки истца к судебному разбирательству по гражданскому делу. Но не более того.

Список источников

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву / М.С. Строгович. – Москва : Наука, 1970. – 516 с.
2. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса / А.Я. Вышинский. – Москва : Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1927. – 222 с.
3. Васильев О.Л. Цели и задачи предварительного расследования и его форм / О.Л. Васильев // Вестник Московского университета. Серия: Право. – 2002. – № 3. – С. 20–43.
4. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян и др. ; под ред. Л.В. Головки. – Москва : Статут, 2016. – 1280 с.

5. Апостолова Н.Н. Предварительное расследование и судебное следствие / Н.Н. Апостолова // Российская юстиция. – 2014. – № 7. – С. 21–24.
6. Колбая Г.Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 1971. – 22 с.
7. Рахунов Р.Д. Независимость судей в советском уголовном процессе. (Правовые вопросы) / Р.Д. Рахунов ; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – Москва, 1972. – 187 с.
8. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. – Москва : Норма, 2009. – 238 с.
9. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В.А. Линовский. – Москва : ЛексЭст, 2001. – 222 с.
10. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. – Москва : ЛексЭст, 2001. – 211 с.
11. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостройство – судопроизводство / В.К. Случевский. – 4-е изд., доп. и испр. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 670 с.
12. Чельцов-Бebutов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бebutов. – Санкт-Петербург : Альфа, Равенна, 1995. – 846 с.
13. Елистратов А.И. О жизнеспособности институтов предварительного производства в уголовном процессе смешанного типа / А.И. Елистратов. – Казань : Типо-лит. Императорского ун-та, 1900. – 19 с.
14. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий ; под общ. ред. А.В. Смирнова. – Санкт-Петербург : Альфа, 1996. – Т. 1. – 552 с.
15. Чебышев-Дмитриев А.П. Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 20 ноября 1864 г. / А.П. Чебышев-Дмитриев. – Санкт-Петербург : Изд-е В.П. Печаткина, 1873. – 756 с.
16. Полянский Н.Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность : лекции / Н.Н. Полянский. – Москва : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. – 201 с.
17. Духовской М.В. Из лекций по уголовному процессу / М.В. Духовской. – Москва : Тип. Общества распространения полезных книг, 1895. – 224 с.

18. Будников В.Л. Корпоративность досудебного уголовного производства / В.Л. Будников // Адвокатская практика. – 2007. – № 4. – С. 22–25.

19. Дикарев И.С. Следственная власть как ветвь власти обвинительной / И.С. Дикарев // Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 24 сентября 2020 г. / под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. – Москва : Московская академия Следственного комитета РФ, 2020. – С. 124–127.

20. Дикарев И.С. Объективность уголовного преследования как условие реализации назначения уголовного судопроизводства / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2006. – № 3. – С. 29–31.

References

1. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovno processa* [The course of the Soviet criminal procedure]. Moscow, Nauka Publ., 1970. Vol. 2. 516 p.

2. Vyshinsky A.Ya. *Kurs ugolovno processa* [Course of criminal procedure]. People's Commissariat of Justice of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, 1927. 222 p.

3. Vasiliev O.L. Goals and objectives of the preliminary investigation and its forms. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Moscow University. Series: Law*, 2002, no. 3, pp. 20–43. (In Russian).

4. Harutyunyan A.A., Brusnitsyn L.V., Vasiliev O.L., Vetrova G.N., Golovko L.V., Zhidkova E.I., Ivashenko K.V. et al.; Golovko L.V. (ed.). *Kurs ugolovno processa* [Course of criminal procedure]. Moscow, Statut Publ., 2016. 1280 p.

5. Apostolova N.N. Preliminary investigation and judicial inquiry. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2014, no. 7, pp. 21–24. (In Russian).

6. Kolbaya G.N. *Sootnoshenie predvaritel'nogo sledstviya i sudebnogo razbiratel'stva v sovetskom ugolovnom processe. Avtoref. Kand. Diss.* [Correlation between preliminary investigation and trial in the Soviet criminal procedure. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 1971. 22 p.

7. Rakhunov R.D. *Nezavisimost' sudej v sovetskom ugolovnom processe. (Pravovye voprosy)* [Independence of judges in the Soviet criminal procedure. (Legal issues)]. Moscow, 1972. 187 p.

8. Sheifer S.A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow, Norma Publ., 2009. 238 p.

9. Linovsky V.A. *Opyt istoricheskikh rozyskanij o sledstvennom ugolovnom sudoproizvodstve v Rossii* [Experience of historical research on investigative criminal proceedings in Russia]. Moscow, LeksEst Publ., 2001. 222 p.

10. Barshev Ya.I. *Osnovaniya ugovnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossijskomu ugovnomu sudoproizvodstvu* [Grounds for criminal proceedings with application to Russian criminal proceedings]. Moscow, LeksEst Publ., 2001. 211 p.

11. Sluchevsky V.K. *Uchebnik russkogo ugovnogo processa. Sudoustrojstvo – sudoproizvodstvo* [Textbook of Russian criminal procedure. Judiciary – legal proceedings]. 4th ed. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1913. 670 p.

12. Cheltsov-Bebutov M.A. *Kurs ugovno-processual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugovnogo processa v rabovladel'cheskih, feodal'nyh i burzhuznykh gosudarstvakh* [Course of criminal procedure law. Essays on the history of the court and criminal process in slave, feudal and bourgeois states]. Saint Petersburg, Al'fa, Ravenna Publ, 1995. 846 p.

13. Elistratov A.I. *O zhiznesposobnosti institutov predvaritel'nogo proizvodstva v ugovnom processe smeshannogo tipa* [On the viability of the institutions of preliminary proceedings in the criminal process of a mixed type]. Kazan, Typo-lithography of the Imperial University, 1900. 19 p.

14. Foinitsky I.Ya.; Smirnov A.V. (ed.). *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [Course of criminal proceedings]. Saint Petersburg, Al'fa Publ., 1996. Vol. 1. 552 p.

15. Chebyshev-Dmitriev A.P. *Russkoe ugovnoe sudoproizvodstvo po sudebnym ustavam 20 noyabrya 1864 g.* [Russian criminal proceedings according to judicial charters of November 20, 1864]. Saint Petersburg, V.P. Pechatkin Publ., 1873. 756 p.

16. Polyansky N.N. *Ugovnyj procedure. Ugolovnyj sud, ego ustrojstvo i deyatel'nost'* [Criminal process. Criminal court, its structure and activities]. Moscow, I.D. Sytin Publ., 1911. 201 p.

17. Dukhovskoy M.V. *Iz lekcij po ugovnomu processu* [From lectures on criminal procedure]. Moscow, Society for the Distribution of Useful Books Publ., 1895. 224 p.

18. Budnikov V.L. About corporate criminal proceedings. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*, 2007, no. 4, pp. 22–25. (In Russian).

19. Dikarev I.S. Investigative power as a branch of accusatory power. In Kozhukharik D.N. (ed.). *Sozdanie i razvitie modeli organov predvaritel'nogo rassledovaniya v Rossijskoj imperii. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 24 sentyabrya 2020 g.* [Creation and development of a model of preliminary investigation bodies in the Russian Empire. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, September 24, 2020]. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2020, pp. 124–127. (In Russian).

20. Dikarev I.S. Objectivity of criminal prosecution as a condition for the execution of criminal proceedings. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2006, no. 3, pp. 29–31. (In Russian).

Информация об авторе

Дикарев Илья Степанович – доктор юридических наук, директор Института права Волгоградского государственного университета.

Information about the Author

Dikarev Ilya Stepanovich – Doctor of Sciences (Law), Director of the Institute of Law, Volgograd State University.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 03.02.2022.

The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 03.02.2022.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2022.1.6

Ежова Елена Владимировна
Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,
yehovae.rb@mail.ru

К ВОПРОСУ О СВИДЕТЕЛЬСКОМ ИММУНИТЕТЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Аннотация. Уголовно-процессуальный закон содержит перечень лиц, допрос которых, по общему правилу, запрещен. Однако в ходе осуществления практической деятельности все чаще возникают случаи, когда требуется сделать исключения из данного правила. В связи с этим появилась необходимость пересмотреть подход законодателя к вопросу о наделении тех или иных лиц свидетельским иммунитетом. *Цель:* анализ проблем определения категории лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, в уголовном процессе России. *Методы:* эмпирические методы описания, интерпретации. Применялись частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. *Результаты:* исследование позволило выявить пробелы в законодательном регулировании вопроса наделения лиц свидетельским иммунитетом. Предлагается за основу законодательной конструкции свидетельского иммунитета взять правовые позиции Конституционного Суда РФ по данному вопросу.

Ключевые слова: уголовный процесс, свидетельский иммунитет, допрос лиц

Для цитирования: Ежова Е.В. К вопросу о свидетельском иммунитете в уголовном процессе России / Е.В. Ежова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 89–100. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.6.

Original article

Yezhova Elena Vladimirovna

Bashkir State University, Ufa, Russia, yezhovae.rb@mail.ru

THE ISSUE OF WITNESS IMMUNITY IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The criminal procedure law contains a list of persons whose interrogation is generally prohibited. However, there are increasing instances in practice where exceptions to this rule are required. In this regard, it became necessary to reconsider the legislator's approach to the issue of granting witness immunity to certain persons. *Purpose:* to analyze the problems of determining the category of persons having witness immunity in Russian criminal proceedings. *Methods:* the author applies empirical methods of description, interpretation. Such specific scientific methods as legal dogmatic and legal interpretations are used. *Results:* the study identifies legislative gaps in granting witness immunity to persons. It is proposed that the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue should be taken as the basis for the legislative design of witness immunity.

Keywords: criminal proceedings, witness immunity, interrogation of persons

For citation: Yezhova E.V. The issue of witness immunity in Russian criminal proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 89–100. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.6. (In Russian).

Вопрос о свидетельском иммунитете в уголовном процессе кажется простым: есть определенный круг лиц, допрашивать которых запрещено ввиду или их профессиональной деятельности, или наличия близкого родства с участниками уголовного процесса, или запрета на изобличение самого себя в совершении преступления. Между тем свидетельские показания имеют важное доказательственное значение, что порождает проблему определения золотой середины, а именно, с одной стороны, необходимости обеспечения защиты прав и законных интересов граждан путем предоставления им в некоторых случаях возможности не давать показания, и реализации органами предварительного расследования и суда права осуществлять полное и объективное расследование и рассмотрение уголовного дела – с другой.

В уголовно-процессуальной науке существует несколько подходов к пониманию свидетельского иммунитета (в узком и широком смысле). В узком смысле это право лица отказаться от дачи показаний, в широком –

«совокупность права отказаться от дачи показаний и законодательного запрета допроса некоторых категорий лиц» [1, с. 9].

Т.Н. Москалькова под свидетельским иммунитетом понимает совокупность правил, освобождающих некоторых свидетелей и потерпевших от обязанности давать показания по уголовному делу и также освобождающих любого допрашиваемого от обязанности свидетельствовать против себя самого [2, с. 46]. В.В. Молчанов определяет его как предписанное законом освобождение лица от обязанности давать свидетельские показания. Такое освобождение существует в двух формах: как привилегия, то есть право отказаться от дачи показаний, и как запрет на допрос в качестве свидетеля [3, с. 113].

Н.Ю. Волосова дает следующее определение института свидетельского иммунитета: «комплекс правовых норм, регламентирующих право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга(-ги) и близких родственников, круг которых определен действующим законодательством; запрет на допрос предусмотренных в законе лиц об определенных обстоятельствах и обеспечивающих реализацию данных положений» [4, с. 16]. Автор также предлагает свою классификацию свидетельского иммунитета: «свидетельский иммунитет следует классифицировать как привилегию от самообвинения (самоизобличения, права на молчание); привилегию от дачи показаний против близких родственников и супруга(-ги); свидетельский иммунитет в силу выполнения профессиональных и иных функций, освобождающий от дачи показаний» [1, с. 17].

Верным нам кажется рассмотрение института свидетельского иммунитета с позиции более широкого подхода, поскольку существует несколько оснований, при которых то или иное лицо не будет допрошено в качестве свидетеля по уголовному делу:

- в силу предоставленного ему ст. 51 Конституции РФ права не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников;
- в силу прямого законодательного запрета на допрос отдельной категории лиц;
- в силу запрета на допрос отдельной категории лиц без их соответствующего ходатайства об этом.

Так, п. 4 ст. 56 УПК РФ отражает конституционное право свидетеля отказаться свидетельствовать против себя самого, своего супруга(-ги) и других близких родственников. При согласии свидетеля все же дать показания он должен быть предупрежден о том, что эти показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае последующего отказа от них. Данная норма, как мы видим, закреп-

пляется как диспозитивная, то есть предоставляет право не свидетельствовать, но и не содержит запрета на допрос.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству «не подлежат допросу в качестве свидетелей:

1) судья, присяжный заседатель – об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному уголовному делу;

2) адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого с согласия и в интересах подозреваемого, обвиняемого;

3) адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь;

4) священнослужитель – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди;

5) член Совета Федерации, депутат Государственной Думы без их согласия – об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением ими своих полномочий;

6) должностное лицо налогового органа – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с предоставленными сведениями, содержащимися в специальной декларации, представленной в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и (или) прилагаемых к ней документах и (или) сведениях;

7) арбитр (третейский судья) – об обстоятельствах, ставших ему известными в ходе арбитража (третейского разбирательства);

8) Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации без их согласия – об обстоятельствах, ставших им известными в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей» (п. 3 ст. 56 УПК РФ).

Данный перечень носит закрытый характер и обозначен как императив, то есть допрос указанных лиц не должен быть произведен.

Таким образом, уголовно-процессуальный закон содержит исчерпывающий перечень лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, давая при этом четкие указания, в отношении кого можно сделать исключение и в каких случаях.

Между тем практика складывается далеко не так однозначно. Этому мы находим подтверждение в правовых позициях Конституционного Суда РФ, у которого свое видение рассматриваемого вопроса.

Рассмотрим некоторые категории лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, и выделим основные моменты, которые необходимо учитывать при реализации соответствующих норм уголовно-процессуального закона.

Во-первых, при общем запрете допрашивать указанных лиц сам законодатель делает из этого правила исключения, обусловленные наличием ходатайства самих этих лиц о допросе. Такое исключение сделано для адвоката, защитника подозреваемого, обвиняемого, который ходатайствует о своем допросе. Данная норма закона согласуется с позицией Конституционного Суда РФ, в своем определении указавшего на то, что свидетельский иммунитет адвоката не безусловен и может быть преодолен при наличии нескольких условий:

– показания даются по ходатайству адвоката (защитника) или самого подозреваемого, обвиняемого (соответственно, только в интересах самого подозреваемого, обвиняемого, иначе будет нарушена адвокатская этика и адвокатская тайна) и с согласия лиц, которым адвокат оказывал юридическую помощь;

– если данные показания не затрагивают интересы других лиц¹.

Существуют и иные особенности, связанные с реализацией свидетельского иммунитета адвоката (защитника), которые отражены в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Так, запрет допрашивать адвоката об обстоятельствах, ставших ему известными в силу осуществления им профессиональной деятельности, распространяется на обстоятельства любых событий. Неважно, имели они место до или после того, как адвокат был допущен к участию в деле в качестве защитника обвиняемого, подозреваемого².

Необходимо также учитывать позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой возможен допрос адвоката, если речь идет о совершении им самим преступного деяния. Ведь запрет на допрос такого лица в каче-

---

¹ По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 108-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42271/ (дата обращения: 15.11.2021).

² Там же.

стве свидетеля обеспечивает защиту адвокатской тайны, то есть соблюдение прав и законных интересов подзащитного, а не адвоката¹. Поэтому свидетельский иммунитет адвоката ограничивается исключительно заботой о сохранении тайны, доверенной ему его клиентом. Правовой режим адвокатской тайны, по мнению Ю.С. Пилипенко, «это особый порядок правового регулирования, действующий в сфере оказания/получения квалифицированной юридической помощи и направленный на формирование и охрану иммунитета доверителя посредством установления запретов на несанкционированное получение, разглашение и/или иное неправомерное использование любой информации, ставшей известной адвокату» [5, с. 18].

Отсюда следует и обратная ситуация: нельзя привлекать к участию в производстве по уголовному делу в качестве защитников лиц, которые ранее были допрошены по этому делу в качестве свидетелей. Данный запрет объясняется Конституционным Судом РФ тем, что совмещение в одном лице двух функций – оказание юридической помощи (защитник) и оказание содействия органам, осуществляющим производство по делу (свидетель), – повлияет на объективность расследования и рассмотрения данного уголовного дела².

Также в силу прямого указания уголовно-процессуального закона возможен допрос члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы, уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации с их согласия, то есть свидетельский иммунитет указанных лиц тоже преодолим.

Однако нужно учитывать, что лицо, обладающее свидетельским иммунитетом и согласившееся дать показания, вправе при последующем производстве по уголовному делу отказаться от участия в допросе. При

---

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абдулхамидова Ахмедшапи Гамзатовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8 и 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также статей 7, 29 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 629-О-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133876/ (дата обращения: 15.11.2021).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Грищука Юрия Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 14, частью второй статьи 49, частью первой статьи 50 и частью первой статьи 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 № 2235-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2021).

этом оглашение в последующем в суде данных в ходе предварительного расследования показаний свидетеля со стороны обвинения, воспользовавшегося в судебном заседании свидетельским иммунитетом, исключает возможность стороны защиты допросить этого свидетеля¹.

Во-вторых, все чаще на практике складываются ситуации, когда требуется допросить лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, преодолев при этом прямой запрет законодателя. Такие ситуации, как правило, связаны с необходимостью обеспечения прав иных участников уголовного судопроизводства.

Так, Постановлением Конституционного Суда РФ от 7 июля 2020 г. № 33-П было установлено право суда апелляционной инстанции в случае поступления соответствующего ходатайства от участников процесса, оспаривающих законность вынесенного судебного решения по делу, рассматриваемому судом с участием присяжных заседателей, пригласить в судебное заседание присяжных заседателей, чтобы выяснить, имело ли место нарушение тайны их совещания или иные нарушения уголовно-процессуального закона в ходе обсуждения и вынесения ими вердикта². Но, как особо подчеркнул Конституционный Суд РФ, это осуществляется «без придания им при этом процессуального статуса свидетеля».

Также запрещается присяжным заседателям разглашать во время такого «допроса» сведения, непосредственно связанные с тайной совещания и их позицией при голосовании коллегии. То есть заслушивание таких лиц ограничивается выяснением вопроса о соблюдении уголовно-процессуального закона и не затрагивает существа принятого коллегией присяжных вердикта.

Таким образом, при сохранении общего запрета на допрос присяжного заседателя в силу требования ст. 56 УПК РФ из него делается исключение в случае появления необходимости защиты прав сторон процесса

---

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Дмитрия Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 02.04.2009 № 477-О-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89375/ (дата обращения: 15.11.2021).

² По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.А. Алиева : постановление Конституционного Суда РФ от 07.07.2020 № 33-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89375/ (дата обращения: 15.11.2021).

при нарушении установленной уголовно-процессуальным законом процедуры голосования коллегии присяжных.

Что касается запрета на допрос судьи об обстоятельствах уголовного дела, которые стали ему известны в связи с участием в производстве по данному уголовному делу, то он вполне нивелируется обязанностью самого судьи составить протокол судебного заседания, в котором будет объективно отражен ход судебного заседания. Поэтому Конституционный Суд РФ верно указывает в Постановлении от 14 июля 2017 г. № 21-П на то, что протокол судебного заседания имеет значение важного источника информации о ходе рассмотрения дела и исследованных судом доказательствах, он обеспечивает объективность фиксации судебного разбирательства, является одним из средств проверки и оценки законности, обоснованности и справедливости приговора, законности и обоснованности иного судебного решения¹. Поэтому особо Конституционным Судом РФ указывается на необходимость правильного и полного отражения информации о ходе и результатах судебного разбирательства в протоколе, учитывая невозможность допроса судьи, постановившего оспариваемое решение, судом вышестоящей инстанции.

Таким образом, запрет на взятие показаний у лиц, указанных в ч. 3 ст. 56 УПК РФ, – это попытка обеспечить конфиденциальность сведений, полученных ими при осуществлении профессиональной деятельности. Однако этот запрет может стать препятствием для проведения расследования и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, поэтому вполне оправданной кажется нам позиция Конституционного Суда РФ, который еще в своем Определении от 6 марта 2003 г. № 108-О отметил, что суды не могут отказывать в даче свидетельских показаний лицам, установленным в ч. 3 ст. 56 УПК РФ, если они заявляют такое ходатайство. Иначе, с одной стороны, будет нарушено право лица на судебную защиту, а с другой стороны, это ограничит возможность органов, осуществляющих производство по делу, получить сведения, имеющие доказательственное значение.

Однако есть определенные условия, которые выдвигает Конституционный Суд РФ для преодоления запрета на допрос указанных в ч. 3 ст. 56 УПК РФ лиц. Их всего два:

---

¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Савченко : постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2017 № 21-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220414/ (дата обращения: 15.11.2021).

1) заявление соответствующего ходатайства о производстве допроса лицами, обладающими свидетельским иммунитетом;

2) согласие лиц, чьих прав и законных интересов непосредственно касаются конфиденциально полученные сведения.

Для защиты конфиденциальных сведений, которые будут оглашены при допросе, уголовно-процессуальным законом предусмотрены соответствующие способы и средства. Поэтому, на наш взгляд, указанная правовая позиция должна найти соответствующее закрепление в ч. 3 ст. 56 УПК РФ, которая в данный момент носит, безусловно, запретительный характер.

В-третьих, нельзя сказать, что содержащийся в ч. 3 ст. 56 УПК РФ перечень является полностью исчерпывающим. Он постоянно дополняется, в него включаются все новые лица, которые обязаны хранить получаемую ими в силу профессиональной деятельности информацию. На это же указывает Н.Ю. Волосова. Она верно отмечает, что до сих пор не решен вопрос в отношении лиц, которым доверена, например, коммерческая, банковская, нотариальная и другие виды тайн [4, с. 6].

Так, в силу ст. 41 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» редакция не имеет права разглашать в распространяемых сообщениях и материалах сведения, предоставленные гражданином с условием сохранения их в тайне. Редакция также обязана сохранять в тайне источник информации и не вправе раскрывать лицо, предоставившее сведения с условием неразглашения его имени. Исключение делается только в случае поступления требования о предоставлении таких сведений от суда в связи с находящимся в его производстве делом. Получается, что и допрашивать органам предварительного расследования лиц, работающих в редакции СМИ, по данному вопросу также запрещено. Хотя в УПК РФ данный аспект не отражен.

В научной литературе предлагается расширить перечень лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, за счет, например, опекунов, попечителей и подопечных в отношении обстоятельств, ставших им известными в связи с осуществлением опеки и попечительства, священнослужителей, но только тех религиозных организаций, которые прошли государственную регистрацию [4, с. 18].

В-четвертых, в некоторых случаях даже при отсутствии законодательно установленного запрета на допрос некоторых категорий лиц Конституционный Суд РФ запрещает это делать лишь в определенном аспекте. Например, не существует ограничений на допрос судом следователя, дознавателя. Однако нельзя осуществлять производство данного следственного действия с целью выяснить содержание показаний подозреваемого и обвиняемого, которые он давал на досудебной стадии без участия защитника, а

впоследствии отказался от них, что является безусловным основанием признания таких показаний недопустимым доказательством¹. То есть допрос следователя (дознавателя) не может служить цели восстановления содержания таких показаний лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Таким образом, невозможно определить какой-то конкретный алгоритм, по которому законодатель наделяет или обделяет свидетельским иммунитетом лиц, которые в силу выполнения своих профессиональных обязанностей работают с информацией, составляющей тайну. Это и врачи, и нотариусы, и следователи (дознаватели), и прокуроры и т. д. Запрета на допрос этих лиц нет. Зачастую даже при наличии законодательного запрета, адресованного данным субъектам, распространять полученную ими в ходе работы информацию он преодолевается простым запросом со стороны правоохранительных и судебных органов, осуществляющих производство по уголовному делу. Так, согласно Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя допускается в том числе «по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством». Соответственно, нет никаких препятствий для осуществления допроса лиц, владеющих врачебной тайной.

Поэтому мы можем констатировать, что законодательное регулирование свидетельского иммунитета до конца не упорядочено, в связи с чем в ходе осуществления практической деятельности вырабатываются все новые правила допроса лиц, обладающих, по общему правилу, свидетельским иммунитетом, что продиктовано, прежде всего, необходимостью обеспечения прав иных участников уголовного процесса и соблюдением баланса охраны частного и публичного интересов.

---

¹ По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного суда РФ от 06.02.2004 № 44-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47218/ (дата обращения: 15.11.2021).

Список источников

1. Федякин К.П. Теоретические и практические проблемы свидетельского иммунитета в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / К.П. Федякин. – Саратов, 2007. – 25 с.
2. Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования) / Т.Н. Москалькова. – Москва : Спарк, 1996. – 125 с.
3. Молчанов В.В. Свидетельский иммунитет в гражданском процессе / В.В. Молчанов // Правоведение. – 2006. – № 2. – С. 109–119.
4. Волосова Н.Ю. Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория, законодательное регулирование и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н.Ю. Волосова. – Москва, 2015. – 61 с.
5. Пилипенко Ю.С. Адвокатская тайна: теория и практика реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.11 / Ю.С. Пилипенко. – Москва, 2009. – 56 с.

References

1. Fedyakin K.P. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy svidetel'skogo immuniteta v ugovnom processe. Avtoref. Kand. Diss.* [Theoretical and practical problems of witness immunity in criminal proceedings. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2007. 25 p.
2. Moskalkova T.N. *Etika ugovno-processual'nogo dokazyvaniya (stadiya predvaritel'nogo rassledovaniya)* [Ethics of criminal procedural proof (stage of preliminary investigation)]. Moscow, Spark Publ., 1996. 125 p.
3. Molchanov V.V. Witness immunity in civil proceedings. *Pravovedenie*, 2006, no. 2, pp. 109–119. (In Russian).
4. Volosova N.Yu. *Ugovno-processual'nyj institut svidetel'skogo immuniteta: teoriya, zakonodatel'noe regulirovanie i praktika. Avtoref. Dokt. Diss.* [Criminal Procedure Institute of Witness Immunity: Theory, Legislative Regulation and Practice. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2015. 61 p.
5. Pilipenko Yu.S. *Advokatskaya tajna: teoriya i praktika realizacii. Avtoref. Dokt. Diss.* [Advocate secrecy: theory and practice of implementation. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2009. 56 p.

Информация об авторе

Ежова Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Information about the Author

Yezhova Elena Vladimirovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 20.12.2021; принята к публикации 21.12.2021.

The article was submitted 01.11.2021; approved after reviewing 20.12.2021; accepted for publication 21.12.2021.

Научная статья
УДК 347.97
DOI 10.33184/pravgos-2022.1.7

Качалова Оксана Валентиновна

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия,
oksana_kachalova@mail.ru

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТАНДАРТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Аннотация. Важнейшими проблемами в сфере использования информационных технологий в современном судопроизводстве являются определение разумного баланса в применении информационных технологий и традиционных форм и способов осуществления правосудия, соблюдение прав и свобод личности при применении современных технологий в сфере судебного разрешения правовых конфликтов. *Цель:* определить международные правовые стандарты использования информационных технологий в современных условиях. *Методы:* диалектический, формально-логический, структурно-системного анализа и синтеза. *Результаты* исследования позволили определить основные принципы использования современных информационных технологий в судопроизводстве: соблюдение прав человека и обеспечение верховенства закона, доступа к правосудию, безопасности. Основой для правового регулирования применения современных информационных технологий является единый подход, не зависящий от особенностей национальных правовых систем, необходимый для преодоления вызовов, связанных с быстрым технологическим развитием, позволяющий найти общие практические решения, связанные с цифровизацией правосудия. Идеологическую основу регулирования использования цифровых инструментов и высоких технологий в правосудии составляет антропоцентристский подход, согласно которому центральным элементом судебной деятельности является человек, его права и свободы. Именно такой подход позволит сохранить и гарантировать права человека в условиях современных технологических вызовов.

Ключевые слова: судопроизводство, информационные технологии, искусственный интеллект, видеоконференцсвязь, права человека, Европейская комиссия по эффективности правосудия

Для цитирования: Качалова О.В. Европейские стандарты применения информационных технологий в судопроизводстве в условиях современных вызовов и угроз / О.В. Качалова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 101–115. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.7.

Original article

Kachalova Oksana Valentinovna

Russian State University of Justice, Moscow, Russia,
oksana_kachalova@mail.ru

EUROPEAN STANDARDS FOR THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN JUDICIAL PROCEEDINGS IN THE FACE OF MODERN CHALLENGES AND THREATS

Abstract. The most important problems in the use of information technologies in modern judicial proceedings are the establishment of a reasonable balance between the application of information technologies and traditional forms and methods of justice, respect for individual rights and freedoms in the use of modern technologies in the judicial resolution of legal conflicts. *Purpose:* to define international legal standards for the use of information technologies in modern conditions. *Methods:* the author applies such methods as dialectical, formal logical, structural-system analysis and synthesis. The *results* of the study make it possible to determine the main principles for the use of modern technologies in judicial proceedings: respect for human rights and the rule of law, access to justice, security. The basis for the legal regulation of the use of modern information technologies is a unified approach, independent of the specificities of national legal systems, necessary to overcome the challenges of rapid technological development that allows finding common practical solutions related to the digitalization of justice. The ideological basis for regulating the use of digital tools and high technology in justice is an anthropocentric approach, according to which the human being, his rights and freedoms are at the center of judicial activity. Such an approach will preserve and guarantee human rights in the face of modern technological challenges.

Keywords: judicial proceedings, information technologies, artificial intelligence, videoconferencing, human rights, European Commission for the Efficiency of Justice

For citation: Kachalova O.V. European standards for the use of information technologies in judicial proceedings in the face of modern challenges and threats. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State:*

Theory and Practice, 2022, no. 1, pp. 101–115. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.7. (In Russian).

Стремительное развитие современных информационных технологий и их распространение на все сферы жизни современного общества, включая такую традиционно консервативную сферу, как осуществление правосудия, поставило на повестку дня целый ряд острых вопросов, от ответов на которые, без преувеличения, зависит будущее каждого из нас. Эти вопросы разноплановы, находятся в различных сферах: научно-технологической, организационно-технической, социокультурной (ментальной), финансовой, кадровой, правового регулирования. Важнейшими проблемами, которые предстоит решать человечеству в самое ближайшее время, являются проблемы создания качественных IT-продуктов, пригодных для использования в такой деликатной сфере, как осуществление правосудия, пределов их возможного использования, определения разумного баланса в применении информационных технологий и традиционных форм и способов осуществления правосудия, соблюдения прав и свобод личности при применении современных технологий в сфере судебного разрешения правовых конфликтов. Эти вопросы являются предметом пристального внимания ученых и практиков из разных стран, активно обсуждаются на национальных и международном уровнях. Следует отметить, что активное использование информационных технологий в системах правосудия далеко не ново, оно началось более двадцати лет назад. Однако если ранее речь шла, как правило, лишь об информатизации судебных систем, по большей части не затрагивающей традиционно сложившиеся основы осуществления правосудия, то сейчас, с развитием технологий, создаваемых на базе искусственного интеллекта, встают вопросы уже не только о способах передачи информации и удаленном доступе к правосудию, но и об активном применении непосредственно в процессе осуществления правосудия различных интеллектуальных систем. Расширение доступа к правосудию за счет более эффективного использования информационных технологий, улучшения администрирования судов и лучшего доступа к судебной статистике, электронным системам управления делами и т. д. приводит к его ускорению, повышению эффективности и транспарентности.

Анализ уже имеющегося опыта в данной сфере, прогнозирование возможных рисков и угроз детерминировали процесс выработки на европейском уровне правовых стандартов обеспечения прав человека при применении современных информационных технологий в судопроизводстве. Значение международных стандартов в сфере обеспечения прав человека чрезвычайно велико. Нельзя в этой связи не согласиться с А.А. Тарасовым,

подчеркнувшим единодушие исследователей в оценках влияния международных стандартов прав человека на отечественную правовую систему [1, с. 178].

Основная задача формирования стандартов реализации прав человека в сфере применения современных технологий в судопроизводстве – обеспечить, чтобы развитие технологий укрепляло права человека, демократию и верховенство закона, а не подрывало их. Ведущая роль в этом принадлежит Европейской комиссии по эффективности правосудия (СЕРЕЈ), Комитету министров Совета Европы, ЕСПЧ.

Тенденция к цифровизации усилилась из-за пандемии COVID-19 и необходимости перехода на удаленный и электронный методы работы [2, с. 5–15; 3, с. 91–104; 4, с. 76–81]. В июне 2020 г. СЕРЕЈ приняла декларацию «Извлеченные уроки и проблемы, с которыми сталкивается судебная система во время и после пандемии COVID-19». В ней говорится о необходимости обеспечения непрерывности работы судов во время кризисных ситуаций и доступа к правосудию при соблюдении прав личности. В качестве принципов работы судов в экстраординарных условиях названы:

1) обеспечение прав человека и верховенства закона. Право на свободу и безопасность и право на справедливое судебное разбирательство должны быть защищены во все времена, но они становятся особенно важными во время кризиса. Чрезвычайные меры должны основываться на принципах законности, правовой определенности, соразмерности и постоянной переоценки. Любые принимаемые меры должны иметь фиксированную дату окончания и подлежать судебному контролю;

2) доступ к правосудию. Во время пандемии может потребоваться закрытие судов, это должно быть сделано осторожно и соразмерно, поскольку приводит к существенному ограничению доступа к правосудию. Доступ к правосудию должен обеспечиваться с помощью альтернативных средств (онлайн-сервисы, расширение доступа к информации через веб-сайты судов и другие средства связи (телефон, электронная почта и т. д.). Особое внимание должно уделяться уязвимым группам, приоритетное – делам, которые касаются случаев бытового насилия в отношении женщин и детей, пожилых людей или инвалидов;

3) безопасность. Обеспечение здоровья и безопасности всех работников системы правосудия, а также посетителей в судах должно быть приоритетом. Необходимо принять меры для соблюдения необходимого физического расстояния в помещениях суда. Все меры должны быть четко разъяснены посетителям судов, регулярно оцениваться и адаптироваться к новым обстоятельствам;

4) мониторинг потока обращений и качества рассмотрения дел. Поступающие дела могут быть рассортированы по уровню приоритетов в целях их оперативного рассмотрения. В случае задержек в рассмотрении дел должен быть план устранения задержек;

5) кибербезопасность. Онлайн-сервисы, удаленные слушания и видеоконференции, а также будущее развитие цифрового правосудия всегда должно основываться на уважении основных прав человека и соблюдении принципов справедливого судебного разбирательства. Для снижения рисков применения информационных технологий их использование и доступность для всех пользователей должны иметь четкую правовую основу. Обеспечение кибербезопасности и защита персональных данных должны быть приоритетом;

6) обучение. Подготовка судей должна адаптироваться к возникающим потребностям, включая использование информационных технологий;

7) перспективное правосудие. Следует разработать стратегию преобразования судебных органов, в том числе в условиях чрезвычайных ситуаций. Некоторые аспекты функционирования традиционных судов должны быть пересмотрены (отношения со СМИ, уровень использования новых технологий, более широкое обращение к альтернативному разрешению споров).

Широкое применение судами дистанционных технологий при рассмотрении различных категорий дел поставило задачу определения основных правил применения видео-конференц-связи в судопроизводстве. Следует отметить, что ЕСПЧ в своих решениях уже давно определил ряд позиций относительно использования видео-конференц-связи. Согласно позиции ЕСПЧ использование видео-конференц-связи в судебном заседании представляет собой форму судебного процесса, не является несовместимым с пониманием справедливого и публичного разбирательства [5, с. 34–38]. Использование видео-конференц-связи в судебном заседании должно гарантировать возможность для заявителя участвовать в процессе по делу и быть выслушанным без технических препятствий, а также предоставлять возможность эффективного общения с адвокатом без свидетелей¹. ЕСПЧ также указал, что если лицо общается с судом с помощью видео-конференц-связи, то право на юридическую помощь приобретает особое

---

¹ Григорьевских (Grigoryevskikh) против Российской Федерации (жалоба № 22/03) : постановление ЕСПЧ от 09.04.2009 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).

значение, в первую очередь, если лицу предъявлены многочисленные и серьезные обвинения и ему грозит суровое наказание¹.

В июне 2021 г. СЕПЕЖ на пленарном заседании приняла Руководство по видео-конференц-связи в судебных процессах². Его целью является разработка механизмов по устранению любого риска нарушения прав сторон во время дистанционных заседаний, в частности их права быть заслушанными и активно участвовать в разбирательстве, а также права на защиту.

Согласно данному Руководству гарантии справедливого судебного разбирательства, предусмотренные ЕСПЧ, распространяются на дистанционные заседания во всех судебных разбирательствах. Ключевыми элементами являются право на эффективный доступ к суду, справедливость судопроизводства, состязательный характер процесса, равенство сторон, надлежащее использование доказательств, время для подготовки и доступ к материалам, решение суда в разумный срок, безопасность данных и управление рисками. Суд должен гарантировать сторонам право на эффективную помощь адвоката во всех судебных разбирательствах, включая конфиденциальность общения с ним.

К числу основных положений данного документа относятся:

1) принципы дистанционного судебного разбирательства. Проведение дистанционного заседания должно основываться на принципах справедливости, оперативности, целесообразности разбирательства, сотрудничества, безопасности и законности обработки персональных данных;

2) обеспечение видеосвязи надлежащего качества. Все участники дистанционного заседания, в частности судья, должны иметь возможность видеть и слышать говорящего и реакцию других участников. Система видео-конференц-связи, предоставляемая судом, должна быть бесплатной для всех участников, доступной и удобной для пользователя. Участники могут присутствовать на заседании посредством видео-конференц-связи из залов суда, мест содержания под стражей, юридических контор или других безопасных мест. Обстановка заседания, в том числе аппаратура, должна гарантировать целостность высказываний. Использование инструментов искусственного интеллекта, таких как звуковые или видеоэлектронные фильтры, должно находиться под контролем суда. Аппаратное и програм-

---

¹ Севостьянов (Sevastyanov) против Российской Федерации (жалоба № 37024/02) : постановление ЕСПЧ от 22.04.2010 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).

² Guidelines on videoconferencing in judicial proceedings Document adopted by the CEPEJ at its 36 th plenary meeting (16 and 17 June 2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/cepej-2021-4-guidelines-videoconference-en/1680a2c2f4> (дата обращения: 10.12.2021).

мноое обеспечение видео-конференц-связи должно обеспечивать видео и аудио достаточного качества для поддержания непрерывной и соответствующей аудиовизуальной связи, позволяя сторонам следить за процессом и эффективно участвовать в нем. Суд должен потребовать от участников обеспечить надежную видеосвязь достаточного качества, надлежащую видимость и освещение, чтобы иметь возможность эффективно участвовать в дистанционном заседании;

3) способы преодоления технических сбоев. Суду следует проинформировать всех участников о возможных технических и других трудностях, с которыми они могут столкнуться, и напомнить, что следует избегать чрезмерности в речи и отключать микрофоны, когда они не говорят. Суд должен реагировать на технические сбои, о которых сообщает подсудимый. Перед дистанционным заседанием подсудимый должен быть проинформирован о порядке сообщения о технических сбоях председательствующему судье (например, путем назначения ответственного официального представителя рядом с подсудимым или посредством кнопки предупреждения на интерфейсе видеосвязи). Должны существовать планы действий в непредвиденных ситуациях, чтобы эффективно решать такие проблемы, как внезапные технические сбои, отключения, перебои в подаче электроэнергии (альтернативные каналы связи и техническая поддержка) или нарушения безопасности данных. Судьи, стороны, аппарат суда и другие участники должны иметь доступ к ИТ-поддержке во время дистанционных заседаний во избежание задержек и технических трудностей при использовании системы видео-конференц-связи. Если имеется техническая неисправность, которая не может быть устранена, то дистанционное заседание должно быть отложено или приостановлено;

4) контроль поведения подсудимого. В случае ненадлежащего поведения подсудимого и его продолжения после замечаний председательствующего суд может отключить звук, прервать или приостановить видеосвязь для этого участника. О таких полномочиях суд должен проинформировать подсудимого до принятия такого решения. Если подсудимому был выключен микрофон, суд должен предусмотреть, чтобы его представитель (защитник, законный представитель) по-прежнему имел возможность воспользоваться правом на оказание юридической помощи в ходе дистанционного заседания и процесса в целом;

5) эффективный доступ к защитнику. Подсудимый должен иметь эффективный доступ к защитнику и законному представителю до и во время дистанционного заседания, включая право на конфиденциальное общение со своим адвокатом до начала заседания. Суд должен отложить или приостановить дистанционное заседание при отсутствии представите-

ля подсудимого. При таких обстоятельствах суд должен принять все необходимые меры для обеспечения права на юридическое представительство подсудимого, включая возможное назначение защитника. Подсудимый должен иметь возможность без наблюдения совещаться со своим представителем и обмениваться конфиденциальной информацией. Присутствие других лиц в одной комнате с подсудимым во время таких совещаний должно быть исключено. Подсудимый должен иметь возможность общаться со своим представителем через защищенную систему. Ему должна быть обеспечена конфиденциальность такой коммуникации, в приоритете должно находиться использование защищенной линии, отличной от видеосвязи, предусмотренной для дистанционного заседания;

б) информированность сторон о правилах дистанционного заседания. Суд должен предоставить участникам четкие правила, инструкции и руководства по использованию видео-конференц-связи и проведению дистанционных заседаний. Следует напомнить участникам, что они предстают перед судом и поэтому должны вести себя надлежащим образом, в соответствии с законом и судебным этикетом, который должен быть адаптирован к дистанционным заседаниям. Участники должны быть заранее уведомлены судом о технических требованиях, включая дату, время (с учетом часовых поясов), место и условия проведения дистанционного заседания. При наличии возможности и при необходимости суд должен запланировать тестовый сеанс видео-конференц-связи перед дистанционным заседанием, чтобы дать рекомендации о том, как будет проводиться дистанционное заседание, какие технологии будут использоваться и др. Суд и участники должны подключиться к сеансу видео-конференц-связи до начала дистанционного заседания для решения технических вопросов.

На основе указанных рекомендаций на национальном уровне должна быть создана надлежащая нормативно-правовая база для применения видео-конференц-связи.

Поддерживая идею дальнейшего развития видеотехнологий в судах, необходимо отметить, что использование видео-конференц-связи не может быть тотальным и повсеместным. В случаях, если принимаемое решение влечет за собой наиболее серьезные правовые последствия (в первую очередь это касается рассмотрения уголовных дел), правовой конфликт должен разрешаться непосредственно в суде.

Выступая 5 октября 2021 г. на конференции министров юстиции европейских стран «Цифровые технологии и искусственный интеллект – новые вызовы для правосудия в Европе», Г. Строжин сообщил, что в одной из стран (не входящей в Совет Европы) во время пандемии 2020 г. смертные приговоры были вынесены посредством видеоконференций, и их было вынесено почти в два раза больше, чем за аналогичный период годом ра-

нее¹. В мае 2020 г. The Guardian сообщила, что Верховный суд Сингапура вынес первый приговор о смертной казни в режиме видеоконференции через сервис Zoom². 37-летнего малазийца Пунитана Дженсана приговорили к смерти за контрабанду 28,5 г героина в 2011 г. Он отрицал свою причастность к преступлению³. Полагаем, что такие антипримеры не могут быть ориентиром для дальнейшего развития технологий.

Что касается технологий на основе искусственного интеллекта, опыт их применения в судебных системах мира пока еще незначителен, однако в эру быстрого расширения искусственного интеллекта в ближайшем будущем ожидается появление более совершенных технологических систем, помогающих принимать судебные решения и автоматизировать процесс их принятия. Это поисковые системы судебных решений прецедентного права, сервисы урегулирования споров в режиме онлайн, помощь в составлении документов, анализ исхода судебного разбирательства, чат-боты для информирования сторон судебного разбирательства или оказания им поддержки в ходе разбирательства и др. [6]. Важнейшей задачей при их применении остается обеспечение прав человека, независимости, эффективности и устойчивости правосудия. Значимость подобного рода технологий весьма велика – они способствуют тому, чтобы судебные сервисы и юридическая информация были более доступными, а правосудие – скорым и эффективным. Применение технологий искусственного интеллекта призвано также обеспечить беспристрастность решений, недискриминацию, равенство возможностей, надлежащую судебную защиту⁴.

Активно движется в данном направлении Республика Казахстан. В Верховном суде Казахстана подготовлен IT-продукт «Цифровая судебная аналитика», который включает в себя ряд модулей. Они облег-

---

¹ Strojín G. Use of e-devices in judicial proceedings in a Convention-compliant manner [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/intervention-gregor-strojin-2786-0306-9188-v-1/1680a40bb3> (дата обращения: 12.12.2021).

² Singapore sentences man to death via Zoom call [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/20/singapore-sentences-man-to-death-via-zoom-call> (дата обращения: 12.12.2021).

³ В Сингапуре вынесли смертный приговор через Zoom [Электронный ресурс] // Новая газета. 2020. 20 мая. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2020/05/20/161631-v-singapore-vynesli-smertnyy-prigovor-cherez> (дата обращения: 12.12.2021).

⁴ Углубленное исследование вопроса использования искусственного интеллекта в судебных системах [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/rulethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 12.12.2021).

чают поиск аналогичных дел, интеллектуальный поиск по тексту, выявление судебных актов, существенно отличающихся от других. Разрабатывается модуль «Прогноз исхода дела», который позволит оценить судебную перспективу дела; тестируется программа, составляющая проекты судебных решений по вопросам условно-досрочного освобождения, которые затем должны проверяться, а при необходимости корректироваться судьей; идет работа над созданием smart-помощника судьи. Эта IT-программа позволит формировать проекты судебных актов по примерно 400 тыс. дел и материалов, в первую очередь тех, в которых отсутствуют споры о праве¹.

В России в 2024 г. планируется запуск сервиса «Правосудие онлайн», в котором будут предусмотрены системы распознавания речи и видеоизображений, распознавание общего смысла текста с возможностью выделять ключевые тезисы, использование систем поддержки принятия решений судом, автоматизированной подготовки проектов судебных актов и др. В 2021 г. в Белгородской области запустили пилотный проект: три участка мировых судей с помощью технологии искусственного интеллекта будут готовить судебные приказы при взыскании с граждан имущественного, транспортного и земельного налогов. Данная технология должна помочь заявителям при подготовке документов и проверке необходимых реквизитов, но при этом решение о вынесении судебного приказа остается прерогативой судьи².

Нельзя недооценивать и имеющиеся риски внедрения технологий на основе искусственного интеллекта. Как верно отметил К. Ронсин в выступлении на конференции министров юстиции европейских стран «Цифровые технологии и искусственный интеллект – новые вызовы для правосудия в Европе», крайне важно, чтобы мы осознавали опасность индустриализации применения правосудия, постоянно и прозрачно оценивали влияние и риски применения новых технологий на права человека, демократию и верховенство закона³. Среди множества вопросов, возникающих при

---

¹ Бержанова И. Реформа судебной системы: консерватизм или прогресс [Электронный ресурс] // Казахстанская правда. 2021. 3 апр. URL: <https://www.sud.gov.kz/rus/massmedia/reforma-sudebnoy-sistemy-konservativizm-ili-progress-iberzhanova-kazahstanskaya-pravda> (дата обращения: 12.12.2021).

² Губанов А. Момотов рассказал, откуда в российские суды придет искусственный разум [Электронный ресурс]. URL: <https://legal.report/momotov-rasskazal-otkuda-v-rossijskie-sudy-privdet-iskusstvennyj-razum/> (дата обращения: 12.12.2021).

³ L'Intelligence artificielle au service de la Justice européenne, mythes, espoirs, réalités et cadre éthique [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/intervention-xavier-ronsin-2763-5492-2244-v-1/1680a40be8> (дата обращения: 12.12.2021).

оценке перспектив внедрения искусственного интеллекта в судопроизводство, спикер отметил следующие: улучшится ли качество судебных решений после создания огромных баз открытых данных? следует ли надеяться, что граждане, лучше осведомленные о предсказуемом исходе судебного процесса, который они хотят инициировать, будут легче выбирать с помощью искусственного интеллекта альтернативные пути примирения и посредничества? может ли быть объективной шкала рисков правонарушителя до суда или после отбывания наказания? И главный вопрос: не повредит ли цифровая революция системе обеспечения прав человека, выстроенной в соответствии с Конвенцией о защите прав человека 1950 г., а затем разработанной ЕСПЧ. Нет ли в будущем рисков лишения гражданина права доступа к суду, лишения судьи свободы принятия решений, поскольку он стал узником решения, которое определил алгоритм?¹ Очевидно, что на сегодняшний день эти вопросы не имеют ответа, однако задумываться о них нужно уже сейчас.

Использование искусственного интеллекта в судебной деятельности оценивается европейскими экспертами как деятельность с «высоким риском»² и требует строгого соблюдения основных прав и свобод человека. SEREJ прогнозирует риски делегирования ответственности и отсутствия прозрачности в принятии судебных решений и использовании программ искусственного интеллекта. Существуют и риски встраивания дискриминационных предположений, сделанных программистами или возникшими в результате предвзятости при анализе данных, используемых для алгоритма³. Так, разработанное в США программное обеспечение COMPAS, основанное на оценке риска противоправного поведения для правонарушителей, подверглось очень жесткой критике со стороны ученых, которые осудили расовые предубеждения и предвзятость разработчиков этого продукта (они серьезно переоценивали или недооценивали риск рецидива правонарушителя в зависимости от цвета его кожи) [7].

---

¹ L'Intelligence artificielle au service de la Justice européenne, mythes, espoirs, réalités et cadre éthique.

² Justice of the future : predictive justice and artificial intelligence [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/newsletter-no-16-august-2018-en-justice-of-the-future/16808d00c8> (дата обращения: 12.12.2021).

³ O'Brien Claire M., Jørgensen Rikke F., Hogan, Benn F. Tech giants: human rights risks and frameworks [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchgate.net/project/Tech-giants-and-human-rights> (дата обращения: 13.12.2021).

В декабре 2018 г. СЕРЕJ была принята Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих реалиях. В ней были определены базовые принципы использования искусственного интеллекта в судебных системах: уважения основополагающих прав (обеспечить разработку и внедрение инструментов и услуг, основанных на искусственном интеллекте, соответствующих основным правам); недискриминации (препятствовать развитию или усилению любой дискриминации между отдельными лицами или группами лиц); качества и безопасности (использование сертифицированных источников и нематериальных данных с применением моделей, разработанных на междисциплинарной основе, в безопасной технологической среде); прозрачности, беспристрастности и достоверности (методы обработки данных должны быть доступными и понятными, с возможностью проведения внешнего аудита); контроля пользователем (пользователь должен выступать в роли информированного лица, ответственного за свой выбор)¹.

В мае 2019 г. Комиссар по правам человека Совета Европы выпустил Рекомендацию «Использование искусственного интеллекта: 10 мер по защите прав человека», в ней содержатся практические рекомендации для национальных органов власти по десяти основным направлениям деятельности в данной сфере: оценка воздействия на права человека; общественные консультации; обязательство государств-членов содействовать осуществлению стандартов в области прав человека в частном праве; информация и прозрачность; независимый надзор; недискриминация и равенство; защита данных и конфиденциальность; свобода выражения мнений, свобода собраний и ассоциаций и право на труд; средства правовой защиты; продвижение грамотности в области искусственного интеллекта².

Для применения технологий на основе искусственного интеллекта в деятельности судов необходима правовая основа. Объединением усилий для создания правовой основы для разработки, проектирования и применения искусственного интеллекта на основе стандартов Совета Европы в области прав

---

¹ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 13.12.2021).

² Unboxing Artificial Intelligence: 10 steps to protect Human Rights [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/unboxing-artificial-intelligence-10-steps-to-protect-human-rights-reco/1680946e64> (дата обращения: 14.12.2021).

человека, демократии и верховенства закона занимается специальный комитет по искусственному интеллекту Совета Европы (САНАИ)¹.

Подводя итоги, следует отметить, что основой для правового регулирования применения как технологий на основе искусственного интеллекта, так и цифровизации правосудия является единый подход, независящий от особенностей национальных правовых систем, поскольку он является необходимым для преодоления вызовов, связанных с быстрым технологическим развитием, и позволяет найти общие практические решения, связанные с цифровизацией правосудия. Идеологической основой регулирования использования цифровых инструментов и высоких технологий в правосудии должен стать антропоцентристский подход, согласно которому центром приложения судебной деятельности является «человек, его права, свободы, интересы и потребности в быстром, удобном и качественном разрешении юридических споров и конфликтов» [8, с. 6.]. Именно такой подход позволит сохранить и гарантировать суть прав человека в условиях современных технологических вызовов.

Список источников

1. Тарасов А.А. К вопросу о судьбе международных стандартов справедливой судебной процедуры в российском уголовном правосудии / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 1 (63). – С. 177–188.
2. Андреева О.И. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени / О.И. Андреева, О.В. Качалова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 36. – С. 5–15.
3. Качалова О.В. Обеспечение прав человека при производстве по уголовным делам в условиях пандемии / О.В. Качалова // Российское правосудие. – 2020. – № 11. – С. 99–104.
4. Марковичева Е.В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство в уголовном процессе: уроки пандемии / Е.В. Марковичева // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 76–81.
5. Качалов В.И. Об использовании видеоконференц-связи в судебном производстве по уголовным делам / В.И. Качалов, О.В. Качалова // Российский судья. – 2017. – № 12. – С. 34–38.

---

¹ САНАИ – Ad hoc Committee on Artificial Intelligence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/cahai> (дата обращения: 14.12.2021).

6. Качалова О.В. Искусственный интеллект в правосудии – светлое будущее с оговорками / О.В. Качалова // Уголовный процесс. – 2020. – № 10. – С. 8.

7. Starr Sonja B. Evidence-Based Sentencing and the Scientific Rationalization of Discrimination / Sonja B. Starr // Stanford Law Review. – 2014. – № 4. – P. 803–872.

8. Качалова О.В. Современная парадигма правосудия: вызовы времени / О.В. Качалова // Российское правосудие. – 2021. – № 7. – С. 5–9.

References

1. Tarasov A.A. On the future of international fair trial standards in Russian criminal justice. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2021, no. 1 (63), pp. 177–188. (In Russian).

2. Andreeva O.I., Kachalova O.V. Russian criminal trial in the era of coronavirus: challenges of time. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2020, no. 36, pp. 5–15. (In Russian).

3. Kachalova O.V. Ensuring human rights in criminal proceedings in the context of a pandemic. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*, 2020, no. 11, pp. 99–104. (In Russian).

4. Markovicheva E.V. Ensuring the right to a fair trial in criminal proceedings: lessons from the pandemic. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 76–81. (In Russian).

5. Kachalov V.I., Kachalova O.V. On the use of video conferencing in criminal case proceedings. *Rossijskij sud'ya = Russian Judge*, 2017, no. 12, pp. 34–38. (In Russian).

6. Kachalova O.V. Artificial intelligence in justice – a bright future with reservations. *Ugolovnyj process = Criminal Process*, 2020, no. 10, p. 8. (In Russian).

7. Starr Sonja B. Evidence-Based Sentencing and the Scientific Rationalization of Discrimination. *Stanford Law Review*, 2014, no. 4, pp. 803–872.

8. Kachalova O.V. The modern paradigm of justice: challenges of the time. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*, 2021, no. 7, pp. 5–9. (In Russian).

Информация об авторе

Качалова Оксана Валентиновна – доктор юридических наук, доцент, руководитель научного направления исследования проблем уголовного судопроизводства Научного центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия.

Information about the Author

Kachalova Oksana Valentinovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the research branch for the study of criminal justice problems of the Research Centre on Problems of Justice, Russian State University of Justice.

Статья поступила в редакцию 17.11.2021; одобрена после рецензирования 21.12.2021; принята к публикации 22.12.2021.

The article was submitted 17.11.2021; approved after reviewing 21.12.2021; accepted for publication 22.12.2021.

Научная статья

УДК 343.121

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.8

Лифанова Марина Владиславовна

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,

lifanova2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6944-8338>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СТАТУСА ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Актуальной задачей Российской Федерации на современном этапе является неуклонная реализация принципов уголовного судопроизводства. В этой связи правовой статус защитника вызывает интерес научного сообщества процессуалистов и обуславливает существование противоречивых мнений по вопросам подхода к определению природы защитника, субъектного состава защитников, круга участников уголовного судопроизводства, которые могут пользоваться услугами защитника. Статья посвящена исследованию категории «защитник» в уголовно-процессуальном законодательстве. Цель: выработать научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, применимые к статусу защитника в уголовном судопроизводстве. Методы: при проведении исследования использовались методы анализа и синтеза, а также сравнительно-правовой, формально-юридический и системно-функциональный. Результаты: одним из спорных вопросов в сфере функционирования института защитника в уголовном судопроизводстве следует признать определение его правового статуса. На основе анализа действующего законодательства и научной литературы обосновывается вывод о необходимости внесения изменений в ч. 1 и 2 ст. 49 УПК РФ.

Ключевые слова: защитник, адвокат, право на защиту, квалифицированная юридическая помощь, дополнительный (субсидиарный) защитник

Для цитирования: Лифанова М.В. Актуальные вопросы статуса защитника в уголовном судопроизводстве современной России / М.В. Лифанова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 116–129. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.8.

Original article

Lifanova Marina Vladislavovna

Bashkir State University, Ufa, Russia, lifanova2009@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6944-8338>

CURRENT ISSUES RELATING TO THE DEFENDER'S STATUS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN MODERN RUSSIA

Abstract. The current challenge for the Russian Federation is the steady implementation of the principles of criminal procedure. In this connection, the defender's legal status arouses the interest of the scientific community of processualists and leads to the existence of conflicting opinions on the question of determining the nature of the defender, the composition of the defense counsel and the number of participants in criminal proceedings, who can use defender's services. The article is devoted to the study of the category of «defender» in the criminal procedure legislation. *Purpose:* to develop scientifically based proposals for the improvement of criminal procedure legislation applicable to the defender's status in criminal proceedings. *Methods:* The study uses analytical and synthesizing techniques as well as comparative legal, formal legal and systemic functional methods. *Results:* the determination of the defender's legal status in criminal proceedings should be recognized as a contentious issue. Based on the analysis of the current legislation and scientific literature, it is concluded that amendments should be made to parts 1 and 2 of Art. 49 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: defender, lawyer, right to defense, qualified legal assistance, additional (subsidiary) defender

For citation: Lifanova M.V. Current issues relating to the defender's status in criminal proceedings in modern Russia. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 116–129. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.8. (In Russian).

Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту в соответствии со ст. 16 УПК РФ является базовым принципом уголовного судопроизводства. Он закреплен не только в национальном законодательстве Российской Федерации, но и в нормах международного права. В соответствии со ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый обвиняемый вправе защищать себя лично или пригласить выбранного им для этой цели защитника. В случаях, когда этого требуют интересы

правосудия или у обвиняемого отсутствуют средства для оплаты, защитник должен быть предоставлен ему государством на безвозмездной основе¹.

В соответствии с нормами международного права получение профессиональной и квалифицированной помощи в уголовном судопроизводстве – неотъемлемое право подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. Оно не может быть ограничено какими-либо условиями или поставлено в зависимость от материального положения субъекта.

Профессиональная защита важна на всех стадиях уголовного судопроизводства. Вопросы о понятии защиты, статусе защитника, его процессуальных правах и возможностях всегда находились под пристальным вниманием российских ученых. Потребность в исследовании разнообразных аспектов профессиональной защиты остается актуальной в настоящее время. В значительной степени это обусловлено необходимостью реализации принципа состязательности и равноправия сторон, а также интересами защиты прав граждан, общества и государства в уголовном судопроизводстве.

Статус защитника в уголовном процессе совершенствуется. В частности, существенно расширены его возможности по сбору доказательств и проведению адвокатского расследования. Все изложенное делает актуальным исследование вопросов определения природы защитника, субъектного состава защитников, круга участников уголовного судопроизводства, которые могут пользоваться услугами защитника.

Право на защиту, являясь конституционным правом, обеспечивается государством, обуславливает качественное правосудие по уголовным делам и предполагает два взаимосвязанных права: осуществлять защиту самостоятельно (лично) и пользоваться услугами профессионального защитника (адвоката).

Как следует из ч. 1 ст. 49 УПК РФ, защитник – лицо, «осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу». Такое определение защитника не соответствует современным реалиям и нуждается в уточнении.

УПК РФ, с одной стороны, не ограничивает круг лиц, которые могут выполнять функцию защитника в уголовном судопроизводстве, с другой стороны, сужает рассматриваемое понятие, указывая только на подозреваемых и обвиняемых и не упоминая, что другим участникам судопроиз-

---

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] // ООН : сайт. URL: [https:// www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml) (дата обращения: 21.01.2022).

водства, чьи права в той или иной степени затрагиваются уголовным преследованием, также необходима защита.

Еще в 2000 г. Конституционный Суд РФ указал: «Поскольку конституционное право на помощь адвоката (защитника) не может быть ограничено федеральным законом, то применительно к его обеспечению понятия "задержанный", "обвиняемый", "предъявление обвинения" должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им УПК РСФСР более узком смысле»¹. В связи с этим правоприменителям было предложено при решении вопроса о праве на защиту исходить не из формального процессуального положения участника судопроизводства, а из его фактического положения. Соответственно, рекомендовалось учитывать, затрагиваются ли уголовным преследованием права и свободы конкретного лица.

Эта позиция поддержана Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». Верховный Суд РФ указал, что право на защиту имеет любое «лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица»².

На основании сказанного предлагаем изложить ч. 1 ст. 49 УПК РФ в следующей редакции: «Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу».

Другой проблемой является степень профессионализма защитника. В связи с этим встает вопрос: может ли быть допущен в качестве защитника субъект, не являющийся профессионалом, то есть не адвокат или вовсе не юрист? В международных актах этот вопрос никак не разрешается, лишь указывается на то, что защитником может быть лицо, выбранное са-

---

¹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П [Электронный ресурс] // Конституционный Суд РФ : сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30320.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

² О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ : сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8439/> (дата обращения: 21.01.2022).

ним подзащитным¹. Акцента на профессионализме защиты или уровне квалификации защитника не делается. В соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ к участию в уголовном деле в качестве защитника может быть допущен не только адвокат, но и «один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый». Таким образом, защитником может быть как профессиональный адвокат, сдавший квалификационный экзамен и подтвердивший свою компетентность, так и вовсе не юрист.

Понятие профессиональной защиты в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует. Однако исходя из понятия «профессионализм» можно заключить, что профессиональная защита предполагает систематическое осуществление указанной деятельности с соблюдением всех стандартов и предъявляемых нормативных и методических требований, включая требования этические, результативность деятельности, а также ее возмездность.

В Российской Федерации единственным профессиональным представителем стороны защиты является адвокат. Профессионализм адвоката гарантируется целым рядом организационных мер, обуславливающих получение этого статуса: требования к стажу претендента на статус адвоката, к отсутствию у него судимости, положительный результат сдачи квалификационного экзамена, в процессе которого проверке подлежат не только знания будущего адвоката, но и его профессиональные навыки и умения, связанные, например, с составлением процессуальных документов, определением тактики и стратегии защиты по уголовному делу.

Профессионализм защиты, осуществляемой адвокатом, обусловлен также возможностью применения к нему мер дисциплинарной ответственности в случаях нарушения законов Российской Федерации, некачественного выполнения своих профессиональных обязанностей.

Таким образом, адвокат, как носитель юридических знаний, способен квалифицированно оказать юридическую помощь. Именно адвокат может грамотно разработать тактику и стратегию защиты, разъяснить подзащитному его процессуальные права и обязанности, профессионально составить необходимые заявления и ходатайства, оказать помощь в выдвижении версий защиты и сборе необходимых доказательств, определить способы и приемы защиты.

Вместе с тем в соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ функцию защитника может выполнять не только адвокат как член профессионального сообщества но и субъект, таковым не являющийся. Непрофессиональный защитник допускается к участию в деле только по ходатайству подозреваем-

---

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах.

мого, обвиняемого, который должен понимать все риски непрофессионального подхода к защите по уголовному делу. Причем при производстве у мирового судьи указанные лица допускаются вместо адвоката, а в остальных случаях – наряду с адвокатом.

В научной литературе по этому поводу вполне обоснованно указывается, что ходатайства о допуске в качестве защитников близких родственников нередко заявляются с целью получения возможности неограниченного количества свиданий [1, с. 231]. Кроме того, абсолютно противоречива и нелогична формулировка «один из близких родственников обвиняемого или иное лицо», поскольку если в качестве защитника, в принципе, может быть допущено любое иное лицо, не совсем понятно отдельное упоминание о близком родственнике.

Как следует из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», при разрешении ходатайства о допуске в качестве защитника лица, не являющегося адвокатом, суду следует помимо согласия будущего защитника проверять отсутствие обстоятельств, исключающих его участие в производстве по уголовному делу, а также учитывать сложность и особенности обвинения и наличие у этого лица возможности эффективно и квалифицированно осуществлять защиту прав обвиняемого.

В этой связи судами оценивается такой критерий, как возможность оказывать юридическую помощь. УПК РФ не предусматривает критериев такой «возможности», поэтому суды ограничиваются проверкой диплома о высшем юридическом образовании (с указанием на квалификацию «юрист») и опыта работы в сфере юриспруденции [2, с. 17]. Нам представляется, что этого абсолютно недостаточно для решения вопроса о возможности и способности оказывать юридическую помощь. Близкий родственник или иное лицо, о допуске которого в качестве защитника ходатайствует обвиняемый, в большинстве случаев не обладает нужным объемом знаний, не имеет необходимых практических навыков и квалификации и, главное, в отличие от адвоката, не несет никакой ответственности за качество оказываемых им юридических услуг. Соответственно, результаты такой защиты могут оказаться весьма невысокими.

Мнения по вопросу о привлечении к участию в уголовном деле дополнительного (субсидиарного) защитника в научной литературе разделились.

Часть авторов настроены весьма категорично и полагают, что следует отказаться от самой возможности допуска в качестве защитников любых иных лиц кроме профессиональных адвокатов [3; 4]. Основными доводами

являются непрофессионализм «иных лиц», отсутствие у них необходимых юридических знаний и опыта их применения в уголовно-правовой сфере, необходимость создания единой стандартизированной сферы оказания квалифицированной юридической помощи, а также невозможность контроля качества оказания юридической помощи и сохранения адвокатской тайны [5, с. 13–14]. При этом нередко ссылаются на зарубежный опыт. К примеру, УПК Республики Армения (ст. 69) разрешает выступать в качестве защитника только адвокату. УПК Кыргызской Республики термин «защитник» не использует вовсе, заменив его на «адвокат» (ст. 49–52). Только адвокатом может быть защитник по УПК Украины.

Эта позиция была положена в основу проекта Федерального закона об оказании квалифицированной юридической помощи в РФ 2008 г., который многие специалисты критиковали за создание «адвокатской монополии» на защиту и представительство в судах.

Принятие такого закона способствовало бы повышению уровня правовой защиты населения, поскольку позволило бы не допустить к осуществлению защиты низкоквалифицированных и недобросовестных юристов, незаинтересованных в результатах защиты, но стремящихся заработать на оказании юридических услуг населению. В конечном итоге это способствовало бы развитию института адвокатуры в Российской Федерации и созданию механизма (системы) оказания профессиональной и квалифицированной юридической помощи населению.

Другие ученые, признавая право обвиняемого пользоваться помощью непрофессионального защитника, указывают на необходимость совершенствования этого института, предлагают, например, составить перечень лиц, которые могут выступать в роли дополнительного (субсидиарного) защитника, или определить критерии, на основе которых суды смогут решать вопрос о его допуске к участию в деле. Предлагается также расширение возможностей дополнительного защитника и законодательное закрепление возможности его участия наряду с адвокатом на стадии предварительного расследования [5; 6; 7].

В соответствии со ст. 48 Конституции РФ «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи». Следовательно, право на защиту в конституционно-правовом смысле предполагает не просто юридическую помощь, а помощь квалифицированную. Это означает, что право обвиняемого на защиту не дает ему возможности выбирать в качестве защитника любое лицо исходя из собственного усмот-

рения и «не предполагает участия в уголовном процессе любого лица в качестве защитника»¹.

Таким образом, непрофессиональный защитник должен быть способен к оказанию квалифицированной юридической помощи. В этой связи в уголовно-процессуальном законе должны быть закреплены конкретные требования к таким лицам, позволяющие достоверно установить такую способность.

Сложность проблемы обусловлена еще и тем, что в действующем законодательстве отсутствует понятие «квалифицированная юридическая помощь». Этот термин вызывает затруднения и у ученых, и у практических работников.

В научной литературе высказывались предложения о принятии Федерального закона «О квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации» [8, с. 8–14]. Проект закона был разработан в 2008 г., но не был принят, а рассматриваемый термин до сих пор нормативно не закреплен. Большинство ученых исходят из личностных характеристик субъекта оказания юридической помощи, абсолютно обоснованно увязывая ее качество со знаниями, навыками, опытом и профессионализмом, а также указывают на дееспособность, отсутствие судимости и отсутствие таких фактов, как прекращение профессионального статуса (адвоката, судьи и т. п.) в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением своих профессиональных обязанностей, нарушением закона и этических норм.

Так, по мнению Т.В. Записной, юридическая помощь будет рассматриваться как квалифицированная, если оказывается лицом, обладающим необходимой компетентностью в этой сфере и несущим ответственность за предпринимаемые действия и решения, а также имеющим на это право [9, с. 20].

К.В. Смирнов обращает внимание на такие аспекты квалифицированной юридической помощи, как обязанность субъекта, ее оказывающего, подтвердить свои знания и навыки, наличие высшего юридического образования и стажа юридической деятельности, ответственность за качество оказываемых услуг, совершенствование адвокатом своих знаний и навыков [10, с. 84–91].

---

¹ По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова : постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2019 № 28-П [Электронный ресурс] // Конституционный Суд РФ : сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision415633.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

По мнению Е.В. Виноградовой и С.А. Виноградовой, вопрос квалификации защитников должен находиться «в сфере государственного контроля, что предполагает необходимость создания единой системы профессиональных стандартов – требований к качеству подготовки специалистов, которые вправе ее оказывать» [11, с. 29].

Мы полагаем, что квалифицированная юридическая помощь должна быть гарантирована государством, соответственно, вопросы качества ее оказания должны находиться под государственным контролем. Она может быть оказана только лицом, имеющим соответствующий уровень образования, профессиональные навыки и опыт работы в уголовно-правовой сфере. Лишь в случае соответствия указанным требованиям субъект имеет возможность и способен качественно осуществлять защиту. Хотя еще раз хочется подчеркнуть, что формальных критериев для достоверной оценки возможностей и способностей субъекта оказывать качественную юридическую помощь недостаточно. К сожалению, бывают случаи, когда лица, имеющие статус адвоката и сдавшие квалификационный экзамен, по тем или иным причинам оказываются неспособными к такой работе.

Мы согласны с тем, что подтверждением наличия у лица знаний в области права служит диплом о высшем юридическом образовании, а также документы, подтверждающие наличие у данного лица опыта работы по юридической специальности либо прохождение им соответствующей стажировки [12, с. 148]. Судебная практика в настоящее время исходит именно из этих критериев. Однако, как мы уже отмечали, этих формальных критериев явно недостаточно для решения вопроса о способности субъекта оказывать квалифицированную помощь и, соответственно, осуществлять квалифицированную защиту по уголовным делам.

Защита по уголовным делам сложна и обладает определенной спецификой, каждое уголовное дело уникально, что требует от защитника не только теоретических знаний, но и практических навыков, а также опыта. Неслучайно адвокаты, прежде чем сдать квалификационный экзамен и получить этот статус, проходят стажировку, а адвокатское сообщество следит за качеством оказываемых услуг.

Таким образом, оказание квалифицированной юридической помощи по уголовным делам возможно только при соблюдении определенных требований, предъявляемых к лицу, эту помощь оказывающему.

Во-первых, защитник должен обладать определенным объемом знаний и навыков. В современных реалиях предъявления диплома о высшем юридическом образовании и документов, подтверждающих стаж работы по юридической специальности, недостаточно для констатации этого факта. Подтвердить свои знания и навыки можно лишь в рамках профессио-

нального квалификационного экзамена. Соответственно, суд, допуская к участию в деле непрофессионального защитника, ориентируясь при этом только на диплом и наличие опыта работы по юридической специальности, не может достоверно знать, способен ли близкий родственник или иное лицо осуществлять в установленном законом порядке защиту прав и интересов обвиняемого.

Во-вторых, несмотря на уникальность защиты по каждому уголовному делу, защитник не может действовать произвольно. В своей работе он должен учитывать Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, который представляет собой алгоритм действий защитника в конкретных ситуациях¹. Стандарт содержит минимальные требования к деятельности адвоката, но не ограничивает его в определении тактики и стратегии защиты, ее целей и задач, а также в выборе конкретных средств и приемов защиты (за исключением тех, которые запрещены действующим законодательством). Непрофессиональные защитники, в отличие от адвокатов, Стандарта придерживаться не обязаны и в большинстве случаев не знают о его существовании.

В-третьих, защитник должен нести ответственность за качество оказываемой юридической помощи, а также за своевременность ее оказания. В уголовном судопроизводстве ошибка защитника может очень дорого обойтись подзащитному. Защитники-неадвокаты к дисциплинарной ответственности даже за грубейшие нарушения привлечены быть не могут.

И наконец, если адвокаты – профессиональные защитники при оказании ими юридической помощи обязаны руководствоваться нормами профессиональной этики, установленными Кодексом профессиональной этики адвоката², то иные лица, допущенные судом в качестве защитников, такой обязанности не несут, а в большинстве случаев и не представляют себе, какими этическими нормами определяется деятельность защитника. Вместе с тем соблюдение этических норм в такой сложной сфере, как уголовное судопроизводство, весьма важно, поскольку именно они обеспечивают справедливость в деле расследования преступлений и вынесения при-

---

¹ Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве : принят 20.04.2017 VIII Всероссийским съездом адвокатов [Электронный ресурс] // Федеральная палата адвокатов РФ : сайт. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings/> (дата обращения: 20.01.2022).

² Кодекс профессиональной этики адвоката : принят 31.01.2003 I Всероссийским съездом адвокатов [Электронный ресурс] // Федеральная палата адвокатов РФ : сайт. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 20.01.2022).

говоров. Нравственная оценка действий защитника переплетается с их законодательной оценкой и обуславливает доверие к защитнику.

Все изложенное, по нашему мнению, позволяет прийти к выводу о необходимости участия в качестве защитников только профессионалов, то есть адвокатов. Это правило позволило бы гарантировать оказание защитником именно квалифицированной юридической помощи. В этой связи предлагаем внести соответствующие изменения в ч. 2 ст. 49 УПК РФ, исключив возможность участия в качестве защитников близких и иных лиц.

В заключение хотелось бы отметить, что конечной целью должно стать создание в Российской Федерации эффективной системы оказания квалифицированной юридической помощи. В современной России система юридических услуг представлена, с одной стороны, адвокатами, являющимися членами профессионального сообщества, прошедшими квалификационный отбор и подчиняющимися нормам корпоративной этики, с другой стороны, юристами, оказывающими юридическую помощь, но не имеющими статуса адвокатов. Их деятельность сложна для правового регулирования и стандартизации. Вместе с тем в соответствии с Конституцией РФ государство обязано обеспечить доступ к юридической помощи всем в ней нуждающимся, в том числе за счет бюджетных средств – гражданам, не способным эту помощь оплатить самостоятельно. Представляется, что при решении этого вопроса целесообразно опираться на профессиональные сообщества юристов.

Список источников

1. Попов А.М. Защитник, кто он: адвокат, юрист, близкий родственник? / А.М. Попов, М.А. Ментюкова // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 3. – С. 228–234.
2. Искевич И.С. Научно-практический аспект правового регулирования института защитника в уголовном процессе / И.С. Искевич, О.В. Моисеева // Право: история и современность. – 2021. – № 1 (14). – С. 16–26.
3. Беляева Е.С. Проблема участия «иногo» лица в качестве защитника в уголовном судопроизводстве / Е.С. Беляева, А.В. Ципелева // Отечественная юриспруденция. – 2020. – № 3 (42). – С. 42–43.
4. Попов В.С. Субъекты уголовно-процессуальной защиты: «адвокаты» и/или «один из близких родственников обвиняемого или иное лицо» / В.С. Попов // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С. 233–238.

5. К вопросу об оценке обоснованности доводов против введения «адвокатской монополии» в Российской Федерации / И.А. Громов, П.М. Добрынин, И.А. Косарев, А.В. Рагулин // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 4 (29). – С. 11–21.

6. Шигуров А.В. Проблемы допуска защитника-непрофессионала к участию в уголовном судопроизводстве / А.В. Шигуров, Е.С. Зимица // Новый университет. Серия: Экономика и право. – 2015. – № 5 (51). – С. 81–83.

7. Артамонова Е.А. А нужен ли на следствии защитник неадвокат? / Е.А. Артамонова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 33. – С. 60–68.

8. Бондарь О.Н. Квалифицированная юридическая помощь – конституционная гарантия судебной защиты прав и свобод человека и гражданина РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / О.Н. Бондарь. – Ростов-на-Дону, 2008. – 30 с.

9. Записная Т.В. К вопросу о содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» / Т.В. Записная. – Новочеркасск : ЮРГТУ (НПИ), 2013. – 22 с.

10. Смирнов К.В. О понятии «квалифицированная юридическая помощь» / К.В. Смирнов // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 16. – С. 84–91.

11. Виноградова Е.В. К вопросу о праве на квалифицированную юридическую помощь / Е.В. Виноградова, С.А. Виноградова // Образование и право. – 2017. – № 7. – С. 25–30.

12. Тутханян Г.А. О некоторых аспектах определения понятия «квалифицированная юридическая помощь» в Российской Федерации / Г.А. Тутханян // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 6. – С. 147–149.

References

1. Popov A.M., Mentyukova M.A. The defender who he is: a counsel, a lawyer, a close relative? *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti = Vestnik of Economic Security*, 2019, no. 3, pp. 228–234. (In Russian).

2. Iskevich I.S., Moiseeva O.V. Scientific and practical aspect of legal regulation of the institute of defense lawyer in the criminal process. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History And Modernity*, 2021, no. 1 (14), pp. 16–26. (In Russian).

3. Belyaeva E.S., Tsipeleva A.V. The problem of participation of «another» person as a defender in criminal proceedings. *Otechestvennaya yurisprudenciya = Domestic Jurisprudence*, 2020, no. 3 (42), pp. 42–43. (In Russian).

4. Popov V.S. The protection from accusation in making a crime: by barrister and person who does not have a status of lawyer. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2013, no. 6, pp. 233–238. (In Russian).

5. Gromov I.A., Dobrynin P.M., Kosarev I.A., Ragulin A.V. To a question of assessment of validity of arguments against introduction «advocate monopoly» in the Russian Federation. *Evrazijskaya advokatura = Eurasian Advocacy*, 2017, no. 4 (29), pp. 11–21. (In Russian).

6. Shigurov A.V., Zimina E.S. Problem-tolerance defender layman to participate in criminal proceedings. *Novyj universitet. Seriya: Ekonomika i pravo = New University. Series: Economics and Law*, 2015, no. 5 (51), pp. 81–83. (In Russian).

7. Artamonova E.A. Is there a need for a non-lawyer advocate in the investigation? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2019, no. 33, pp. 60–68. (In Russian).

8. Bondar O.N. *Kvalificirovannaya yuridicheskaya pomoshch' – konstitucionnaya garantiya sudebnoj zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina RF. Avtoref. Kand. Diss.* [Qualified legal assistance is a constitutional guarantee of judicial protection of the rights and freedoms of a person and a citizen of the Russian Federation. Cand. Diss. Thesis]. Rostov-on-Don, 2008. 30 p.

9. Zapisnaya T.V. *K voprosu o sodержanii ponyatiya «kvalificirovannaya yuridicheskaya pomoshch'»* [To the question of the content of the concept of «qualified legal assistance»]. Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), 2013. 22 p.

10. Smirnov K.V. About the concept of «qualified legal assistance». *Voprosy rossijskoj yusticii = Issues of Russian Justice*, 2021, no. 16, pp. 84–91. (In Russian).

11. Vinogradova E.V., Vinogradova S.A. To the question of the right to qualified legal assistance. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2017, no. 7, pp. 25–30. (In Russian).

12. Tutkhanyan G.A. Some aspects of the definition of «qualified legal assistance» in the Russian Federation. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti = Vestnik of Economic Security*, 2016, no. 6, pp. 147–149. (In Russian).

Информация об авторе

Лифанова Марина Владиславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Information about the Author

Lifanova Marina Vladislavovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования; принята к публикации 01.02.2021.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 31.01.2021; accepted for publication 01.02.2021.

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.9

Тарасов Александр Алексеевич

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, aatar@mail.ru

СТЕРЕОТИПЫ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА НЕКОТОРЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Аннотация. Принадлежность к профессиональному сообществу, представители которого осуществляют уголовно-процессуальную деятельность, неизменно оказывает влияние на процессуальное поведение конкретных участников процесса и принимаемые ими уголовно-процессуальные решения. Автор выявляет и анализирует в этом контексте некоторые стереотипы корпоративного мышления и правосознания должностных лиц, участвующих в производстве по уголовному делу. *Цель:* на примере реализации конкретных уголовно-процессуальных институтов – особого порядка постановления приговора при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, возобновления уголовных дел ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств, проверки сообщений о преступлениях, поддержания государственного обвинения – показать, как корпоративная принадлежность должностных лиц влияет на правоприменительную практику. *Методы:* структурно-системного анализа и синтеза, исторического анализа, конкретно-социологический, метод включенного наблюдения. *Основной вывод* из проведенного исследования: требования уголовно-процессуального закона и юридически значимые обстоятельства уголовных дел как главные объективные факторы, определяющие момент принятия, форму и содержание уголовно-процессуального решения, в реальной практике нередко перестают быть главными, поскольку принимаемые решения в значительной степени определяются принятыми в конкретном государственном органе правилами профессионального поведения.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, государственное обвинение, особый порядок постановления приговора при согласии с предъявленным обвинением, пересмотр уголовных дел ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств, поддержание государственного обвинения, профессиональное правосознание

Для цитирования: Тарасов А.А. Стереотипы корпоративного правосознания в контексте анализа некоторых уголовно-процессуальных институтов / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 130–144. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.9.

Original article

Tarasov Alexander Alekseevich

Bashkir State University, Ufa, Russia, aatar@mail.ru

STEREOTYPES OF CORPORATE LEGAL AWARENESS IN THE CONTEXT OF CRIMINAL PROCEDURE INSTITUTIONS

Abstract. Membership of the professional community whose representatives carry out criminal procedure activities invariably influences the procedural behavior of specific participants in the proceedings and the decisions taken by them in criminal procedure. In this context, the author identifies and analyses certain stereotypes of corporate thinking and legal awareness of officials involved in criminal proceedings. *Purpose:* using the example of the implementation of specific criminal procedure institutions – a special sentencing procedure with the consent of the accused to the charge against him, reviewing criminal cases due to newly discovered or new circumstances, checking reports of crimes, maintaining public prosecution – to show how corporate affiliation of officials affects law enforcement. *Methods:* the author applies structural and system analysis and synthesis, historical analysis, specifically sociological, as well as the method of integrated observation. The main *conclusion* of the study is that the requirements of the criminal procedure law and legally significant circumstances of criminal cases, as the main objective factors determining the moment of adoption, the form and content of the criminal procedure decision, in practice often cease to be the main ones, since the decisions are taken largely on the basis of rules of professional conduct adopted by a particular state body.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, public prosecution, special sentencing procedure with the consent to the charge, review of criminal cases due to newly discovered or new circumstances, maintenance of public prosecution, professional legal awareness

For citation: Tarasov A.A. Stereotypes of corporate legal awareness in the context of criminal procedure institutions. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 130–144. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.9. (In Russian).

Проблема корпоративности и стереотипов корпоративного мышления в профессиональных юридических сообществах, представители которых заняты в уголовном судопроизводстве, не часто является самостоятельным предметом монографических уголовно-процессуальных научных исследований. Вместе с тем отражение в профессиональном правосознании тех или иных процедурных механизмов и влияние этого отражения на юридическую деятельность в том или ином виде присутствует в каждом уголовно-процессуальном научном исследовании, ориентированном на анализ правоприменительной, правозащитной или законотворческой практики. Во всяком случае, корпоративная принадлежность властвующего субъекта, принимающего уголовно-процессуальные решения, как правило, называется в числе факторов, влияющих на содержание этих решений [1, с. 97–98].

Особенности ведомственного профессионального мышления, ориентированного на традиции ведомства, позицию руководства, отчетные показатели, часто не имеющие или почти не имеющие собственно правового обоснования, лучше всего проиллюстрировать и проанализировать на примере применения конкретных уголовно-процессуальных процедурных механизмов.

Предметом особой озабоченности общества в лице разных его институтов (таких как, например, уполномоченный по правам человека на федеральном и региональных уровнях, общественные советы при правоохранительных органах разных уровней и т. п.) с самого начала действия УПК РФ был особый порядок постановления приговора при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ). Обеспокоенность общества и многих исследователей-профессионалов вызывал не столько сам факт наличия особого порядка, ибо разного рода «суммарные», то есть сокращенные и ускоренные, виды производств по уголовным делам есть во всех развитых правовых системах современности, а необходимость дифференциации уголовно-процессуальной формы всерьез никогда не ставилась под сомнение в специальной литературе. Проблемой стал стремительный рост удельного веса уголовных дел, рассматриваемых в особом порядке: сначала почти половина, затем более половины, а к 2019 г., по данным официальной статистической отчетности судов общей юрисдикции, он составил около 70 % всех уголовных дел.

Такая ситуация не могла не вызвать нареканий со стороны разных государственных органов, общественных объединений. Все более настойчиво в профессиональных юридических сообществах стал обсуждаться вопрос о возможных и реальных злоупотреблениях, сопровождающих распространение особого порядка на практике – формально столь удобного процедурного механизма практически для всех профессиональных участ-

ников производства по уголовному делу. Для одних в зачет идет обвинительный приговор по предъявленному обвинению, для других – рассмотренное дело, на которое потрачен минимум времени и усилий, для третьих – нет необходимости «вязнуть» в опровержении обвинения посредством представления доказательств и анализа их в прениях сторон. Закономерно возникли претензии и к нравственной стороне такого почти всеобщего процедурного «благодетельства», не всегда согласующегося с общепризнанными представлениями о справедливости [2, с. 14–15].

Ситуация с распространенностью особого порядка круто поменялась после выступления главы российского государства В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 12 марта 2019 г. Президент России назвал одной из причин ухудшения качества расследования чрезмерное использование особого порядка на практике и подчеркнул и без того, казалось бы, очевидную вещь: при малейшем сомнении в доказанности вины лица, подвергаемого уголовному преследованию, или в понимании им всех последствий применения особого порядка уголовное дело необходимо рассматривать в общем порядке [2, с. 5]. Все названное – требование действовавшего на момент этого выступления уголовно-процессуального закона. Доказанность вины – давнее и никем не опровергаемое условие направления уголовного дела в суд, осознание последствий согласия с обвинением и применения особого порядка – неременное условие удовлетворения ходатайства обвиняемого о применении особого порядка судом. Все обязанности участников описанного процедурного механизма в действующем уголовно-процессуальном законе определены достаточно четко, и внесенные в него за годы его действия изменения в отношении этих процедур нельзя назвать радикальными. Тем не менее без изменения закона ситуация с применением особого порядка в стране меняется практически мгновенно: с 70 % удельный вес применения особого порядка падает до 20 %, а в некоторых регионах даже ниже. Что же произошло? Изменилась структура преступности в стране? Столь радикально изменилось отношение людей, попавших в сферу влияния правоохранительных органов, к этим органам и к содеянному ими самими? Люди стали как-то по-другому относиться к закону и к окружающим? Конечно нет. Просто высшее должностное лицо государства определило свою позицию в отношении особого порядка, связав ее с негативной оценкой качества предварительного расследования.

Таким образом, выявляется одна из особенностей профессионального правосознания представителей государственных органов, занятых в уголовном процессе, – зависимость правовых позиций, лежащих в основе уголовно-процессуальных решений, в большей степени от мнения руково-

дящих должностных лиц, нежели от требований закона и юридически значимых обстоятельств конкретных уголовных дел.

Вопросом о том, возможно ли иное, пока не задаемся, поскольку в рамках настоящей статьи важно выявить и другие подобные стереотипы профессионального корпоративного мышления, правосознания и фактического поведения.

В специальной литературе анализируется и оценивается негативно небезынтересная особенность уголовного процесса в сравнении с другими отраслями правосудия. Возобновление уголовных дел ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств осуществляется по решению прокурора, к которому заинтересованные субъекты вправе обратиться с соответствующим заявлением. Во всех остальных видах судебного процесса заявление о возобновлении дела ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств заинтересованные лица подают непосредственно в суд, который и решает, имеются ли такие обстоятельства и есть ли в связи с этим необходимость в пересмотре уже имеющихся и вступивших в законную силу, а возможно, и уже исполненных судебных решений [3].

Такой порядок возобновления уголовных дел действует с советских времен, и при разработке проектов действующего УПК РФ не было выдвинуто сколько-нибудь заметных предложений по его изменению. Разумеется, прокуратура – это государственный орган надзора за законностью любых видов деятельности, руководствующийся публичными интересами и несущий конституционную обязанность защиты прав и законных интересов всех граждан и организаций. То есть, иными словами, любой обратившийся в прокуратуру с заявлением о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств вправе рассчитывать на объективное и беспристрастное расследование этих обстоятельств, по результатам которого будет принято обоснованное и законное решение. Невозможно найти аргументы, которые могли бы быть противопоставлены этой бесспорной идее, основанной на российской Конституции.

Однако попытка выявить в двух российских регионах (Республике Башкортостан и Самарской области) за последние два года хоть одно уголовное дело, производство по которому было возобновлено ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств, результата не дала: таких дел не было. Означает ли это, что никто не обращался с заявлениями об этом в прокуратуру? Нет. Такие заявления были. Вероятно, все заявления были необоснованными и ни одного вновь открывшегося или нового обстоятельства, влекущего необходимость пересмотра уголовных дел, не было выявлено? Заявлений, в которых указаны такие обстоятельства, действительно, очень мало. Однако и они были. Что же происходило с обоснованными заявлениями о возобновлении уголовных дел, направленными в прокуратуру?

Как выяснилось, в случаях выявления вновь открывшихся или новых обстоятельств вместо принятия решения об их расследовании и повторном направлении дела в суд прокуроры приносили представления в порядке надзора, в которых сами просили о пересмотре дела, о чем и извещали заявителя. Заявителю, по большому счету, все равно, в каком порядке будет пересматриваться дело, главное, чтобы пересмотрели. Остальные участники процесса находятся в аналогичном положении: если надзорное представление будет удовлетворено, а суд надзорной инстанции примет правильное по существу и законное решение, то кажется неважным, в связи с чем это было сделано. Здесь, правда, нельзя не сделать оговорку относительно того, что судебное решение, которое одновременно удовлетворяло бы все затрагиваемые им интересы, – невероятная редкость. Недовольные любым судебным решением, скорее всего, будут в подавляющем большинстве случаев.

С точки зрения общей логики состязательного уголовного процесса, равно как и в связи с буквальным требованием действующего закона, такая «процедурная замена» выглядит не столь уж безупречной. Прокурор, то есть весь институт прокуратуры, представленный конкретными должностными лицами, в уголовном процессе участвует как сторона обвинения, осуществляя уголовное преследование от имени государства в досудебном производстве и поддерживая государственное обвинение в судебном производстве по уголовным делам. В отечественной литературе такой подход получил наиболее серьезное теоретическое и практическое обоснование [4, с. 42–45]. Попытки теоретиков уголовного процесса обосновать некий нейтральный («вне сторон») статус прокурора как органа надзора за законностью либо выделить для него специальную (наряду с функцией обвинения) уголовно-процессуальную функцию надзора за законностью, периодически предпринимаемые в современной науке как минимум в отношении всего досудебного производства [5, с. 12], представляются значительно менее продуктивными. Прокурор осуществляет надзор за законностью органов следствия и дознания с целью обеспечения направления в суд только законных и доказанных обвинений, а после принятия решения о направлении дела в суд прокурор поддерживает государственное обвинение, которое он сам или его коллега по работе утвердил. Объективным он быть обязан, только статуса стороны это его не лишает ни в досудебном, ни тем более в судебном производстве по уголовным делам.

Иными словами, прокуратура может быть связана обвинительными выводами, на которых несколько ее должностных лиц настояли по результатам расследования и при первоначальном судебном разбирательстве уголовного дела. Обстоятельства, которые в настоящий момент стали

вновь открывшимися (например, состоявшийся и вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу о должностных преступлениях следователя, дознавателя или сотрудника органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, или о лжесвидетельстве), могут быть совсем не такими для прокурора на самом деле. Сведения о пытках и фальсификации доказательств могли быть предметом жалоб участников досудебного производства, подаваемых на имя прокурора, но не получить тогда должной прокурорской оценки и реакции. Признать позднее это обстоятельство вновь открывшимся означает для прокурора констатацию собственной некачественной работы – формальных проверок или полного их отсутствия с точным дублированием предыдущих ответов, поручений подготовить ответы тем, на кого жалуются, и т. п. Практический опыт работы автора в качестве адвоката (1994–2007) и советника Уполномоченного по правам человека в Самарской области (2007–2014) дает основания утверждать, что подобная версия не выглядит столь уж фантастической.

Завершая разговор о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, подчеркнем: определение в законе единственно возможного порядка обращения с заявлением о пересмотре к одной из сторон в процессе, мягко говоря, не оптимально. Именно поэтому порядок, предусматривающий обращение заинтересованного заявителя непосредственно в суд в других отраслях правосудия, предпочтителен и для уголовного процесса. Как может выглядеть эта процедура в уголовном процессе – вопрос отдельный, решение его во многих случаях обусловлено необходимостью расследования вновь открывшихся обстоятельств. Именно об этом, по действующему закону, и должен принять решение прокурор по заявлению, если сочтет его обоснованным. Суд, по понятным причинам, решение о расследовании принимать не должен, да и расследовать сам он тоже ничего не должен. Однако такое расследование может состояться по ходатайству прокурора как стороны обвинения, если суд при рассмотрении заявления о пересмотре дела ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств сочтет возможным такое ходатайство удовлетворить.

Возвращаясь к теме корпоративного правосознания, подчеркнем, что вуалирование возобновления производства по уголовному делу под его пересмотр в порядке надзора может быть вполне осознанным, равно как и отказ в удовлетворении заявлений заинтересованных лиц о наличии таких обстоятельств. Статистику отклоненных заявлений по этому поводу отследить, к сожалению, невозможно, но опросы адвокатов и собственный адвокатский опыт автора позволяют утверждать, что они тоже имеют место на практике. В связи со сказанным обозначим еще одну особенность корпоративного правосознания юристов, занятых на государственной службе, свя-

занную с осуществлением уголовно-процессуальной деятельности: зависимость принятия процессуальных решений не только от требований закона и юридически значимых обстоятельств уголовных дел, но и от предыдущих процессуальных решений своего ведомства по конкретным делам.

Названная зависимость может быть обусловлена как сугубо психологической заботой о «чести мундира», так и вполне формализованной ориентацией на показатели ведомственной статистической отчетности. Последний мотив находит свое отражение в реализации представителями разных ведомств многих уголовно-процессуальных институтов.

Возбуждение уголовного дела органами предварительного следствия и дознания только при наличии его «судебной перспективы» с нескрываемым стремлением полностью доказать обвинение еще до того, как оно будет сформулировано в окончательной редакции и предъявлено конкретному лицу. В обозначенном стремлении формально нет ничего предосудительного: государственные органы заботятся о том, чтобы в уголовное судопроизводство не вовлекались люди, которые не имеют никакого отношения к совершенным преступлениям. Однако напомним, что в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 140 УПК РФ точно так же, к слову, как и по действовавшей ранее ст. 108 советского УПК РСФСР 1960 г., основаниями для возбуждения уголовного дела являются «достаточные данные» (пока еще вовсе не обязательно доказательства – законодатель в этой части осмотрителен), указывающие на «признаки преступления» (а вовсе не на наличие состава преступления в чьих-то действиях). Законодатель настойчиво подчеркивает предварительность вывода о наличии преступления на момент возбуждения уголовного дела, определяя задачу этой стадии процесса в открытии процессуальных возможностей для полноценного расследования с использованием всего арсенала процессуальных средств доказывания. Законодатель допускает потенциальную возможность неподтверждения предварительного вывода о наличии преступления и о виновности конкретных лиц по результатам предварительного расследования, на что постоянно обращается внимание в науке как на нечто само собой разумеющееся [6, с. 224].

Повторимся: формально в стремлении возбуждать уголовные дела только при наличии абсолютной уверенности в перспективе обвинительного приговора по проверяемому сообщению о преступлении ничего плохого нет. Однако есть смысл обратить внимание на некоторые практические последствия такого стремления. Во-первых, все случаи прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям рассматриваются в следственных органах как повод для служебной проверки в отношении должностного лица, незаконно, как теперь *post factum* констатируется, возбудившего уго-

ловное дело. Насколько это нормально? Ведь решение о возбуждении уголовного дела принималось в одних информационных условиях, требующих достаточно быстрой реакции государственных органов на сигнал о совершенном преступлении, а решение о прекращении уголовного дела принимается по результатам полноценного предварительного расследования, позволившего в принципиально иных информационных условиях констатировать, что для выдвижения обвинения перед судом нет оснований. Эту ситуацию, строго по закону, нельзя воспринимать как экстраординарную при условии, что следователь или руководитель следственного органа или иное лицо, уполномоченное на возбуждение уголовного дела, не принимало заведомо необоснованного решения о возбуждении уголовного дела, то есть если они не совершали должностных преступлений. «Достаточные данные, указывающие на признаки преступления» (ч. 2 ст. 140 УПК РФ) – это даже не то же самое, что «достаточные доказательства, дающие основания для обвинения» (ч. 1 ст. 171 УПК РФ), не говоря уже об основаниях для направления уголовного дела в суд, а тем более для осуждения.

Имеются и иные, более масштабные проявления профессионально гипертрофированной оценки оснований для возбуждения уголовного дела. Например, попытки настоять на направлении дела в суд с любым обвинением, даже при наличии обстоятельств, его опровергающих, лишь бы не быть обвиненным в необоснованном, то есть незаконном возбуждении уголовного дела. В теории уголовного процесса на подобном же взгляде основано утверждение, будто бы «в досудебных стадиях защитник не является стороной правового спора, а выступает лицом, оказывающим квалифицированную юридическую помощь» [7, с. 15]. То есть до направления дела в суд, если продолжить эту мысль, стороны защиты как бы тоже нет, а обвиняемый и подозреваемый превращаются в объект властной правоприменительной деятельности. Автор приведенной цитаты не считает нужным пояснить, как оказание квалифицированной юридической помощи может вступать в противоречие со статусом стороны в правовом споре.

Другое проявление обозначенного стереотипа назовем известным на практике словосочетанием «обвинение с запасом». Давнее правило о том, что суд вправе в обвинительном приговоре смягчить предъявленное обвинение, признав недоказанными часть эпизодов преступлений или квалифицирующие признаки, или дополнительно вмененные составы преступлений, в практике государственного обвинения всегда достаточно широко использовалось прокуратурой для направления в суд очевидно завышенных обвинений. В этом же направлении работали правила советского и пореформенного российского уголовно-процессуального закона об отказе государственного обвинителя от обвинения в его не подтвержденной судеб-

ным следствием части – от «запаса» в государственном обвинении можно было бы безболезненно отказаться.

Проведенные нами в разные годы действия УПК РСФСР и УПК РФ социологические исследования показали, что с ситуацией очевидного для них «обвинения с запасом» сталкивалось до 96 % опрошенных нами работников прокуратуры, и ни один из них не усмотрел в этом ничего удивительного. Между тем по закону каждое уголовно-процессуальное решение, которое, как известно, принимается только носителем государственно-властных полномочий, должно быть законным, обоснованным и мотивированным (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Прокурор не вправе направлять в суд необоснованное обвинение. В ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства обозначено в числе прочего как защита прав и законных интересов лиц, подвергающихся уголовному преследованию, от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод. Закон не допускает завышения государственного обвинения, чем бы это ни было мотивировано. Здесь напомним о действующей процедуре возобновления уголовных дел ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств: у любого заявителя могут быть основания сомневаться в объективности прокурора, к которому обращаются с заявлением о пересмотре уголовного дела, ибо заведомая необъективность в одном процедурном механизме, как правило, свидетельствует о готовности проявить ее и в других подобных механизмах.

Не менее привычной практикой является возбуждение уголовного дела по рапорту следователя Следственного комитета РФ после поступления постановления прокурора об этом же в соответствии с правилами ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Казалось бы, какая разница, что стало поводом для возбуждения уголовного дела. Однако на фоне постоянных жалоб следователей и их руководителей на запредельную загруженность органов следствия, на недостаточность сроков проверки сообщений о преступлениях и арсенала имеющихся для проверки средств такая практика не выглядит столь уж безобидной. Постановление направлено в следственные органы профессионалами, проводившими проверку в порядке привычной для них надзорной деятельности. На основании результатов проверки эти профессионалы пришли к выводу о наличии признаков преступления, которые по действующему уголовно-процессуальному закону как раз и являются основанием для возбуждения уголовного дела. Практика проверок таких постановлений еще и сотрудниками Следственного комитета имеет двойные негативные последствия: имитируются процессуальные усилия следователей, хотя фактически этих усилий и не требуется, составляются новые документы, в которых нет необходимости, а сотрудники прокуратуры получают возможность некачественной собственной надзорной деятельности (если их выводы все равно

кем-то проверяются и в значительной своей части не принимаются во внимание, то за юридические последствия собственных решений прокурорские работники не отвечают). И так из года в год.

В специальной литературе активно обсуждается вопрос о необходимости возврата прокурору права возбуждать уголовные дела [8, с. 227] как минимум в случаях отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел [9, с. 11, 17]. Самой горячей поддержки заслуживает вывод о принципиальной ошибочности законодательного решения о лишении прокурора полномочия самостоятельно возбуждать уголовные дела [4, с. 91–92]. Будучи уверенным в логичности возврата такого полномочия прокурору, невозможно игнорировать весьма красноречивые результаты социологических опросов самих работников прокуратуры по поводу их субъективного отношения к такому возврату. За почти полтора десятка лет отсутствия полномочия прокурора на возбуждение уголовного дела воспиталось целое поколение прокурорских работников, которые никогда таких решений не принимали и не видят в этом полномочии ничего, кроме дополнительного обременения в работе. Законодательно решая этот вопрос, невозможно и, как полагаем, недопустимо не учитывать этого обстоятельства. На уровне теории уголовного процесса авторы аргументируют высокие идеи об особой роли прокуратуры как главного органа особой обвинительной власти в формировании государственного обвинения, поддерживаемого затем в суде, настаивают на необходимости расширения возможностей такого влияния с самого начала и о праве инициации всего производства по уголовному делу. Однако на уровне индивидуального и группового правосознания работников прокуратуры эти идеи и предложения воспринимаются исключительно как банальное и явно нежелательное усложнение их и без того тяжелой повседневной жизни.

Работники прокуратуры в таких оценках не уникальны. Даже без масштабных социологических исследований имеются основания утверждать, что для многих представителей судебной системы, среди которых, как понимаем, есть не только судьи, но и сотрудники аппаратов судов, суд с участием присяжных заседателей – это тоже очевидное и столь же нежелательное усложнение работы. И никакие разговоры о высоком предназначении народного участия в правосудии, особенно в форме суда присяжных, от кого бы они ни исходили, эту ситуацию переломить не могут, ибо на уровне корпоративного профессионального правосознания проблемы суда присяжных приобретают совершенно иное, сугубо утилитарное преломление.

В адвокатском сообществе суд присяжных воспринимается иначе – как суд, в котором у стороны защиты есть возможность быть услышанной, и как суд, дарящий надежду на оправдание. Однако и среди адвокатов по-

степенно выделяется подгруппа, специализирующаяся на работе в суде присяжных, тогда как для другой их части эта форма судопроизводства так и останется слишком долгой, требующей большего напряжения, более чувствительной к профессиональным ошибкам и более, чем обычный процесс, чреватой обвинениями в адрес самого адвоката как со стороны судей и прокуроров (в некорректном поведении), так и стороны собственных доверителей (в проигрыше из-за непрофессионализма).

Означает ли все сказанное, что законодатель должен идти на поводу ведомственных и корпоративных представлений о должном и объективно необходимом? Отнюдь нет. Корпоративное правосознание, по сути своей, основано как минимум на усиленном отмежевании интересов соответствующей социальной группы от всего остального общества, а как максимум – на противопоставлении тех и других интересов. Задача законодателя в любом государстве – путем максимально широкого вовлечения представителей всех заинтересованных профессиональных сообществ в законотворческий процесс добиться баланса этих групповых интересов и суметь выразить этот баланс в букве закона, добившись его однозначной понятности и исполнимости.

Сформулируем некоторые выводы.

1. Требования закона и установленные юридически значимые обстоятельства уголовных дел не являются ни единственными, ни даже главными детерминантами принимаемых уголовно-процессуальных решений, процессуальных заявлений и иных форм процессуального поведения. Названные объективные детерминанты весьма ощутимо корректируются особенностями корпоративного правосознания лиц, участвующих в производстве по реальным уголовным делам.

2. Среди наиболее заметных стереотипов корпоративного правосознания государственных служащих, занятых в уголовном процессе, можно выделить в первую очередь преимущественную зависимость а) от мнения руководства разного уровня, б) от принятых ранее властных решений по этому же делу и в) от ведомственных отчетных показателей. Названные факторы нередко имеют большее влияние на процессуальное поведение конкретных участников процесса в сравнении с требованиями уголовно-процессуального закона и установленными фактическими обстоятельствами уголовного дела.

3. Отдельные стереотипы профессионального правосознания проявляются в наиболее типичных формах процессуального поведения государственных служащих разных ведомств, получивших на практике не только широкое распространение, но и специфические кодовые названия: «судебная перспектива материала доследственной проверки», «обвинение с запа-

сом», «засилить приговор», «отписать жалобу» и т. п. Большинство из них, хотя и не соответствуют требованиям уголовно-процессуального закона, в реальной жизни являются привычными, легко объясняемыми представителями разных профессиональных сообществ и, как правило, непредосудительными не только внутри конкретных ведомств, но нередко и вне их.

4. Главная задача законодателя – привлечь к законотворческому процессу представителей максимального количества заинтересованных в этом законе профессиональных сообществ, обеспечить воплощение максимально возможного баланса корпоративных профессиональных интересов в букве закона.

Список источников

1. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма: Инфра-М, 2010. – 240 с.

2. Копылов А.В. Нравственные основы осуществления особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Копылов. – Саратов, 2020. – 31 с.

3. Шарипова А.Р. Пересмотр дел по вновь открывшимся и новым обстоятельствам: невыгодные отличия уголовного процесса / А.Р. Шарипова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 39. – С. 105–114.

4. Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе : учебное пособие / В.А. Лазарева. – Москва : Юрайт, 2011. – 296 с.

5. Рябоконеv С.И. Ходатайства и жалобы в реализации принципов состязательности, обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.И. Рябоконеv. – Челябинск, 2020. – 28 с.

6. Володина Л.М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации : монография / Л.М. Володина. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 296 с.

7. Азарёнок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н.В. Азарёнок. – Омск, 2021. – 35 с.

8. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики : учебник для магистратуры / Лазарева В.А. и др. ; под ред. В.А. Лазаревой и А.А. Тарасова. – 3-е изд. перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2016. – 465 с.

9. Филимоненко И.А. Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.А. Филимоненко. – Омск, 2021. – 23 с.

References

1. Lupinskaya P.A. *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice]. 2nd ed. Moscow, Norma: Infra-M Publ., 2010. 240 p.

2. Kopylov A.V. *Nravstvennye osnovy osushchestvleniya osobogo porjadka sudebnogo razbiratel'stva po ugovnym delam. Avtoref. Kand. Diss.* [Moral foundations for the implementation of a special order of trial in criminal cases. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2020. 31 p.

3. Sharipova A.R. Review of cases on newly opened and new circumstances: unfavourable distinctions of the criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2021, no. 39, pp. 105–114. (In Russian).

4. Lazareva V.A. *Prokuror v ugovnom processe* [Prosecutor in criminal procedure]. Moscow, Yurajt Publ., 2011. 296 p.

5. Ryabokonev S.I. *Hodatajstva i zhaloby v realizacii principov sostyazatel'nosti, obespecheniya podozrevaemomu, obvinyaemomu prava na zashchitu v dosudebnom proizvodstve po ugovnym delam. Avtoref. Kand. Diss.* [Petitions and complaints concerning the implementation of the adversarial principle and the right of suspects and accused persons to defense in pre-trial proceedings in criminal cases. Cand. Diss. Thesis]. Chelyabinsk, 2020, pp 28 с.

6. Volodina L.M. *Naznachenie ugovnogo sudoproizvodstva i problemy ego realizacii* [Appointment of criminal proceedings and problems of its implementation]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 296 p.

7. Azarenok N.V. *Koncepciya sovershenstvovaniya rossijskogo ugovnogo processa v ramkah ego istoricheskoy formy. Avtoref. Dokt. Diss.* [The concept of improving the Russian criminal process within its historical form. Doct. Diss. Thesis]. Omsk, 2021. 35 p.

8. Lazareva V.A., Tarasov A.A., Sheifer S.A., Savelyev K.A., Taran A.S., Yunoshev S.V., Ivanov V.V. et al.; Lazareva V.A., Tarasov A.A. (eds.). *Ugovno-processual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Criminal procedure law. Actual problems of theory and practice]. 3rd ed. Moscow, Yurajt Publ., 2016. 465 p.

9. Filimonenko I.A. *Processual'nyj status lichnosti v stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela. Avtoref. Kand. Diss.* [The procedural status of a person at the stage of initiating a criminal case. Cand. Diss. Thesis]. Omsk, 2021. 23 p.

Информация об авторе

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Information about the Author

Tarasov Alexander Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 31.01.2022; accepted for publication 01.02.2022.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2022.1.10

Файзуллина Алина Анисовна

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,
alina23100@mail.ru

ВЫДВИЖЕНИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ВЕРСИЙ О ПРИЧИНЕ ПОЖАРА И ИХ ПРОВЕРКА ПОСРЕДСТВОМ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Выдвижение экспертных версий – важнейший этап экспертной работы в процессе установления причины пожара. Как показывает практика, при экспертном исследовании причины пожара отдельные факты и обстоятельства нередко допускают различное объяснение. Роль версий заключается в том, что благодаря им эксперт реконструирует начальную стадию развития пожара, определяет верное направление своей научной и практической деятельности, которую ему необходимо осуществить для формулирования обоснованных и достоверных выводов о причине возгорания. *Цель:* комплексный анализ проблем, возникающих в процессе выдвижения пожарно-техническим экспертом версий о причине возникновения пожара и оценки полученных результатов. *Методы:* анализа, синтеза, дедукции, индукции, системный, описания, сопоставления, сравнения, а также частнонаучные методы исследования: формально-логический, правового моделирования, сравнительно-правовой, системно-структурный. *Результаты:* обосновываются выводы о необходимости обращать внимание эксперта на выявление обстоятельств технического характера, способствовавших возникновению и развитию горения, обследования места локализации очагов пожара, состояния источника возгорания с целью подтверждения либо опровержения конкретных версий о причине пожара.

Ключевые слова: выдвижение версий, расследование, экспертное исследование, причина пожара, выводы эксперта, экспертное заключение

Для цитирования: Файзуллина А.А. Выдвижение экспертных версий о причине пожара и их проверка посредством проведения экспертного исследования / А.А. Файзуллина // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 145–155. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.10.

Original article

Fayzullina Alina Anisovna

Bashkir State University, Ufa, Russia, alina23100@mail.ru

PROPOSING EXPERT VERSIONS ON THE CAUSE OF A FIRE AND THEIR VERIFICATION THROUGH EXPERT STUDIES

Abstract. Proposing expert versions is the most important stage of expert work in the process of establishing the cause of a fire. As practice shows, in expert studies of the cause of a fire, individual facts and circumstances often admit different explanations. The role of versions is that thanks to them the expert reconstructs the initial stage of fire development, determines the right direction of his scientific and practical activities, which he needs to implement in order to draw reasonable and reliable conclusions about the cause of the fire. *Purpose:* to carry out a comprehensive study of the problems encountered in the process of proposing versions of the cause of the fire and evaluating the results by a fire-technical expert. *Methods:* the author applies analysis, synthesis, deduction, induction, systematic, juxtaposition, comparison as well as specific scientific methods: formal-logical, legal modeling, comparative-legal, system-structural. *Results:* the conclusions are settled on the need to draw the expert's attention to the identification of the technical circumstances that contributed to the formation and development of the fire, the examination of the location of the fire source, the state of the alleged source of ignition in order to confirm or refute specific versions of the cause of the fire.

Keywords: proposing versions, investigation, expert study, cause of a fire, expert conclusions, expert opinion

For citation: Fayzullina A.A. Proposing expert versions on the cause of a fire and their verification through expert studies. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 145–155. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.10. (In Russian).

Сущность экспертной версии как метода познания истины заключается в том, что исследуемому факту дается научное предположительное объяснение, которое в вероятной форме разъясняет исследуемые обстоятельства. Затем из этого вероятного заключения эксперт выводит следствия, подлежащие проверке путем экспертного исследования. Как отмечается в специальной литературе, «из криминалистической версии выводятся все следствия, то есть определяется, какие факты должны быть или каких фактов не должно быть, если версия истинна. Проверка версии и заключа-

ется в установлении наличия или отсутствия этих фактов» [1, с. 474]. Выведенные из версии следствия определяют методы исследования, необходимые для производства экспертизы. После того как определены частные методы экспертного исследования, эксперт приступает к производству экспериментов с последующим сравнением полученных данных с исходными данными. Выполнив свои функции промежуточного звена в цепи познания объективной истины, экспертная версия прекращает свое существование.

Выдвижение версий является обязательной стадией экспертной работы при установлении причины пожара. Пожарно-технический эксперт как субъект выдвижения версий определяет с их помощью направление своей научно-исследовательской работы и конкретные практические действия, которые надлежит совершить для определения механизма возникновения горения. Построение версий требует от пожарно-технического эксперта глубокого логического анализа разрозненных единичных фактов, установленных при осмотре, и умелого рассмотрения этих фактов в их взаимосвязи на основе специальных знаний эксперта. Зная закономерности, свойственные горению предметов, материалов, частей зданий, эксперт исследует признаки, характерные для той или иной причины, и следы горения, образующиеся в результате пожара. Анализируя и синтезируя их, он восстанавливает условия и картину горения, определяет место возникновения пожара и устанавливает его причину.

Полагаем, что процесс выдвижения и проверки версий, формулируемых пожарно-техническим экспертом, складывается из следующих последовательных этапов:

- 1) формирование вероятностных предположений, с научной точки зрения объясняющих свойства и происхождение изучаемых фактов;
- 2) анализ версий и выведение признаков, характерных для данного предположения;
- 3) определение средств и методов с целью установления и исследования признаков;
- 4) проверка выдвигаемых предположений.

Этапы построения экспертных версий тесно взаимосвязаны.

При построении версий эксперт оперирует материалами двоякого рода: конкретными фактическими данными, относящимися к делу, и знаниями определенных научных положений, с которыми эти факты сопоставляются.

Исходным пунктом исследований пожарно-технического эксперта являются данные экспертного осмотра, который реализуется посредством методов наблюдения, описания, производства измерений, вычислений и сопоставления объектов. Наблюдение может быть непосредственным и

опосредованным. Визуальное наблюдение предметов и материалов, изъятых с места пожара, осуществляется с помощью специализированного комплекта научно-технических средств; опосредованное – посредством исследования материалов уголовного дела (протоколов осмотра места пожара, свидетельских показаний, схем, чертежей и др.). Наблюдения проводятся как на месте пожара, так и в лабораторных условиях. Следует заметить, что по делам о криминальных пожарах достаточно распространенной является практика представления эксперту материалов всего уголовного дела, с формулировкой лишь одного вопроса – о причине пожара. В результате эксперту приходится выходить за пределы своей компетенции и заниматься анализом следственных версий, данных, содержащихся в протоколах допроса потерпевших и свидетелей. В этой связи необходимо сослаться со следующим справедливым высказыванием Ф.Г. Аминева: «В постановлении о назначении экспертизы надо указывать не только материалы, направляемые на исследование, но и содержащиеся в них исходные данные, так как отсутствие такой информации нередко приводит к ошибкам, выражающимся в направлении на экспертизу всего уголовного дела без конкретизации данных, исходных для экспертного исследования. Таким образом, эксперт ставится перед необходимостью самостоятельно выбирать из уголовного дела исходные данные для исследования, то есть оценивать доказательства, что недопустимо» [2, с. 12].

На практике у пожарно-технических экспертов зачастую возникают определенные сложности при решении поставленных им вопросов, ввиду того что представляемые для исследования объекты (вещества, материалы) не отвечают требованиям полноты и качества. Так, экспертам часто приходится решать вопрос о причине пожара, связанной с возгоранием материалов от открытого пламени (пламя факела, зажигалки, спички), тлеющих табачных изделий, следы которых могут не сохраниться. Для получения ответа эксперту нужны сведения о предполагаемом источнике зажигания, виде и состоянии первично загоревшегося материала, а также данные об условиях, способствовавших поддержанию и распространению огня (наличие окислителя, первоначальный импульс и пожарная нагрузка). В материалах уголовных дел эти сведения зачастую либо отсутствуют, либо их недостаточно, что вынуждает эксперта начинать исследование путем исключения наиболее вероятных причин возгорания.

«В ряде случаев, на низком уровне составляется протокол осмотра места происшествия. Так, не всегда указывается характер термических повреждений, что не позволяет эффективно и достоверно установить очаг пожара; отсутствует описание места нахождения конкретных объектов обстановки с привязкой, например, к деревянным и строительным конструкциям, что не позволяет сделать правильный вывод о месте расположения

очага пожара; указывается наличие на месте пожара нескольких очагов, но при этом с места пожара не изымаются пробы веществ и материалов, подтверждающих признаки поджога» [3, с. 6].

Поскольку на месте происшествия, связанного с пожаром, наблюдается сложная следовая картина, следует обеспечить возможность привлечения эксперта к его осмотру. Квалифицированный анализ механизма слеодообразования предполагает экспертное исследование не только отдельных изъятых вещественных доказательств, но и всей обстановки места пожара. Выезд эксперта на само место происшествия и непосредственное восприятие им объектов со следами термического воздействия, исследование предметов и веществ при помощи специального комплекта научно-технических средств позволит ему построить наиболее обоснованные версии об обстоятельствах и механизме возгорания и в конечном счете составить объективное заключение о причине пожара.

Факты и признаки, свойственные той или иной причине пожара, выявленные в процессе осмотра и ознакомления с материалами дела, эксперт осмысливает и оценивает. Это позволяет ему выделить из большого количества фактов такие, которые находятся в определенной связи с причиной возникновения пожара. Оценивая эти факты и признаки, эксперт делает переход от известных фактов к еще неизвестным, так как непосредственное восприятие фактов, являющихся следами события, находится в тесной связи с опосредованной логической стороной познания. Таким образом, абстрагируясь от одних фактов, уже воспринятых путем наблюдения и осмысленных, эксперт делает вывод о других ранее неизвестных фактах. Каждый единичный факт, установленный в результате экспертного осмотра, является основанием лишь для вероятного вывода о событии в целом, и только будучи подкрепленным другими фактами, он приобретает большую ценность.

При осмотре и изучении фактического материала, оставшегося после события, задача пожарно-технического эксперта заключается не только в том, чтобы установить признаки определенной причины возникновения пожара, но и в том, чтобы выявить причинную связь этих признаков с исследуемым событием и всеми его обстоятельствами.

Предшествующий индукции анализ каждого признака является первым этапом исследования, позволяет эксперту выделить из всех встречающихся признаков такие, которые связаны с исследуемым событием. Признаки, выделенные в процессе анализа, рассматриваются в их единстве. Для этого эксперт синтезирует признаки с точки зрения того, какие из них относятся к той или иной причине пожара, и устанавливает причинную связь всех признаков между собой и с исследуемым событием. После

того как признаки синтезированы по группам, исследователь исходя из этих признаков имеет возможность предположительно объяснить причину возникновения пожара, то есть построить все возможные по делу версии.

В экспертной практике, как и в следственной, причина события, факта и все другие обстоятельства познаются по имеющимся признакам (следствиям), и логический процесс мышления идет от наличия следствия к наличию основания (причины). После того как построена версия, мыслительный процесс экспертов принимает форму дедуктивного умозаключения, и мысль эксперта движется уже в обратном направлении: от оснований к следствиям (признакам). Это объясняется тем, что далеко не все признаки можно установить при экспертном осмотре. Многие выявляются и устанавливаются лишь при проведении соответствующих экспертных исследований.

Исследование эксперта – диалектическое единство индукции и дедукции, анализа и синтеза. С логической точки зрения это значит, что, используя индуктивно собранный и логически обработанный материал, пожарно-технический эксперт получает возможность дедуктивным путем выявить из предположенной причины свойства, которые хотя и не установлены при осмотре, но присущи определенной причине возникновения пожара.

Выведение следствий из каждой версии принимает форму дедуктивного умозаключения: если А, то есть а, б, с. К примеру, если причиной пожара явилась перегрузка в цепи, следовательно, сечение провода не соответствовало потребляемой мощности, при этом наблюдался запах горелой резины, нагрев электроустановок, падение напряжения и т. д. Часть признаков, подтверждающих ту или иную причину пожара, могут быть обнаружены при помощи следственных действий и экспертного осмотра. Не обнаруженные же факты устанавливаются путем проведения соответствующего экспертного исследования либо путем применения к конкретному случаю отдельных научных положений.

Выведенные из предположенной причины следствия (признаки) указывают на факты, которые должны быть выяснены, и определяют содержание и методы экспертного исследования.

При установлении причины пожара от самовозгорания веществ эксперт должен провести исследования и установить:

- 1) могли ли данные вещества самовозгореться;
- 2) имелись ли на месте пожара самовозгорающиеся вещества;
- 3) могли ли данные вещества самовозгореться при определенных условиях (например, были ли созданы условия для аккумуляции тепла, попадания влаги, смешивания одного вещества с другим);

4) имел ли место факт самовозгорания веществ в данной организации накануне пожара (об этом свидетельствует появление продуктов термического разложения, специфического запаха, дыма, повышение температуры в массе самовозгорающегося вещества и др.).

Методами и средствами экспертного исследования являются лабораторные исследования, анализы, эксперименты в лаборатории и на месте происшествия и т. п.

Проверка выдвинутых следственных версий проводится чаще всего при помощи экспериментального метода исследования. В этом случае для эксперта открывается возможность исследовать явления в строго измеримых и контролируемых условиях и достоверно определить характер, сущность и свойства исследуемого вещества или предмета.

После проведения исследований эксперт анализирует их результаты и оценивает версии. Оценивая экспертные исследования для опровержения или подтверждения версий, пожарно-технический эксперт в первую очередь устанавливает наличие или отсутствие признаков, соответствующих или не соответствующих предполагаемым причинам возникновения пожара. Если результаты экспертного исследования не установили наличия признаков, характерных для предполагаемой причины пожара, значит, эта версия несостоятельная. Для признания версии несостоятельной требуется, чтобы итоги ее изучения противоречили ожидаемым результатам.

При установлении причины пожара эксперт пользуется методом исключения. Сущность этого метода состоит в том, что эксперт выдвигает все возможные для данного случая причины пожара, исследует их, опровергает все несостоятельные версии, а оставшуюся версию научно доказывает фактическими данными. Следует уточнить, что метод исключения представляет собой рабочий метод исследования, а не логическое умозаключение. На наш взгляд, ошибочно понимать под методом исключения умозаключение, с помощью которого достоверность одной версии доказывается косвенно путем отрицания всех других версий. Такие умозаключения не должны иметь места в практике работы пожарно-технических экспертов. Умозаключение о технической причине пожара должно быть сформулировано экспертом только по результатам последовательного анализа вероятных механизмов возникновения горения путем сопоставления с имеющимися фактическими данными.

Следует отметить, что эксперт не всегда имеет возможность установить весь комплекс частных признаков, характерных для той или иной причины возникновения пожара. В таких случаях установление нескольких частных признаков может служить подтверждением достоверности версии.

Если же эксперт установил различие в нескольких существенных частных признаках, то нет необходимости анализировать и оценивать все остальные частные признаки. Только благодаря установлению наличия признаков, присущих конкретной причине возникновения горения, подтверждается единственная версия, которая приобретает прямое обоснование.

При построении экспертных версий не следует, однако, ограничиваться только индуктивным способом, основанным на логическом переходе от выявленных экспертом фактических данных к объясняющим эти факты версиям, дающим основание судить о вероятных причинах их возникновения.

В практике расследования криминальных пожаров зачастую возникают проблемные ситуации, характеризующиеся дефицитом исходной информации о характере произошедшего события, в том числе недостаточностью фактических данных, необходимых не только для выдвижения обоснованных версий о причине возникновения пожара, но и для проверки посредством выведения из них логических следствий. Для разрешения подобных ситуаций рекомендуется использовать дедуктивный способ построения версий о причине пожара. На основе обобщения опыта расследования причин пожаров экспертом выдвигаются типовые версии о вероятной причине пожара.

В зависимости от характера возможных причин возникновения горения представляется необходимым выдвинуть следующие общие типичные версии: совершен умышленный поджог чужого имущества; пожар произошел в результате неосторожного обращения с огнем; имело место нарушение правил пожарной безопасности; пожар явился следствием неблагоприятной техногенной ситуации или природных явлений; горение возникло из-за самовозгорания веществ и материалов.

Доказывание перечисленных версий осуществляется путем обнаружения признаков, подтверждающих конкретную причину возникновения пожара. Они могут быть подтверждены или опровергнуты по различным основаниям: состоянию источника возгорания; расположению очага (очагов) пожара; характеру материальной обстановки, сложившейся на момент возникновения пожара; времени начала горения и др. Необходимым условием превращения вероятного предположения в достоверное знание является построение экспертом последовательной, взаимосвязанной и взаимообусловленной цепи умозаключений, подтверждающих истинность выдвинутой версии.

Существуют определенные требования к формулировке выводов пожарно-технического эксперта, соблюдение которых необходимо, чтобы его заключение приобрело доказательственное значение: «выводы, сформулированные в заключительной части, должны быть прямым следствием син-

тезирующей части исследования, свидетельствовать о достоверности, логической обоснованности, отражать полноту и объективность проведенного исследования» [4, с. 445].

Чтобы показать ход мыслительного процесса построения и проверки версий, их обоснования фактическими данными, рассмотрим следующую фабулу.

В жилом доме, где произошло возгорание, были обнаружены трупы гр. Б. и В. с признаками насильственной смерти. По факту обнаружения трупов было возбуждено уголовное дело по признакам составов преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 105 и ч. 2 ст. 167 УК РФ. При осмотре места происшествия были выявлены и изъяты части обгоревшей бумаги, металлический прут и нож с пятнами бурого цвета. В соответствии с заключением судебно-медицинской экспертизы трупов причиной смерти Б. и В. явилась закрытая черепно-мозговая травма. Судебно-химическое исследование образцов крови потерпевших показало, что прочного соединения гемоглобина с окисью углерода, образующегося при отравлении угарным газом, не обнаружено. Это свидетельствовало о том, что воздействие пламени причинено после наступления смерти потерпевших.

В процессе исследования представленных материалов уголовного дела пожарно-технический эксперт сформулировал две основные версии о причине пожара. Принимая во внимание локализацию мест максимального термического воздействия, причинами возгорания могли послужить источник зажигания малой мощности либо занесение извне источника открытого огня в виде пламени спички, зажигалки и т. п. По итогам анализа данных версий эксперт пришел к выводу о том, что непосредственной причиной пожара в жилом доме стало занесение источника открытого огня снаружи на сгораемые материалы в три пространственно не связанных очага пожара: в гостиной, в спальне и в коридоре, с созданием большой пожарной нагрузки. При этом эксперт не исключил возможности использования преступником интенсификатора горения в виде разлитой легкогорючей жидкости. В результате проведения комплекса следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий была доказана причастность гр. А. к совершению этих преступных деяний. Органами следствия было установлено, что гр. А., находясь в жилом доме Б. и В., по причине завязавшейся между ними ссоры на почве личных неприязненных отношений нанес им множественные ножевые ранения, а также удары металлическим прутком в область головы, что явилось причиной их смерти. После чего, имея умысел на сокрытие убийства, злоумышленник облил бензином на-

ходящийся в доме горючий материал и поджег его¹. Данный пример наглядно показывает, что экспертная версия – это средство восхождения эксперта к такому знанию, которое всесторонне выражает существенные связи и сущность исследуемого объекта.

Таким образом, в процессе исследования эксперт устанавливает совокупность частных признаков, оценивает эти признаки качественно и количественно, мысленно сравнивает их с той совокупностью признаков, которые должны наблюдаться при возникновении пожара от определенной причины. Наряду с установлением совпадения сравниваемых признаков эксперт устанавливает и отсутствие в сравниваемых совокупностях признаков существенных различий. Если такие различия имеются, то необходимо их правильно оценить и объяснить. Совпадение сравниваемых частных признаков с совокупностью признаков, характерных для одной из предполагаемых причин возникновения пожара, и отличие этой совокупности от признаков, свойственных всем другим возможным причинам пожара, является достаточным основанием для вывода о причине возгорания.

Список источников

1. Криминалистика : учебник для вузов / Аверьянова Т.В. и др. ; под ред. Р.С. Белкина. – Москва : Норма, 2000. – 990 с.
2. Аминев Ф.Г. Судебная экспертиза : курс лекций / Ф.Г. Аминев. – Уфа : УЮИ МВД РФ, 2008. – 131 с.
3. Бруевич М.Ю. Расследование умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога : учебное пособие / М.Ю. Бруевич, Е.Е. Горшкова, В.В. Дехтерева ; под общ. ред. Б.В. Гавкалюка. – Санкт-Петербург : С.-Петербург. ун-т ГПС МЧС России, 2020. – 192 с.
4. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т.В. Аверьянова. – Москва : Норма, 2008. – 480 с.

References

1. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R.; Belkin R.S. (ed.). *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow, Norma Publ., 2000. 990 p.
2. Aminev F.G. *Sudebnaya ekspertiza* [Forensic examination]. Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2008. 131 p.

---

¹ Архив Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Уголовное дело № 76293211/2019.

3. Bruevich M.Yu., Gorshkova E.E., Dekhterev V.V.; Gavkalyuk B.V. (ed.). *Rassledovanie umyshlennogo unichtozheniya ili povrezhdeniya chuzhogo imushchestva, sovershennogo putem podzhoga* [Investigation of intentional destruction or damage to someone else's property committed by arson]. Saint-Petersburg University of state fire service of emercom of Russia, 2020. 192 p.

4. Averyanova T.V. *Sudebnaya ekspertiza. Kurs obshchej teorii* [Forensic examination. General theory course]. Moscow, Norma Publ., 2008. 480 p.

Информация об авторе

Файзуллина Алина Анисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета.

Information about the Author

Fayzullina Alina Anisovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 13.10.2021; одобрена после рецензирования 16.01.2022; принята к публикации 17.01.2022.

The article was submitted 13.10.2021; approved after reviewing 16.01.2022; accepted for publication 17.01.2022.

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.11

Шарипова Алия Рашитовна

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,

nord-wind23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3254-5577>

ИЗОЛИРОВАННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ПРЕПЯТСТВИЕ НА ПУТИ КОНВЕРГЕНЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. Актуальность выработки единых подходов к реформированию процессуального законодательства обоснована его усугубляющейся бессистемностью и хаотичностью вносимых изменений. *Цель:* анализ текущей законотворческой работы по реформированию уголовно-процессуального и иного законодательства, ее влияния на качество уголовного судопроизводства и перспективы его конвергенции с другими видами судебного процесса. *Методы:* определяющим методом исследования выступил метод сравнительного правоведения. Кроме того, применены общие и специальные методы (анализа и синтеза, логический, специально-юридический). *Результаты:* исследование позволило выявить несогласованность между собой внесенных и планируемых изменений в отраслевое процессуальное законодательство. Развитие цифровых технологий способствовало распространению использования в суде веб-конференций и возможностей портала «Госуслуги» в арбитражном, гражданском и административном судопроизводстве, но не в уголовном. Рассматриваемые в Государственной Думе РФ законопроекты об изменении порядка обжалования отводов в уголовном судопроизводстве, об исключении постановлений об административных правонарушениях из числа актов, имеющих преюдициальное значение в уголовном процессе, не учитывают состояние соответствующих универсальных институтов в других видах правосудия.

Ключевые слова: уголовный процесс, арбитражный процесс, гражданский процесс, административный процесс, конвергенция, законотворчество, законопроект

Для цитирования: Шарипова А.Р. Изолированное законодательное реформирование уголовного судопроизводства как препятствие на пути конвергенции процессуального права / А.Р. Шарипова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 156–165. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.11.

Original article

Sharipova Aliya Rashitovna

Bashkir State University, Ufa, Russia, nord-wind23@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3254-5577>

ISOLATED LEGISLATIVE REFORMS OF CRIMINAL PROCEDURE AS AN OBSTACLE TO THE CONVERGENCE OF PROCEDURAL LAW

Abstract. The urgency of developing unified approaches to the reform of procedural legislation is justified by its aggravated lack of system and chaotic nature of the changes introduced. *Purpose:* to analyze the current legislative work on the reform of criminal procedure and other legislation and its impact on the quality of criminal proceedings and the prospects for its convergence with other types of judicial process. *Methods:* the method of comparative law is the determining method of the research. In addition, general and special methods are applied (analysis and synthesis, logical, special-legal). *Results:* the study reveals the lack of consistency between the changes made and those planned in the sectoral procedural legislation. The development of digital technologies contributed to the spread of the use of web conferences in court and capabilities of Portal of Government Services in arbitration, civil and administrative proceedings, but not in criminal ones. The bills under consideration in the State Duma of the Russian Federation to modify the procedure for appealing challenges in criminal proceedings and to exclude decisions on administrative offences from the list of acts of prejudicial significance in criminal proceedings, do not take into account the state of the relevant universal institutions in other forms of justice.

Keywords: criminal process, arbitration process, civil process, administrative process, convergence, lawmaking, bill

For citation: Sharipova A.R. Isolated legislative reforms of criminal procedure as an obstacle to the convergence of procedural law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 156–165. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.11. (In Russian).

Бессистемность реформирования законодательства в последние годы является предметом критики на разных уровнях. Ни уголовно-процессуальная политика, ни процессуальная политика в целом, ни судебнопроцессуальная политика не имеют четко обозначенных целей и ориентиров, относительно которых возможно было бы выстраивать их компоненты. Самый высокий уровень обобщения вносимых в законы изменений ограничивается «кампаниями» по борьбе с одними явлениями или в поддержку других. Не учитываются межотраслевые связи, особенно такие неочевидные, как взаимодействие и взаимовлияние уголовно-процессуального, арбитражного процессуального, гражданского процессуального и административного процессуального права. Это можно обнаружить при анализе текущей законотворческой работы.

Традиционно начало нового календарного года сопровождается вступлением в силу законодательных изменений, принятых в последних числах года ушедшего. Так, Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» дополнил УПК РФ статьей 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи». Новая норма наконец разрешила проводить перечисленные следственные действия удаленно, однако только с использованием «систем видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование», а следовательно, «при наличии технической возможности», которая есть далеко не всегда. Тем не менее движение уголовного процесса навстречу прогрессу можно приветствовать, хотя неожиданно выглядит единичное использование иного (правильного) варианта написания слова «видео-конференц-связь», которое и в УПК РФ, за исключением упомянутой новой статьи, и в других нормативных актах фигурирует как «видеоконференц-связь».

Можно предположить, что вынужденный перевод многих процессов на удаленный вариант исполнения в период пандемии обеспечил подобный «прорыв» в уголовно-процессуальном законодательстве, не позволив отложить его на десятилетие.

Однако в это же время три остальных вида судопроизводства сделали следующие шаги вперед в плане цифровизации. Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ внесены следующие изменения в АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ. Во-первых, разрешается участие в заседании с использованием не только видео-конференц-связи (для которого участнику необходимо явиться в какой-то суд, где установлено оборудование), но и веб-конференции (для которого не нужно никуда являться, достаточно иметь доступ в Интернет). Двухлетний опыт вынужденного проведения судебных заседаний в таком формате в период ограничительных мер позволил

выработать соответствующую нормативную основу, в том числе в наиболее «тонком» моменте установления личности «удаленного» участника дела. Его предлагается осуществлять с помощью единой системы идентификации и аутентификации (той, что используется на портале «Госуслуги») и единой биометрической системы (определяющей человека по лицу и голосу). Возможность использования веб-конференций в уголовном процессе, их достоинства и недостатки, зарубежный опыт сейчас активно обсуждаются в научной литературе [1].

Во-вторых, судебные извещения и судебные акты разрешается направлять, с согласия участника процесса, через систему «Госуслуги».

Достоинства двух групп этих изменений очевидны: удобство для пользователей, увеличение скорости правосудия, повышение его прозрачности и доступности. Разумеется, есть и опасения, традиционные для всего, что связано с использованием Интернета: повышенная вероятность утечки информации, в том числе для неправомерного ее использования.

Конечно, возможное применение веб-конференции или «Госуслуг» в уголовном процессе имеет свою специфику. Нельзя просто скопировать принятые нормы в УПК: свидетеля опасно допрашивать через веб-конференцию, если не исключить возможность воздействия на его сознание и волю каких-то лиц, поведение которых суд контролировать не сможет. И направлять процессуальную информацию обвиняемому, заключенному под стражу, через портал «Госуслуги» пока бессмысленно, ведь у него нет доступа в Интернет.

Но к настоящему времени нет даже законопроектов о внесении хотя бы части подобных изменений в УПК, они даже не разрабатываются. В уголовном процессе процветает другая тенденция: правосудие становится дальше, а не ближе. Так, например, в связи с перегруженностью СИЗО Москвы и Московской области большое количество подследственных направляются для содержания под стражей в другие регионы России, в том числе удаленные на тысячи километров. По сложившейся практике на допросы их этапируют к месту производства предварительного расследования, а вот обеспечение возможности свиданий с защитником наедине и конфиденциально, без ограничения числа и продолжительности, по выражению следователя, «проблемы защитника». Конечно, определение места содержания под стражей – вопрос, не определенный УПК РФ, формально он не процессуальный и решаться может с учетом непроцессуальных факторов, однако реализация процессуального права на защиту зависит от него напрямую. Немногие обвиняемые могут оплачивать расходы своего защитника на проезд в другой регион страны, к тому же на постоянной основе; избрание защитника в месте содержания под стражей, в свою очередь, организационно

недоступно обвиняемому и к тому же неэффективно, поскольку такой адвокат будет территориально удален от следователя и материалов дела. Наконец, и заключение соглашения с двумя защитниками тоже обременительно для обвиняемого и его семьи. При необходимости соблюдения процессуальных требований органы уголовного преследования, конечно, обеспечат обвиняемому адвоката за счет государства, но (будем честны) какое это имеет отношение к настоящей защите?

Если предположить, что проблема с определением места содержания под стражей, отдаленного от места производства предварительного расследования, неизбежна, то развитое использование дистанционных способов коммуникации, в том числе веб-конференций или других, могло бы быть полезным. Упомянутая новая ст. 189.1 УПК РФ как раз позволяет стороне обвинения проводить удаленные допросы заключенного под стражу обвиняемого, но ничего не позволяет его защитнику.

Можно резюмировать, что в части тренда цифровизации процессуального права уголовное судопроизводство показывает отставание, негативно влияющее не только на его репутацию, но и на реализацию конкретных прав граждан при его осуществлении.

Еще одно изменение УПК РФ, внесенное Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 426-ФЗ, носит дивергентный характер, усугубляющий различия между уголовным процессом и остальными видами судебного процесса. Согласно новой редакции ст. 30 УПК РФ кассационный пересмотр окончательных судебных актов по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести осуществляется судьей единолично, а не коллегией из трех судей. Первоначальный текст законопроекта и пояснительная записка к нему касались только дополнения перечня промежуточных судебных актов, пересмотр которых осуществляется судом единолично, однако между процедурами первого и второго чтения были приняты поправки, внесенные Верховным Судом РФ, изменившие идею нормативного акта¹. Разумеется, с точки зрения экономии ресурсов единоличное рассмотрение любых дел выгоднее коллегиального. Но доля дел о преступлениях небольшой и средней тяжести в 2020 г., например, составила 68 %², а значит, по $\frac{2}{3}$ уголовных дел ни в одной доступной заявителям инстанции не будут заседать трое судей, со всеми преимуществами коллегиального

---

¹ Государственная Дума РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145538-7> (дата обращения: 12.01.2022).

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 г. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 12.01.2022).

рассмотрения дел. С учетом того, что согласно действующей редакции УК РФ к преступлениям средней тяжести относятся неосторожные деяния, максимальное наказание по которым не превышает десяти лет лишения свободы, это весьма серьезный вопрос для того, чтобы применять к нему такую же радикальную экономию, как к промежуточным судебным решениям. Остается только надеяться, что по подобию УПК РФ не будет реформирована в «единоличную» кассация в других видах судопроизводства.

Следующий законопроект, который пока находится на стадии рассмотрения, касается института отвода суда. Полагаем, что данный институт является универсальным для всех процессуальных отраслей права и не может иметь каких-то существенных особенностей в каком-то из видов судопроизводства. Относительно недавно в ст. 25 АПК РФ были внесены изменения, согласно которым заявление об отводе судьи должно рассматриваться им самим¹. Тем самым порядок разрешения отводов в четырех видах судопроизводства стал универсальным, хотя и с отказом от «более высокого уровня гарантий»².

В настоящее время в Совете Государственной Думы РФ рассматривается проект, согласно которому в УПК РФ вносятся изменения, позволяющие обжаловать отказ в удовлетворении заявления об отводе (судьи или другого участника судопроизводства) отдельно от окончательного судебного акта по делу. Не касаясь оценки содержания этого предложения, выскажем лишь недоумение по поводу того, что такое изменение предлагается изолированно в один из четырех процессуальных кодексов, предусматривающих универсальный институт отводов. Что произойдет в случае принятия такого проекта? Сколько лиц обратится с жалобами в Конституционный Суд РФ на то, что другие процессуальные законы не дали им возможность обжаловать отказ в отводе судьи сам по себе? Интересно и то, что в заключении Правового управления Государственной Думы РФ на этот проект указано лишь на некоторые технические его неточности, но нет принципиальных возражений, связанных с разрушением системности права.

Это, к сожалению, показательный пример несогласованной законотворческой работы, сам механизм которой, не предусматривающий «межпроцессуального» согласования проектов, подкладывает «бомбы» под любые новеллы, независимо от их качества и востребованности.

---

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. I), ст. 7523.

² Так в Определении Конституционного Суда РФ от 05.03.2014 № 550-О был охарактеризован порядок рассмотрения отводов, предусмотренный в АПК РФ.

Неожиданные для законодателя и не предусмотренные им межотраслевые взаимодействия, как правило, носят негативный характер. Но один из свежих и перспективных законопроектов может, по нашим оценкам, сыграть и позитивную роль, которая разработчиками не анонсирована. Так, проект изменений в ст. 52 АПК РФ и ст. 45 ГПК РФ относительно расширения прав прокурора в гражданском и арбитражном процессах, в случае его одобрения, может повлиять на практику принятия решений, имеющих впоследствии преюдициальное значение в уголовном процессе. Проект предусматривает право прокурора вступить в дело «в случае выявления обстоятельств, свидетельствующих о том, что являющийся предметом судебного разбирательства спор инициирован в целях уклонения от исполнения обязанностей и процедур, предусмотренных законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, законодательством о налогах и сборах, валютным законодательством, правом Евразийского экономического союза и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании, и (или) возник из мнимой или притворной сделки, совершенной в целях уклонения от исполнения обязанностей и процедур, предусмотренных законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, законодательством о налогах и сборах, валютным законодательством, правом Евразийского экономического союза и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании»¹.

Получив право участвовать в таких делах, прокурор сможет и предотвратить принятие неправосудного акта, и обжаловать судебные решения, при этом не посягая на законную силу состоявшихся и неотмененных судебных актов в целом. Возможно, в этом кроется разрешение достаточно сложной ситуации, которая связана с применением межотраслевой преюдиции в уголовном процессе. В настоящее время уголовно-процессуальная наука и практика склонны рассматривать ее как препятствие на пути законного уголовного преследования. Высказываются как крайне негативные ее оценки, доходящие до аргументации необходимости полного от нее отказа [2], так и предложения о создании механизмов ее преодоления [3, с. 47]. Полагаем категорически противоречащим принципу *res judicata* как отказ от межотраслевой преюдиции в уголовном процессе, так и любые попытки пересмотров состоявшихся решений на том лишь основании, что они «мешают» уголовному преследованию. Считаем, что существующий в цивилистическом процессе порядок обжалования решений достаточен для

---

¹ Государственная Дума РФ : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1192314-7> (дата обращения: 12.01.2022).

преодоления их преюдициальной силы. При этом возможное расширение участия прокурора в гражданских и арбитражных делах, решения по которым в дальнейшем могут иметь преюдициальное значение, обеспечит им необходимый уровень авторитета для признания в уголовном процессе.

Однако это, разумеется, единичный частный случай, в котором важно и то, что в пояснительной записке к законопроекту ничего не сказано ни о законности решений, имеющих в дальнейшем преюдициальное значение в уголовном процессе, ни о какой-либо связи изменений с уголовным судопроизводством вообще. Попутно также заметим, что законопроект касается только арбитражного и гражданского судопроизводства и игнорирует административное, хотя и необходимость их унификации в рассматриваемой части, и наличие в КАС РФ отдельных прогрессивных положений об участии прокурора в науке обсуждаются активно [4; 5].

С проблемой преюдиции в уголовном процессе связан еще один законопроект, имеющий все тот же системный дефект отсутствия учета влияния его принятия на состояние универсальных процессуальных институтов. Он подразумевает исключение из числа судебных актов, имеющих преюдициальное значение, постановлений суда об административных правонарушениях¹. Необходимость его принятия разработчики аргументировали тем, что за совершение преступлений, составы которых подразумевают административную преюдицию, привлекаются к ответственности лица, в отношении которых были вынесены указанные постановления. Но эти постановления зачастую выносятся с нарушением процессуальных гарантий, а преодолеть их преюдициальную силу затруднительно. Вновь воздерживаясь от оценки по существу предложения по изменению уголовно-процессуального законодательства, нам остается недоумевать, почему оно никак не затрагивает все остальные процессуальные кодексы. Статьей 69 АПК РФ тоже предусмотрено освобождение от доказывания обстоятельств, установленных решением суда по другому делу, а ст. 61 ГПК РФ и ст. 64 КАС РФ среди признаваемых судебных актов прямо названы постановления по делам об административных правонарушениях, однако никаких изменений для них не предполагается.

Считаем, что изменение подходов к законотворческому процессу могло бы существенно способствовать межотраслевой процессуальной конвергенции. Для этого необходимо в каждом случае внесения изменений в один из процессуальных кодексов рассматривать вопрос о необходимо-

---

¹ Государственная Дума РФ : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/791911-7> (дата обращения: 12.01.2022).

сти таких же (аналогичных или иным образом связанных) изменений во всех остальных процессуальных кодексах.

Список источников

1. Юркевич М.А. Применение судом видеотехнологий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.А. Юркевич. – Москва, 2021. – 259 с.
2. Щерба С.П. Преюдиция в уголовном процессе России и зарубежных стран / С.П. Щерба, И.В. Чащина. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 182 с.
3. Азаров В.А. Внутреннее убеждение при оценке в уголовном процессе преюдициального значения решений, принятых в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве / В.А. Азаров, Д.М. Нурбаев. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 206 с.
4. Казарина Т.Н. Прокурор как субъект цивилистических процессуальных правоотношений в контексте унификации процессуального законодательства Российской Федерации. Часть 1 / Т.Н. Казарина // Российский судья. – 2021. – № 2. – С. 3–6.
5. Казарина Т.Н. Прокурор как субъект цивилистических процессуальных правоотношений в контексте унификации процессуального законодательства Российской Федерации. Часть 2 / Т.Н. Казарина // Российский судья. – 2021. – № 3. – С. 6–10.

References

1. Yurkevich M.A. *Primenenie sudom videotekhnologij. Kand. Diss.* [Application of video technologies by the court. Cand. Diss.]. Moscow, 2021. 259 p.
2. Shcherba S.P., Chashchina I.V. *Preyudiciya v ugovnom processe Rossii i zarubezhnyh stran* [Prejudice in the criminal process of Russia and foreign countries]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 182 p.
3. Azarov V.A., Nurbaev D.M. *Vnutrennee ubezhdenie pri ocenke v ugovnom processe prejudicial'nogo znacheniya reshenij, prinyatyh v grazhdanskom, arbitrazhnom ili administrativnom sudoproizvodstve* [Internal conviction in assessing the prejudicial significance of decisions made in civil, arbitration or administrative proceedings in criminal proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 206 p.
4. Kazarina T.N. Prosecutor as a subject of civil procedure relationships within the framework of unification of procedure laws of the Russian Federation. Part 1. *Rossijskij sud'ya = Russian Judge*, 2021, no. 2, pp. 3–6. (In Russian).

5. Kazarina T.N. Prosecutor as a subject of civil procedure relationships within the framework of unification of procedure laws of the Russian Federation. Part 2. *Rossiiskij sud'ya = Russian Judge*, 2021, no. 3, pp. 6–10. (In Russian).

Информация об авторе

Шарипова Алия Рашитовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Information about the Author

Sharipova Aliya Rashitovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 28.12.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 21.01.2022.

The article was submitted 28.12.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 21.01.2022.

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL PROBLEMS IN THE FORMATION OF THE RULE-OF-LAW STATE

Научная статья

УДК 340.1

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.12

Романовская Вера Борисовна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
vera_borisovna@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Аннотация. Правовая система современной России столкнулась с глобальными вызовами, возникшими в результате цифровизации многих сфер жизни и кардинального изменения менталитета общества в эпоху постмодерна. *Цель:* анализ проблем правового регулирования новых общественных отношений, возникающих в киберпространстве. *Методы:* использованы общенаучные и частнонаучные методы познания: сравнительно-правовой, толкования юридических норм. *Результаты.* Право должно войти в киберпространство, чтобы иметь возможность регулировать и защищать интересы государства и граждан, информацию, активы, финансы, интеллектуальную собственность, тайны и секреты. Это задача не только отраслевой юридической науки, это общая задача теоретиков и практиков. Требуют переосмысления вопросы субъекта права, объекта права, цели и задачи правового регулирования в новом информационном обществе.

Ключевые слова: информационное общество, виртуальная реальность, дополненная реальность, киберпространство, цифровое право

Для цитирования: Романовская В.Б. Тенденции развития права в эпоху постмодерна / В.Б. Романовская // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 166–176. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.12.

Original article

Romanovskaya Vera Borisovna

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, vera_borisovna@mail.ru

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LAW IN THE POST-MODERN ERA

Abstract. The legal system of modern Russia is faced with global challenges resulting from the digitalization of many spheres of life and a radical change in the mentality of society in the postmodern era. *Purpose:* to analyze the problems of legal regulation of new social relations arising in cyberspace. *Methods:* general scientific and specific scientific methods of cognition are used: comparative legal method, method of interpreting legal norms. *Results.* The law must enter cyberspace in order to be able to regulate and protect the interests of the state and citizens, information, assets, finances, intellectual property, secrets. It is a task not only for sectoral legal science, it is a common task for theoreticians and practitioners. The issues of the subject of law, the object of law, the goals and objectives of legal regulation in the new information society require rethinking.

Keywords: information society, virtual reality, augmented reality, cyberspace, digital law

For citation: Romanovskaya V.B. Trends in the development of law in the post-modern era. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 166–176. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.12. (In Russian).

От эпохи к эпохе менялись представления людей о бытии, богах, человеке, обществе, государстве и праве. Философы описывали эти представления, выделяя их смыслы, поэты воспевали величие государств, подвиги героев, милость и гнев богов, юристы пытались создать право, наполненное справедливостью, историки фиксировали ход событий, окрашивая их в тот цвет, который соответствовал духу текущего времени. Менялись мировоззренческие установки общества, находившие отражение в науч-

ных, философских и литературных трудах. Эпоха традиционализма сменилась преמודерном, на смену ему пришла эпоха модерна, а следом и постмодерн, современником которого является наше поколение. Произошел радикальный сдвиг в развитии человечества, появились невиданные прежде явления и сущности, альтернативные ценности. Постмодернизм стал господствующим направлением в философии, искусстве и культуре западного мира. Сформировался новый тип мировоззрения, в котором нивелировались прежние представления о государстве, праве, личности, семье, смысле жизни и др. В российском пространстве эти тенденции неизбежно проявятся в ближайшем будущем, а некоторые наблюдаются уже сейчас. Общество постмодерна основано на информационных технологиях, на Мировой сети, на виртуальной реальности. Человечество вышло за пределы живого, наблюдаемого мира в метамир, полностью искусственный, придуманный, дополненный искусственным интеллектом, безграничными возможностями новой реальности. Все прежние установки и представления рассыпаются, как карточный домик, уступая место новым взглядам на новое бытие.

Ярче и прежде всего постмодернизм проявился в культуре – литературе, живописи, скульптуре, театре и кино. По каждому направлению уже написано много исследований с подробным анализом работ и авторов, среди которых немало российских представителей. В рамках данной статьи остановимся только на правовой проблематике, которая неизбежно втягивается в этот дискурс.

С каких бы позиций мы не рассматривали право (речь не идет о религиозных системах), оно всегда являлось регулятором общественных отношений, наиболее важных и значимых в различные времена. Является ли оно мерой добра и справедливости или считается совокупностью правил поведения, установленных государством, или официальной мерой свободы, так или иначе, право находится рядом с представлениями о дозволенном и недозволенном, допустимом или недопустимым в данном сообществе.

Всякое рассуждение о праве неизбежно будет связано с текущим культурным, техническим, ментальным состоянием общества. Известно, что Президент РФ утвердил подготовленный Советом Безопасности список традиционных ценностей. «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопо-

мощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»¹. По мнению авторов документа, традиционные «российские духовно-нравственные ценности объединяют нашу многонациональную и многоконфессиональную страну».

В современном мире, на практике, дело обстоит иначе. Изменения в научно-технической сфере, равно как и изменения в образе жизни и в понимании жизненных приоритетов, с неизбежностью влекут за собой не просто создание новых норм права, но и, в сущности, нового права, отражающего и вписывающегося в новую реальность. В эпоху постмодерна появляются альтернативные ценности, прежде считавшиеся неприемлемыми в обществе, а теперь ставшие привилегированными. Исчезают общие ценности, им на смену приходят групповые ценности, групповые интересы. Суверенитет государств становится фикцией, уступая место экономической и политической силе транснациональных корпораций. Национальное право прогибается перед так называемым международным правом, которое не является, в сущности, компромиссом народов, а защищает экономические интересы одной группы стран.

Все значимые компоненты права претерпевают сегодня полную трансформацию: меняются цели, задачи, субъекты, объекты, содержание правоотношений. Эти процессы происходят во всех сферах: частной, уголовной, семейной, трудовой, административной и пр. Пока данная констатация для большинства юристов вовсе не очевидна, однако те специалисты, которые работают в наиболее технологически продвинутых компаниях, особенно в сфере высоких технологий, уже отчетливо видят эти изменения.

Зарождающийся информационный мир переворачивает все прежние ценности и нормы, нанося сокрушительный удар по традиционным институтам национального государства, права, семьи, половых и возрастных отличий. Появляются новые субъекты, без определенного гендера, которые становятся равноправными участниками общественных отношений. Уже сегодня встала в полный рост проблема уничтожения женского спорта из-за участия в соревнованиях трансгендеров (Олимпиада в Токио продемонстрировала еще один пример), и это далеко не единственная проблема в спортивном праве. В уголовном праве актуальной задачей стало осмысление института ответственности в случаях совершения общественно опасных действий беспилотными транспортными средствами. В уголовно-

---

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. 5 июля.

исполнительном праве не решен вопрос о том, в какую камеру следует поместить правонарушителя-трансгендера, чтобы не нарушить права личности, особенно в случаях с неопределенным гендером. Примеров можно привести много, и это только в рамках рассуждения о субъекте. Заметим, что западные ученые давно и глубоко изучают вопросы и проблемы, связанные с применением права в Интернете [1; 2].

В последние годы появились электронные преступления, так называемая сетевая мафия, без определенной локации, живущая в Сети, совершающая там опасные деяния, наносящие ущерб конкретным людям и организациям. Увеличилось количество преступлений, совершаемых с помощью Интернета в виртуальном пространстве, не привязанном к территории конкретного государства. Традиционные полицейские и судебные меры бессильны в борьбе с сетевыми преступлениями из-за отсутствия законодательной основы, технологической базы и профессионалов нужного уровня. Цифровые методы используются также и при осуществлении правосудия [3].

Серьезную трансформацию претерпело семейное право в странах Западной Европы и США. За последние 10 лет практически все страны приняли законы, допускающие однополые браки, ряд стран официально разрешили однополым парам усыновлять детей. Субъектами семейных правоотношений стали «родитель 1» и «родитель 2». Западное право уже урегулировало вопросы донорства материалов для суррогатного материнства, определило содержание правоотношений в этих случаях, правила разрешения споров между такими супругами и отношения с детьми. Активно реализуется программа по смене пола у детей по их желанию. Великобритания является лидером по проведению такого «лечения». Уже не обсуждается, насколько это приемлемо. Дискуссия проходит по вопросам о том, требуется ли согласие родителей на смену пола ребенка, с какого возраста можно начинать гормонозаместительную терапию, с 12-летнего или 8-летнего. Прецедентный характер английского права позволяет гибко реагировать на такие проблемы. В российском постмодернистском пространстве появляются проекты по реформированию семейных отношений. Конечно, они не носят столь кардинального характера, но приносят некие опасные тенденции в вопросы воспитания подрастающего поколения и отношений между родителями и детьми. В частности, Фондом «Мое поколение» был предложен форсайт-проект «Детство 2030», где среди прочего, отчасти интересного и полезного, предлагалось ввести вместо традиционной семьи «многообразие форм совместной жизни» и много чего другого, не вписывающегося в традиционные российские ценности.

Такое пристальное внимание к телу человека в эпоху постмодерна уводит от духовных исканий, мировоззрение личности формируется в плоском поле телесных трансформаций и гедонических ориентаций. Еще одним направлением, активно развивающимся в настоящий момент и требующим правового оформления, является трансгуманизм, направленный на изменение природных возможностей человека, его «доработку». Превращение человека в пост-человека происходит при помощи разнообразных средств: молекулярной нанотехнологии, генной инженерии, нейроинтерфейса, вживляемых компьютеров и лекарственных средств. Трансгуманисты обещают, что в результате таких изменений человек не будет стареть, болеть, иметь плохое настроение, скучать, уставать, а всегда будет весел, здоров и бодр в любом возрасте. Трансгуманисты не исключают полного переноса сознания из биологического мозга в компьютер, обеспечивая таким образом вечную жизнь личности. Это вовсе не сказки, работы в данном направлении активно ведутся и за рубежом, и в России¹.

Право постнового времени не имеет духовных опор, оно прагматично, нацелено на обслуживание текущих задач. Среди многих сфер жизни, подвергающихся сейчас деконструкции, этот процесс явственно ощущается в образовательном пространстве. «С наступлением информационного общества буржуазное понятие "карьеры" утратило смысл, что неминуемо означало кризис системы образования. Информационный рынок труда имеет совершенно новую структуру. Трудоустройство перестало быть пожизненным, и стаж работы не имеет уже первостепенного значения. Бизнес-организации становятся все менее жесткими и все больше концентрируются на краткосрочных проектах, для которых каждый раз требуются люди с определенными навыками. Такие временные образования создаются лишь для того, чтобы распасться после завершения проекта. Образование не может быть законченной главой, оно должно постоянно обновляться. Каждая новая задача возникает в принципиально отличных от прежних условиях, что каждый раз требует новых знаний. Неизбежное следствие: любой диплом, сертификат или звание практически бесполезны на следующий день после их получения. Уже сейчас увеличение спроса на дополнительное образование и развитие навыков как вне, так и внутри бизнеса привело к тому, что многие старые академические учреждения почувствовали ветер перемен» [4, с. 232–233]. Цитаты из известного на западе труда шведских авторов А. Барда и Я. Зондерквиста емко и понятно демонстрируют тенденции в образовании, многие из которых мы наблюдаем

---

¹ Достаточно посмотреть соответствующие информационные сайты, в частности www.transhumanism-russia.ru.

и в нашей стране: «В будущем образование станет характеризоваться интерактивностью и прагматизмом. Оно будет осуществляться через Интернет в виде небольших, тщательно адаптированных под конкретную задачу, модулей. Правила будут определять сами студенты, а не университеты. Соперничество между этими изолированными и подвижными системами будет настолько сильным, что на этом рынке просто не останется места для неповоротливых и ресурсоемких университетских монстров» [4, с. 234].

«Распределение власти в информационном обществе зависит от креативности, а не от финансовых вливаний или государственного регулирования. Из этого следует, что нетократы не испытывают стремления кичиться научными званиями, напротив, будет более престижно подчеркивать отсутствие формальной квалификации. В глазах нетократов законченное образование и научное звание является не признаком заслуг, а скорее свидетельством непростительной нехватки здравого смысла. Университеты со временем приобретут репутацию закрытых лабораторий интеллектуальной терапии, и к каждому, кто там побывал, будут относиться с растущей подозрительностью. Однако академические институты представляют властные интересы, от которых не так легко отмахнуться. ...Нетократия вряд ли ограничится простым игнорированием академического мира, но будет активно ему противодействовать, хотя бы посредством исключения его представителей из числа членов влиятельных сетей» [4, с. 235–236]. Авторы предрекают, что в недалеком будущем образование потеряет свою академичность в пользу прагматичности и интерактивности, изменится и способ взаимодействия между преподавателем и студентом, вместо личных контактов придет экран монитора или телефона. Прошло всего несколько лет с момента издания книги, и весь мир убедился в наступлении новой реальности. Пандемия лишь ускорила эти процессы.

Таким образом, очевидно, что в эпоху глобальных трансформаций в западном мире, к которому Россию все же можно отнести, хотя и с некоторыми оговорками, неизбежны серьезные изменения в понимании права как явления и в законодательстве как способе регулирования новых общественных отношений.

В отраслевом законодательстве раньше всех эти перемены почувствовали цивилисты. Цифровые технологии создали новую, так называемую VR (виртуальную) и AR (дополненную) реальность. Появился индустриальный Интернет – Интернет вещей, сервисы автоматической идентификации и сбора глобальных баз данных – Big data, облачных сервисов и другие новации. Все это потребовало правового регулирования. Интернет-торговля сравнима по оборотам с обычной торговлей, но ее правовое регулирование требует иных правил. Компьютерные игры, которые стали больше, чем просто игры, тоже требуют определенных правил и защиты от недобро-

совестных игроков, которые могут мошенническим путем вывести из игры вполне реальные деньги. Правового осмысления требуют блокчейн и криптовалюты, которые начинают использовать в реальных секторах экономики. Исследователи пишут, что «технология блокчейн может выступать в качестве правового инструмента (средства) для признания прав интеллектуальной собственности ... управления интеллектуальными правами ... обеспечения и защиты ... правообладателей; распоряжения исключительным правом» [5, с. 30] и др. Можно определенно утверждать, что кардинально новая цифровая экономика нуждается в новых законодательных подходах и решениях.

Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы¹ применение цифровых технологий чрезвычайно широко. Оно охватывает практически все сферы человеческой деятельности, а также цифровые социальные институты, цифровой контент, виртуальную собственность. Новые технологии настолько глубоко проникли в правовую среду, что не только предоставили иные подходы к традиционным человеческим правам, но и создали новые права. В литературе отмечается, что переосмысление традиционных прав человека в свете последних достижений в научно-технической области является решающим шагом для защиты человеческого достоинства в цифровую эпоху [6]. Появились понятия «цифровое право» [7] и «цифровые права», вокруг которых идут теоретические споры среди юристов. С.Р. Решетняк предложил свою классификацию цифровых прав [8, с. 96]. А.Г. Серго полагает, что «в перспективе будет сформирована новая комплексная отрасль права – наноправо» [9, с. 13–14]. А.А. Карцхия предложил свой оригинальный подход к адаптации традиционных правовых систем к современным цифровым технологиям [10]. Тема настолько широка и многоаспектна, что ее изучение требует усилий научных институтов и практиков.

Таким образом, совершенно очевидно, что правовая система современной России столкнулась с глобальными вызовами. Право должно войти в киберпространство, чтобы иметь возможность регулировать и защищать интересы государства и граждан, информацию, активы, финансы, интеллектуальную собственность, тайны и секреты. Это задача не только отраслевой юридической науки, это общая задача теоретиков и практиков.

---

¹ О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. 15 мая.

Список источников

1. Grimmelmann J. Internet Law: Cases and Problems / J. Grimmelmann. – Semafore press, 2017. – 682 с.
2. Sidorenko E.L. Transformation of Law in the Context of Digitalization: Defining the correct priorities / E.L. Sidorenko, von P. Arx // Digital Law Journal. – 2020. – Vol. 1 (1). – P. 24–38. DOI: <https://doi.org/10.38044/DLJ-2020-1-1-24-38>.
3. Гишинский Я.И. Цифровой мир и право / Я.И. Гишинский // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4 (62). – С. 22–30. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.4.3>.
4. Бард А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист. – Санкт-Петербург : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
5. Карцхия А.А. Цифровое право как будущее классической цивилистики / А.А. Карцхия // Право будущего: Интеллектуальная собственность, Инновации, Интернет : ежегодник / отв. ред. Е.Г. Афанасьева. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. – С. 26–40.
6. Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era / J. Coccoli // Peace Human Rights Governance. – 2017. – Vol. 1, iss. 2. – P. 223–250. DOI: [10.14658/purj-phrg-2017-2-4](https://doi.org/10.14658/purj-phrg-2017-2-4).
7. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах / А. Васильев, Ж. Ибрагимов, Р. Насыров, И. Васев // Юрислингвистика. – 2019. – № 11. – С. 15–18.
8. Решетняк С.Р. Классификация цифровых прав / С.Р. Решетняк // Вестник экспертного совета. – 2021. – № 1 (24). – С. 96–105.
9. Серго А.Г. Наноправо: на пороге будущего / А.Г. Серго // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2018. – № 1. – С. 7–14.
10. Карцхия А.А. Оцифрованное право: Виртуальность в законе / А.А. Карцхия // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2018. – № 2. – С. 5–20.

References

1. Grimmelmann J. Internet Law: Cases and Problems. Semafore press, 2017. 682 p.

2. Sidorenko E.L., Arx P. von. Transformation of Law in the Context of Digitalization: Defining the correct priorities. *Digital Law Journal*, 2020, vol. 1 (1), pp. 24–38. DOI: <https://doi.org/10.38044/DLJ-2020-1-1-24-38>.

3. Gilinskiy Ya.I. Digital world and law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2020, no. 4 (62), pp. 22–30. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.4.3>. (In Russian).

4. Bard A., Söderqvist J. *Netokratiya. Novaya pravyashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma* [Netocracy: The New Power Elite and Life After Capitalism]. Stockholm School of Economics in Saint Petersburg, 2004. 252 p.

5. Kartskhiya A.A. Digital law as a future of classic civil law. In Afanasyeva E.G. (ed.). *Pravo budushchego: Intellektual'naya sobstvennost', Innovacii, Internet* [Future Law: Intellectual Property, Innovation, Internet]. Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 26–40. (In Russian).

6. Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era. *Peace Human Rights Governance*, 2017, vol. 1, iss. 2, pp. 223–250. DOI: 10.14658/pupj-phrg-2017-2-4.

7. Vasiliev A., Ibragimov Z., Nasyrov R., Vasev I. The term «digital law» in doctrine and legal texts. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2019, no. 11, pp. 15–18. (In Russian).

8. Reshetnyak S.R. Classification of digital rights. *Vestnik ekspertnogo soveta = Expert Council Bulletin*, 2021, no. 1 (24), pp. 96–105. (In Russian).

9. Sergo A.G. Nanoprighth: on the threshold of the future. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual Property. Copyright and Related Rights*, 2018, no. 1, pp. 7–14. (In Russian).

10. Kartskhiya A.A. Digitized Law: Virtual in Law. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and Related Rights*, 2018, no. 2, pp. 5–20. (In Russian).

Информация об авторе

Романовская Вера Борисовна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Information about the Author

Romanovskaya Vera Borisovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021; одобрена после рецензирования 22.12.2021; принята к публикации 23.12.2021.

The article was submitted 18.11.2021; approved after reviewing 22.12.2021; accepted for publication 23.12.2021.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL LAW

Научная статья

УДК 341.46

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.13

Бородаенко Анна Андреевна

Северо-Кавказский филиал Российского государственного

университета правосудия, Краснодар, Россия, annaborodaenko86@mail.ru

К ВОПРОСУ О КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию ряда аспектов контртеррористической деятельности ООН на современном этапе глобализации. *Цель:* анализ проблем, непосредственно связанных с деятельностью ООН в сфере противодействия международному терроризму, и базовых положений Глобальной контртеррористической стратегии ООН (2006). *Методы:* сравнения, описания, аналогии, диалектической логики, толкования правовых норм, контент-анализа, синергетический. *Результаты:* исследование позволило обосновать основной вывод о том, что контртеррористическая деятельность ООН является серьезным фактором в деле поддержания международного мира и безопасности, представляет собой синергию усилий органов и системы ООН, нацеленных на противодействие и борьбу с терроризмом. Выявлены проблемы, тормозящие поступательное развитие и совершенствование контртеррористической деятельности ООН в настоящее время. Отмечено, в частности, что ни один из универсальных международно-правовых документов антитеррористической направленности на данный момент не содержит четкую дефиницию понятия «международный терроризм». Данное обстоятельство препятствует разработке и принятию Всеобъемлющей конвенции ООН против международного терроризма,

---

© Бородаенко А.А., 2022

¹ Настоящая публикация представляет собой доклад автора на Международной научно-практической конференции «ООН и "послековидный" мир: состояние, угрозы, перспективы» (г. Уфа, 30 сентября 2021 г.).

предложенной в свое время делегацией Индии. Автор считает, что эту застарелую проблему, которую пытаются разрешить уже в течение четверти века на переговорах в рамках ООН, нынешнее поколение политиков и лидеров государств вряд ли сможет решить: уж слишком много разногласий, которые заводят в тупик соответствующие переговоры. Высказано предположение о том, что институциональное реформирование контртеррористической архитектуры ООН, нацеленное на укрепление общего подхода к координации и согласованности в деятельности системы ООН по борьбе с терроризмом, начатое новым Генеральным секретарем А. Гутерришем в 2018 г., будет плодотворно продолжено и в ближайшем будущем.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, международный терроризм, контртеррористическая деятельность ООН, Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, противодействие терроризму, контртеррористическая архитектура ООН

Для цитирования: Бородаенко А.А. К вопросу о контртеррористической деятельности Организации Объединенных Наций / А.А. Бородаенко // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 177–188. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.13.

Original article

Borodaenko Anna Andreevna

North Caucasian Branch of the Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russia, annaborodaenko86@mail.ru

TO THE QUESTION OF UNITED NATIONS COUNTER-TERRORISM ACTIVITIES

Abstract. The article is devoted to the study of a number of aspects of United Nations counter-terrorism activities in the current phase of globalization. *Purpose:* to analyze the problems directly related to the activities of the UN in the field of countering international terrorism, as well as the basic provisions of the UN Global Counter-Terrorism Strategy (2006). *Methods:* the study uses comparison, description, analogy, dialectical logic, interpretation of legal norms, content-analysis, synergistic method. *Results:* the study substantiates the main conclusion that UN counter-terrorism activities are a major factor in the maintenance of international peace and security, representing a synergy of efforts among UN bodies and system, aimed at countering and combating terrorism. The article identifies the problems that are hampering the progressive development and improvement of United Nations counter-terrorist activities at the

present time. It is noted in particular that none of the universal international legal instruments against terrorism currently contains a clear definition of the concept of «international terrorism». This circumstance hinders the development and potential adoption of the UN Comprehensive Convention against International Terrorism, proposed at the time by the delegation of India. The author believes that this long-standing problem, which has been trying to be resolved for a quarter of a century in negotiations within the UN, is unlikely to be solved by the current generation of politicians and leaders: there are too many disagreements that lead to deadlock in the relevant negotiations. It is suggested that the institutional reform of the UN counter-terrorism architecture, aimed at strengthening the common approach to coordination and coherence in the UN system of counter-terrorism activities, launched by the new Secretary-General António Guterres in 2018, will be fruitfully continued in the near future.

Keywords: United Nations Organization, international terrorism, UN counter-terrorism activities, UN Global Counter-Terrorism Strategy, counter-terrorism, UN counter-terrorism architecture

For citation: Borodaenko A.A. To the question of United Nations counter-terrorism activities. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 177–188. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.13 (In Russian).

На современном этапе глобализации терроризм трансформировался в поистине «социальную чуму XXI века», поразившую практически все страны мира. Терроризм представляет серьезную и реальную угрозу безопасности личности, общества и государства, игнорирует и грубо нарушает права и основные свободы человека.

ООН многократно и неизменно заявляла и заявляет «о своей непоколебимой приверженности укреплению международного сотрудничества в деле предотвращения терроризма и борьбы с ним во всех его формах и проявлениях», всегда подтверждая, «что любые акты терроризма, чем бы они ни были мотивированы и где бы, когда бы и кем бы они ни совершались, представляют собой уголовные преступления и не имеют оправдания»¹.

Ответственность за реагирование на преступные действия террористов лежит на всем мировом сообществе, ответные меры которого должны быть глобальными, коллективными, целостными и превентивными. И та-

---

¹ Обзор Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций : Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 26.06.2018 // ООН : сайт [Электронный ресурс]. URL: [undocs.org/pdf?symbol=ru/a/res/72/284](https://undocs.org/pdf/symbol=ru/a/res/72/284) (дата обращения: 10.08.2021).

кой ответ был дан Генеральной Ассамблеей ООН, принявшей 8 сентября 2006 г. Глобальную контртеррористическую стратегию. С тех пор прошло ровно 15 лет, а 11 сентября 2021 г. прошло 20 лет с момента террористических нападений, которые были совершены в Нью-Йорке и Пенсильвании (США). Таким образом, обращение к проблематике, непосредственно связанной с контртеррористической деятельностью ООН, приобретает (помимо научно-практической актуальности) еще и некий символический контекст.

Данная проблематика вызывает повышенный интерес у исследователей, что подтверждается многочисленными научными публикациями последней пары десятилетий [1; 2; 3; 4; 5; 6, с. 88–100; 7; 8; 9 и др.].

Важно заметить, что одни авторы в своих исследованиях, посвященных рассматриваемой проблематике, применяют так называемый деятельностный подход, другие – институциональный, третьи – системный и т. п. На наш взгляд, учитывая масштаб и специфику анализируемой проблемы, предпочтительней использовать деятельностный подход, так как именно он реально позволяет в наиболее полном и целостном виде показать разностороннюю контртеррористическую деятельность ООН.

Так, Генеральная Ассамблея ООН начиная с 1963 г. (с принятия Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов) осуществляет постоянную и активную нормотворческую деятельность в сфере антитеррора, в качестве осязаемого результата которой можно привести принятие известных конвенций антитеррористической направленности, совокупность которых составляет универсальную международно-правовую основу противодействия и борьбы с международным терроризмом. В частности, уже упомянутую Глобальную контртеррористическую стратегию (далее – Стратегия, ГКС) вполне возможно позиционировать в качестве серьезного «прорывного» достижения Генеральной Ассамблеи.

Стратегия состоит из четырех взаимосвязанных мер, которые должны быть приняты государствами в сотрудничестве друг с другом и негосударственными субъектами борьбы с терроризмом. К ним относятся: меры по устранению условий, способствующих распространению терроризма, меры по борьбе с терроризмом, меры по укреплению потенциала государства в области борьбы с терроризмом и меры по защите прав человека в условиях борьбы с терроризмом.

В одном из способов Стратегия отражает и подтверждает все усилия, предпринятые по борьбе с терроризмом на многостороннем уровне в течение четырех десятилетий. К ним относятся, например, шестнадцать универсальных документов о борьбе с терроризмом, которые криминализируют

ют конкретные террористические акты, такие как угоны воздушных судов, взрывы бомб, финансирование терроризма, ядерный терроризм.

Иными словами, в Стратегии рассматриваются различные вопросы и препятствия, с которыми сталкиваются государства в своей борьбе с терроризмом. К ним, в частности, относятся: пропаганда идеологии насилия, слабость правоохранительных органов, хрупкий баланс между безопасностью и защитой прав человека. Но, что более важно, необходимо рассматривать Стратегию в качестве единого целого, совокупности различных, казалось бы, разрозненных элементов, объединенных для того, чтобы служить незаменимой основой глобального контртеррористического подхода, который позволяет выявить и устранить системные недостатки, наказать террористов и при этом никогда не упускает из виду приверженность защите прав человека и верховенства права, что в конечном счете и есть то, что террористы хотят уничтожить.

Таким образом, целостный характер Стратегии является ее самой мощной силой. По сути, контртеррористическая деятельность ООН начиная с 2006 г. осуществляется главным образом в рамках реализации ГКС.

Следует особо отметить, что Совет Безопасности ООН стал активно обращать внимание на различные проблемы, непосредственно связанные с противодействием и борьбой с международным терроризмом, в самом начале 90-х годов XX в. Речь идет, прежде всего, о введении санкций против Ливии (в 1992 г.) и Афганистана (в 1999 и в 2000 г.). Основанием для этого явилось подозрение в контактах и связях названных государств с террористическими организациями. Но все же следует указать, что всплеск активности антитеррористической работы Совбеза ООН датируется октябрём 1999 г., когда была принята Резолюция 1296.

Среди резолюций Совбеза ООН нужно назвать, прежде всего, те, которые были приняты непосредственно после террористических атак в США в сентябре 2001 г. Имеются в виду резолюции 1368 от 12 сентября 2001 г., 1373 от 28 сентября 2001 г., 1377 от 12 ноября 2001 г. и др.

В частности, Резолюцией 1373 (2001) Совбеза ООН был создан Контртеррористический комитет. Кроме того, документ предусматривает некоторые обязательства для государств – членов ООН: реализовать ряд мер по превенции террористической деятельности, объявить все возможные ее формы противозаконными, активизировать антитеррористическое взаимодействие в пределах имеющихся двусторонних, а также многосторонних механизмов и соглашений.

Базовый функционал Контртеррористического комитета состоит в деятельном содействии укреплению потенциала государств, направленного

на предотвращение терактов как на национальном, так и на межрегиональном уровнях.

Через три года на основе Резолюции 1535 (2004) был создан Исполнительный директорат Контртеррористического комитета, главная функция которого заключается в выполнении положений Резолюции 1373, а также в реальном содействии в данном вопросе государствам – членам ООН. В принципе, базовые направления деятельности названного Комитета и его Исполнительного директората состоят в следующем: посещение государств в целях проведения мониторинга прогресса, а также экспертной оценки характера и уровня технической помощи, которая может понадобиться каждому конкретному государству для полноценного выполнения положений Резолюции Совбеза ООН 1373 (2001). Подобное посещение осуществляется согласно соответствующей просьбе конкретного государства члена ООН.

С приходом 1 января 2017 г. на пост Генерального секретаря ООН А. Гутерриша было начато реформирование контртеррористической архитектуры ООН. В частности, было создано Контртеррористическое управление (Управление ООН по борьбе с терроризмом (ЮНОКТ)). После его создания 15 июня 2017 г. во исполнение Резолюции 71/291 Генеральной Ассамблеи ООН на основе предложения, содержащегося в докладе Генерального секретаря о потенциале системы Организации по оказанию государствам-членам деятельного содействия в осуществлении ГКС, был принят ряд практических мер для обеспечения сбалансированной реализации всех четырех базовых ее элементов.

На ЮНОКТ возложено выполнение пяти главных функций:

- обеспечение руководства выполнением мандатов Генеральной Ассамблеи ООН по борьбе с терроризмом, возложенных на Генерального секретаря в рамках всей системы ООН;

- усиление координации и согласованности между подразделениями Глобального соглашения по координации борьбы с терроризмом для обеспечения сбалансированной реализации четырех основных принципов ГКС;

- активизация оказания помощи государствам-членам в наращивании контртеррористического потенциала ООН;

- улучшение транспарентности, информационно-пропагандистской деятельности и мобилизации ресурсов для контртеррористических усилий ООН;

- обеспечение должного внимания борьбе с терроризмом в рамках всей системы ООН и усилиям по предотвращению насильственного экстремизма.

Следует заметить, что Контртеррористическое управление активно взаимодействует со вспомогательными органами Совета Безопасности ООН, уполномоченными укреплять потенциал государств-членов по предотвращению террористических актов и реагированию на них.

В докладе Генерального секретаря ООН «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» (20 апреля 2018 г.) особо подчеркивается, что ООН «отводится ключевая роль в разработке международной нормативно-правовой базы в области борьбы с терроризмом и во внедрении механизмов для ее эффективного применения. В настоящее время эта нормативно-правовая база включает международные конвенции и протоколы, касающиеся противодействия терроризму и прав человека»¹.

Следовательно, контртеррористическая деятельность ООН нацелена на решение двух главных задач: обеспечение мира и защиту прав человека. Данные задачи взаимосвязаны и оказывают реальное воздействие одна на другую [5, с. 100].

В то же время, несмотря на наличие обширной международной нормативно-правовой базы в области борьбы с терроризмом, созданной под эгидой ООН, эта база в некоторых научных публикациях подвергается критике. В частности, с точки зрения Д.В. Ерохина, «анализ имеющейся правовой базы позволяет сделать вывод о том, что на уровне международной уголовной политики отсутствует единая правовая основа сотрудничества государств в области противодействия терроризму; само же правовое регулирование на этом уровне носит тематический характер, затрагивает лишь отдельные аспекты проблемы терроризма» [3, с. 186].

Следует особо подчеркнуть, что ни один из универсальных правовых документов антитеррористической направленности не содержит четкую дефиницию понятия «международный терроризм».

Кроме того, по мнению А.И. Моисеева, резолюции, которые предлагаются к утверждению на сессиях Генеральной Ассамблеи, содержат ряд мер, направленных на ликвидацию международного терроризма, однако эти меры нельзя назвать хоть в какой-то степени новеллами, поскольку они повторяют уже неоднократно провозглашенные принципы. К ним относятся осуждение терроризма во всех его формах и проявлениях, напоминание

---

¹ Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций : доклад Генерального секретаря ООН // ООН : сайт [Электронный ресурс]. URL: undocs.org/pdf?symbol=ru/A/72/840 (дата обращения: 10.08.2021).

о центральной роли Генеральной Ассамблеи в борьбе с терроризмом, призыв к государствам сотрудничать в предотвращении и пресечении террористических актов и др. [6, с. 90].

То есть А.И. Моисеев говорит об отсутствии отчетливого прогресса в предлагаемых Генеральной Ассамблеей ООН антитеррористических мерах. Однако ради справедливости надо отметить, что кандидатская диссертация А.И. Моисеева, в которой содержится этот тезис, была защищена в 2015 г., то есть за два года до того, как А. Гутерриш был избран Генеральным секретарем ООН. Как было отмечено, начатое им реформирование контртеррористической архитектуры ООН уже приносит свои ощутимые плоды.

В частности, 23 февраля 2018 г. А. Гутерриш подписал новый Глобальный договор о координации борьбы с терроризмом ООН, заменивший собой прежний механизм координации Целевой группы по осуществлению контртеррористических мероприятий.

Говоря о проблемах, возникающих в процессе реализации контртеррористической деятельности ООН, прежде всего, следует сказать о проблеме, сопряженной с разработкой и принятием Всеобъемлющей конвенции ООН против международного терроризма, предложенной в свое время делегацией Индии. Судя по фактам, эту застарелую проблему, которую пытаются разрешить уже в течение четверти века на переговорах в рамках ООН, нынешнее поколение политиков и лидеров государств вряд ли сможет решить: уж слишком много разногласий, которые заводят в тупик соответствующие переговоры.

Еще одной проблемой в рассматриваемой сфере, на наш взгляд, вполне можно считать факты, свидетельствующие о том, что некоторые постоянные члены Совбеза ООН отклоняют просьбы о включении лиц, организаций и групп в санкционные перечни, касающиеся ИГИЛ (ДАИШ)¹ и Аль-Каиды.

Так, выступая на пленарном заседании 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 июня 2018 г., на котором обсуждалась Глобальная контртеррористическая стратегия, г-н Джаафари (Сирийская Арабская Республика) заявил: «...мы говорим о реальном положении дел и фактах внутри Организации Объединенных Наций. Некоторые постоянные члены Совета Безопасности отклоняют просьбы о включении лиц, организаций и групп в санкционные перечни, касающиеся ДАИШ и "Аль-Каиды", лишь по той причине, что такие просьбы поступают от правительства Сирийской Арабской Республики. Более года назад мы направили просьбу включить террористическую организацию "Хаят тахрир аш-Шам" в перечень террори-

---

¹ Международная террористическая организация, деятельность которой на территории Российской Федерации запрещена.

стических организаций, однако американская, британская и французская делегации отвергли нашу просьбу, поскольку с ней обратилась делегация Сирийской Арабской Республики. Недавно Соединенные Штаты и Совет Безопасности добавили эту организацию в свои перечни террористических организаций. Когда мы обратились с соответствующей просьбой, она была отклонена, но, когда Соединенные Штаты включили данную организацию в свой перечень, Совет Безопасности поступил таким же образом»¹.

Касаясь перспектив совершенствования контртеррористической деятельности ООН, нацеленной на реальное повышение эффективности противодействия терроризму, следует согласиться с важным тезисом Генерального секретаря Организации, согласно которому одним из главных направлений действий в указанной сфере является сосредоточение внимания на профилактике данного крайне негативного социально-правового феномена, а также укрепление международного сотрудничества и усиление координации и согласованности работы ООН в этой области. Это самый надежный способ, позволяющий предотвратить возникновение порочного круга нестабильности и недовольства.

Безусловно, следует признать справедливость слов А. Лебедева о том, что «...за многолетнюю историю ООН было разработано достаточно большое количество документов, заложивших правовую основу для международного сотрудничества в области противодействия терроризму. Однако угроза терроризма и по сей день актуальна. Многие еще предстоит сделать, поскольку далеко не все члены ООН ратифицировали уже вступившие в силу международные документы» [4, с. 50].

Таким образом, во-первых, контртеррористическая деятельность ООН представляет собой синергию усилий органов и системы ООН, нацеленных на противодействие и борьбу с терроризмом.

Во-вторых, она, несомненно, является серьезным фактором в деле поддержания международного мира и безопасности, особенно в настоящее время, когда глобализация объективно придает транснациональный характер терроризму, который постоянно мимикрирует, трансформируясь и адаптируясь под стремительно меняющиеся реалии, в частности, быстро освоив сетевой формат, разворачивается в виртуальной реальности, негласно объявив «варварское» нашествие на Интернет.

---

¹ Официальный отчет заседания Генеральной Ассамблеи ООН. Семьдесят вторая сессия. 101-е пленарное заседание. 26.06.2018 // ООН : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/72/PV.101> (дата обращения: 10.08.2021).

В-третьих, представляется, что начатое А. Гутерришем институциональное реформирование контртеррористической архитектуры ООН, нацеленное на укрепление общего подхода к координации и согласованности в деятельности системы ООН по борьбе с терроризмом, будет плодотворно продолжено и в ближайшем будущем (с учетом того примечательного факта, что Генеральная Ассамблея ООН назначила А. Гутерриша Генеральным секретарем Организации во второй раз, его следующий срок на данной должности – с 1 января 2022 г. по 31 декабря 2026 г.).

Список источников

1. Алешин В.В. Противодействие терроризму: о реализации норм международного и российского законодательства / В.В. Алешин // Московский журнал международного права. – 2019. – № 4. – С. 79–90.
2. Борисов Д.А. Экстремизм и контртеррористическая повестка ООН в XXI веке / Д.А. Борисов // Мировая политика. – 2018. – № 1. – С. 48–57.
3. Ерохин Д.В. Международно-правовые основы противодействия терроризму / Д.В. Ерохин // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2018. – № 2 (55). – С. 185–190.
4. Лебедев А. Роль ООН в борьбе с терроризмом / А. Лебедев // Обозреватель – Observer. – 2008. – № 5. – С. 46–54.
5. Мелентьев П.В. Роль Организации Объединенных Наций в борьбе с терроризмом / П.В. Мелентьев // Современное право. – 2009. – № 1 (1). – С. 100–106.
6. Моисеев А.И. Международно-правовое определение терроризма : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / А.И. Моисеев. – Москва, 2015. – 204 с.
7. Пинчук А.Ю. Институализация антитеррористической деятельности в рамках Организации Объединенных Наций / А.Ю. Пинчук // Социально-политические науки. – 2018. – № 6. – С. 70–73.
8. Чернядьева Н.А. Понятие «международный терроризм» в международных соглашениях ООН / Н.А. Чернядьева // Lex Russica. – 2011. – Т. 70, № 6. – С. 1181–1187.
9. Чернядьева Н.А. Роль резолюций Совета Безопасности ООН в совершенствовании антитеррористического права / Н.А. Чернядьева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – Вып. 2 (28). – С. 176–184.

References

1. Aleshin V.V. Counterterrorism measures: application of international law and the law of the Russian Federation. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2019, no. 4, pp. 79–90. (In Russian).
2. Borisov D.A. Extremism and the UN Counterterrorism Agenda in the 21st Century. *Mirovaya politika = Global Politics*, 2018, no. 1, pp. 48–57. (In Russian).
3. Erokhin D.V. International legal basis of countering to terrorism. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series Law*, 2018, no. 2 (55), pp. 185–190. (In Russian).
4. Lebedev A. The role of the UN in the fight against terrorism. *Observer*, 2008, no. 5, pp. 46–54. (In Russian).
5. Melentiev P.V. The role of the United Nations in the fight against terrorism. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2009, no. 1 (1), pp. 100–106. (In Russian).
6. Moiseev A.I. *Mezhdunarodno-pravovoe opredelenie terrorizma. Kand. Diss.* [International legal definition of terrorism. Cand. Diss.]. Moscow, 2015. 204 p.
7. Pinchuk A.Yu. Institutionalization of anti-terrorism forms within the United Nations. *Social'no-politicheskie nauki = Sociopolitical Sciences*, 2018, no. 6, pp. 70–73. (In Russian).
8. Chernyadyeva N.A. The definition of international terrorism in UN treaties. *Lex Russica*, 2011, vol. 70, no. 6, pp. 1181–1187. (In Russian).
9. Chernyadyeva N.A. The role of the UN Security Council resolutions in the improvement of anti-terrorism legislation. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2015, iss. 2 (28), pp. 176–184. (In Russian).

Информация об авторе

Бородаенко Анна Андреевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, член Российской Ассоциации международного права.

Information about the Author

Borodaenko Anna Andreyevna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of International Law, North Caucasian Branch of Russian State University of Justice, Member of the Russian Branch of the International Law Association.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 02.02.2022.

The article was submitted 13.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 02.02.2022.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Научная статья

УДК 343.133

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.14

Мухаметшин Тимур Ришатович

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия,

tamerlan_9@mail.ru

ПРИСВОЕНИЕ ПСЕВДОНИМА И ИЗЪЯТИЕ ПОДЛИННЫХ ДАННЫХ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. Применение мер безопасности является не только эффективным средством обеспечения доказательственной деятельности по уголовному делу, но и гарантией защиты прав и законных интересов граждан, которые вовлекаются в сферу уголовного судопроизводства, деятельность государства по борьбе с преступностью. УПК РФ предусматривает систему мер безопасности, среди которых отдельное место занимает сохранение подлинных данных в тайне, присвоение псевдонима и получение образца подписи у защищаемого лица. Эта мера может применяться уже в самом начале производства по делу – на стадии его возбуждения. Однако на практике возникают проблемы применения мер безопасности при проверке повода к возбуждению уголовного дела. **Цель:** анализ проблем развития современного уголовно-процессуального законодательства в сфере обеспечения безопасности участников уголовного процесса на стадии возбуждения уголовного дела. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. **Результаты:** исследование позволило выявить особенности применения такой меры безопасности, как присвоение псевдонима и изъятие подлинных данных из материалов проверки сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела. Предложена автор-

ская редакция ч. 9 ст. 166 УПК РФ в целях ее более эффективного применения в следственной практике.

Ключевые слова: обеспечение безопасности, защищаемое лицо, присвоение псевдонима, сохранение сведений, стадия возбуждения уголовного дела

Для цитирования: Мухаметшин Т.Р. Присвоение псевдонима и изъятие подлинных данных на стадии возбуждения уголовного дела / Т.Р. Мухаметшин // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 189–198. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.14.

Original article

Mukhametshin Timur Rishatovich

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia, tamerlan_9@mail.ru

ASSIGNING A PSEUDONYM AND SEIZURE OF AUTHENTIC DATA AT THE STAGE OF THE INSTITUTION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The application of security measures is not only an effective means of ensuring that evidence is used in criminal proceedings, but also a guarantee of the protection of the rights and legitimate interests of citizens who are involved in criminal proceedings, state activities to combat crime. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation provides for a system of security measures, including the preservation of authentic data in secret, the assignment of a pseudonym and the obtaining of a sample signature from a protected person. This measure may be applied at the very outset of the proceedings, at stage of the institution of criminal proceedings. In practice, however, there are problems with the application of security measures in verifying the basis for the institution of criminal proceedings. *Purpose:* to analyze the problems of development of modern criminal procedure legislation in the field of ensuring the safety of participants in criminal proceedings at the stage of the institution of criminal proceedings. *Methods:* the author applies empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Specific scientific methods are used: legal-dogmatic and the method of interpreting legal norms. *Results:* the study reveals the features of the use of such a security measure as the assignment of a pseudonym and seizure of authentic data from the verification of the crime report during the institution of criminal proceedings. The author's version of Part 9 of Art. 166 of the Code of Criminal

Procedure of the Russian Federation is proposed with a view to making it more effective in investigative practice.

Keywords: ensuring security, protected person, assignment of a pseudonym, preservation of information, stage of the institution of criminal proceedings

For citation: Mukhametshin T.R. Assigning a pseudonym and seizure of authentic data at the stage of the institution. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 189–198. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.14. (In Russian).

Обеспечение безопасности участников современного российского уголовного судопроизводства является актуальной проблемой противодействия преступности, на что обращается внимание ученых [1, с. 225–229; 2, с. 13–17], в том числе в межотраслевых исследованиях [3, с. 94–100; 4, с. 202–211].

Система мер государственной защиты при производстве по уголовному делу представляется относительно достаточной. Она регламентируется двумя специальными законами (Федеральный закон № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и судебных органов» и Федеральный закон № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства») и рядом подзаконных нормативных актов¹, которые в своей совокупности предусматривают эффективные процессуальные средства обеспечения безопасности участников современного российского уголовного судопроизводства. Вместе с тем совершенствование только законодательства не всегда позволяет достичь нужного результата. Как отмечается, совершенствование правового регулирования уголовно-процессуальной сферы непосредственно влияет на позитивные результаты правоприменительной практики [5, с. 9–20; 6].

Особое внимание, по нашему мнению, следует обратить на проблему применения мер безопасности в начале уголовно-процессуальной деятельности – на стадии возбуждения уголовного дела. Именно на этом этапе формируется начальная доказательственная база для последующего рас-

---

¹ Об утверждении Правил применения мер безопасности в виде перевода защищаемого лица на другое, временное или постоянное, место работы (службы) или учебы, переселения на другое, временное или постоянное, место жительства в отношении судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, отдельных категорий военнослужащих, денежное содержание которых осуществляется за счет средств федерального бюджета : постановление Правительства РФ от 21.07.2018 № 855 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31, ст. 5004 и др.

следования обстоятельств совершенного деяния и преступной деятельности лиц, причастных к его совершению.

В системе уголовно-процессуальных мер безопасности, перечисленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, установлена возможность применения одной из них на стадии возбуждения уголовного дела. Имеется в виду применение положений ч. 9 ст. 166 УПК РФ. На это указывает содержание ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ.

Отметим, что в первоначальной редакции УПК РФ ч. 9 ст. 166 предусматривала обязательность получения следователем согласия у прокурора на применение этой меры безопасности. В настоящее время следователь получает согласие у руководителя следственного органа¹. Кроме того, в начальной редакции ч. 9 ст. 166 УПК РФ лицом, полномочным на применение этой меры безопасности, не мог быть дознаватель. В настоящее время он вправе принять такое решение с согласия начальника органа дознания².

Как показала правоприменительная деятельность, реализация положений ч. 9 ст. 166 УПК РФ в части согласования с руководством документов, связанных с присвоением псевдонима и изъятием подлинных данных из материалов уголовного дела, в некоторых случаях не требовала отлагательства. В этой связи Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ были внесены вполне обоснованные изменения, освобождающие следователя от необходимости получать согласие руководителя следственного органа «в случаях, не терпящих отлагательства»³.

Как представляется, формулировка ч. 9 ст. 166 «...при необходимости обеспечить безопасность...» не отражает точность предпосылок применения мер уголовно-процессуальной безопасности, а термин «необходимость» не совсем полно и точно отражает причину начала применения мер безопасности в отношении участников уголовного процесса на этапе возбуждения уголовного дела.

---

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24, ст. 2830.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федер. закон от 30.12.2015 № 440-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. I), ст. 60.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 49, ст. 5724.

В теории институт безопасности личности в уголовном процессе достаточно разработан, обоснованы предпосылки для его реализации. В частности, к предпосылкам обеспечения безопасности ученые относят поводы и основания их применения [7, с. 51–56; 8, с. 4–11]. В этой связи, как считаем, следует изменить формулировку нормы и изложить ее в следующей редакции: «При наличии предпосылок обеспечения безопасности...».

Отметим, что законодатель обозначает вынесение следователем постановления о сохранении в тайне подлинных данных о личности участника и факт изъятия его данных из материалов уголовного дела как следственное действие. Полагаем, что это действие следователя вряд ли можно именовать следственным. В данном случае использование уголовно-процессуальных терминов, по нашему мнению, является важным, на что обращалось внимание и в юридической литературе [9, с. 99–102].

Традиционно под следственными действиями понимаются процессуальные средства обнаружения, изъятия, проверки и исследования доказательств. В этом контексте процедура изъятия подлинных данных из материалов уголовного дела, присвоение лицу псевдонима и помещение в конверт постановления не может являться средством получения доказательств, а носит, скорее всего, именно процессуальный (процедурный) характер. По этой причине считаем целесообразным в ч. 9 ст. 166 УПК РФ заменить словосочетание «следственное действие» на «процессуальное действие»: «В случаях, не терпящих отлагательства, указанное процессуальное действие может быть произведено на основании постановления следователя или дознавателя...».

Отметим, что вынесение следователем постановления о применении исследуемой нами меры безопасности без согласия руководителя следственного органа (дознавателем – с согласия начальника органа дознания) по причине неотложности имеет свое процессуальное назначение. Неотложность должна быть вызвана срочными и не требующими временных затрат действиями, решениями по уголовному делу, которые гарантируют обеспечение защиты жизни, здоровья и иных благ участников досудебного производства по уголовному делу. При этом следователь, дознаватель обязаны предоставить принятое по делу решение о применении меры безопасности (постановление) без согласования, соответственно, руководителю следственного органа или начальнику органа дознания «при появлении для этого реальной возможности». Такая процедура устанавливает возможность ведомственного процессуального контроля за законностью, обоснованностью и своевременностью принятия решения о мере безопасности следователем, дознавателем со стороны, соответственно, руководителя следственного органа или начальника органа дознания.

К лицам, к которым может быть применено изъятие подлинных данных, ч. 9 ст. 166 УПК РФ относит только «потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц». Обратим внимание на то, что на основании ч. 1 ст. 42 УПК РФ статус потерпевшего может быть оформлен только после возбуждения уголовного дела и незамедлительного вынесения соответствующего постановления о признании лица потерпевшим. Таким образом, на стадии возбуждения уголовного дела потерпевшего как участника процесса быть не может, такое лицо именуется заявителем преступления или «лицом, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении» (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Вместе с тем ч. 3 ст. 11 УПК РФ включает более широкий состав участников уголовного судопроизводства, используя формулировку «или иным участникам уголовного судопроизводства». Следовательно, список лиц, к которым может применяться ч. 9 ст. 166 УПК РФ, должен быть расширен формулировкой «и иных участников процесса». Мы предлагаем следующую редакцию данной нормы: «...обеспечения безопасности потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц, а также иных участников досудебного производства...».

Также, на наш взгляд, нуждается в уточнении формулировка «выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных». Содержание любого постановления по уголовному делу включает основание принятия процессуального решения. Термин «причины» больше относится к такой отрасли юриспруденции, как криминология. В этой связи считаем необходимым заменить «причины» на «основания»: «...выносит постановление, в котором излагаются основания принятия решения о сохранении в тайне этих данных...».

До принятия решения следователь обязан дать всестороннюю оценку сведений, определить перспективы угрозы участнику досудебного производства по уголовному делу. В содержание такой информации может входить не только уголовно-процессуальная информация, но и, по нашему мнению, данные, полученные оперативно-разыскным путем. На основании совокупности этих данных следователь и должен принять решение об обеспечении рассматриваемой меры безопасности участнику уголовного судопроизводства.

После принятия решения о сохранении в тайне подлинных данных следователь обязан выполнить следующие действия:

- 1) вынести соответствующее постановление;
- 2) получить согласие у руководителя следственного органа на применение этой меры безопасности;

- 3) указать псевдоним участника досудебного производства по уголовному делу;
- 4) привести образец его новой подписи для будущих процессуальных документов;
- 5) поместить постановление в специальный конверт и опечатать его для ограничения доступа посторонних лиц;
- 6) обеспечить хранение данного конверта в «условиях, исключающих возможность ознакомления с ним иных участников уголовного судопроизводства».

Отметим, что действующее уголовно-процессуальное законодательство, к нашему сожалению, не конкретизирует условия хранения конверта с подлинными данными защищаемого лица.

Таким образом, считаем, что ч. 9 ст. 166 УПК РФ должна быть сформулирована в следующей редакции: «9. При наличии предпосылок обеспечения безопасности потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц, а также иных участников досудебного производства по делу следователь, дознаватель вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, а также иные участники досудебного производства, не приводить данные об их личности. В этом случае следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия начальника органа дознания выносит постановление, в котором излагаются основания принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается, приобщается к уголовному делу и хранится при нем в условиях, исключающих возможность ознакомления с ним иных участников уголовного судопроизводства. В случаях, не терпящих отлагательства, указанное процессуальное действие может быть произведено на основании постановления следователя или дознавателя о сохранении в тайне данных о личности участника следственного действия без получения согласия, соответственно, руководителя следственного органа, начальника органа дознания. В данном случае постановление следователя передается руководителю следственного органа, а постановление дознавателя – начальнику органа дознания для проверки его законности и обоснованности незамедлительно при появлении для этого реальной возможности».

Список источников

1. Андреева О.И. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе / О.И. Андреева, О.А. Зайцев, А.Ю. Епихин // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 436. – С. 225–229.

2. Епихин А.Ю. Безопасность личности как принцип уголовного процесса / А.Ю. Епихин // Российский следователь. – 2002. – № 4. – С. 13–17.

3. Епихин А.Ю. Междисциплинарные проблемы допроса защищаемого лица в судебном разбирательстве по уголовному делу / А.Ю. Епихин, А.В. Мишин // Проблемы противодействия преступности: опыт, современное состояние и пути решения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.А. Мамлюткина. – Чебоксары, 2019. – С. 94–100.

4. Епихин А.Ю. Межотраслевая система мер безопасности участников уголовного процесса / А.Ю. Епихин, А.В. Мишин // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2018. – С. 202–211.

5. Бакулина Л.Т. Подходы к исследованию правового регулирования / Л.Т. Бакулина // Lex Russica. – 2016. – № 8 (117). – С. 9–20.

6. Бакулина Л.Т. Реализация права / Л.Т. Бакулина, А.Р. Губайдуллин, А.В. Погодин. – Казань, 2012. – 134 с.

7. Дмитриева А.А. Поводы и основание принятия решения о применении уголовно-процессуальных мер безопасности к участникам досудебного уголовного судопроизводства / А.А. Дмитриева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – Т. 16, № 1. – С. 51–56.

8. Епихин А.Ю. Поводы и основания применения и реализации мер безопасности защищаемых лиц в уголовном судопроизводстве / А.Ю. Епихин // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. – 2004. – № 7. – С. 4–11.

9. Зайцев О.А. К вопросу о терминологической чистоте употребления уголовно-процессуальных понятий / О.А. Зайцев, А.Ю. Епихин // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2017. – Т. 27, № 2. – С. 99–102.

References

1. Andreeva O.I., Zaytsev O.A., Epikhin A.Yu. Prohibition of certain actions as a new security measure for a person in criminal trial. *Vestnik Tomskogo*

gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal, 2018, no. 436, pp. 225–229. (In Russian).

2. Epikhin A.Yu. Personal security as a principle of criminal procedure. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2002, no. 4, pp. 13–17. (In Russian).

3. Epikhin A.Yu., Mishin A.V. Interdisciplinary problems of interrogation of a protected person in a criminal trial. *Problemy protivodejstviya prestupnosti: opyt, sovremennoe sostoyanie i puti resheniya. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj pamyati professora V.A. Malyutkina* [Problems of combating crime: experience, current state and solutions. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Professor V.A. Malyutkin]. Cheboksary, 2019, pp. 94–100. (In Russian).

4. Epikhin A.Yu., Mishin A.V. *Intersectoral system of security measures for participants in criminal proceedings. Social'no-pravovaya zashchita detstva kak prioritetnoe napravlenie sovremennoj gosudarstvennoj politiki. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Socio-legal protection of childhood as a priority direction of modern state policy. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Cheboksary, 2018, pp. 202–211. (In Russian).

5. Bakulina L.T. Approaches to the study of legal regulation. *Lex Russica*, 2016, no. 8 (117), pp. 9–20. (In Russian).

6. Bakulina L.T., Gubaidullin A.R., Pogodin A.V. *Realizaciya prava* [Implementation of the law]. Kazan, 2012. 134 p.

7. Dmitrieva A.A. The grounds of making a decision on the application of criminal procedure security measures to participants of pre-judicial criminal proceedings. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 2016, vol. 16, no. 1, pp. 51–56. (In Russian).

8. Epikhin A.Yu. Reasons and grounds for the application and implementation of security measures for protected persons in criminal proceedings. *Vestnik Komi respublikanskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby i upravleniya. Seriya: Gosudarstvo i pravo = Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Administration and Management. Series: State and Law*, 2004, no. 7, pp. 4–11. (In Russian).

9. Zaitsev O.A., Epikhin A.Yu. On the problem of terminological purity in the use of concepts related to criminal procedures. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 99–102. (In Russian).

Информация об авторе

Мухаметшин Тимур Ришатович – соискатель кафедры уголовного процесса юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Information about the Author

Mukhametshin Timur Rishatovich – Degree Applicant of the Department of Criminal Procedure, Faculty of Law, Ulyanovsk State University.

Статья поступила в редакцию 10.11.2021; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 11.02.2022.

The article was submitted 10.11.2021; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 11.02.2022.

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.15

Тагиров Айрат Наилевич^{1,2}

¹Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Москва, Россия

²Следственное управление Следственного комитета Российской
Федерации по Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия

¹shadi@rambler.ru

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ РОЗЫСКА ИМУЩЕСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПЕРИОДА ОБРАЗОВАНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Цель статьи: анализ исторических правовых актов и актов правоприменения, регулирующих вопросы розыска похищенного имущества, периода образования и укрепления Русского централизованного государства. *Методы:* применялись частнонаучные методы: историко-правовой и толкования юридических норм. *Результаты:* исследование позволило выявить особенности розыска имущества и связанных с этим юридических действий. Получены достаточные основания полагать, что в период образования и укрепления Русского централизованного государства вопросы розыска похищенного имущества в уголовном судопроизводстве продолжали регламентироваться нормами Русской Правды. При этом розыск осуществлялся как самими потерпевшими (истцами) совместно с членами своей общины, так и представителями власти, выполняющими функции приставов, что подтверждается материалами уголовного дела 1503 г., в котором воспроизводится процедура гонения следа, известного со времен Русской Правды. Учитывая, что роль приставов выполняли и недельщики, высказывается обоснованное утверждение о том, что данные должностные лица могли проводить обыск как для задержания преступника, так и в целях розыска похищенного имущества (поличного).

Ключевые слова: Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Русская Правда, розыск имущества, история розыска, обыск

Для цитирования: Тагиров А.Н. Регламентация розыска имущества в законодательстве периода образования и укрепления Русского централизованного государства / А.Н. Тагиров // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 199–207. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.15.

Original article

Tagirov Ayrat Nailevich^{1,2}

¹Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

²Investigative Committee of the Russian Federation for the Nizhny Novgorod oblast, Nizhny Novgorod, Russia

¹shadi@rambler.ru

PROPERTY SEARCH REGULATION IN THE LEGISLATION OF THE PERIOD OF THE FORMATION AND STRENGTHENING OF THE RUSSIAN CENTRALIZED STATE

Abstract. *Purpose* of the article: to analyze historical legal acts and law enforcement acts regulating the search for stolen property in the period of the formation and strengthening of the Russian centralized state. *Methods:* specific scientific methods – historical-legal and the method of legal norms interpretation are applied. *Results:* the study reveals features of the search for property and related legal actions. There are sufficient grounds to believe that, during the formation and strengthening of the Russian centralized state, matters relating to the search for stolen property in criminal proceedings continued to be regulated by the rules of the Russkaya Pravda (Russian Truth). The search was carried out both by the victims themselves (complainants) together with members of their community and by the authorities acting as bailiffs, as confirmed by the case file of 1503, which reproduced the procedure of tracing, known since the times of the Russkaya Pravda (Russian Truth). Considering that the role of bailiffs was also performed by weekly bailiffs, there is a well-founded claim that these officials were able to conduct searches both to apprehend the perpetrator and to search for stolen property (red-handed).

Keywords: Sudebnik (Code of Laws) of 1497, Sudebnik (Code of Laws) of 1550, Russkaya Pravda (Russian Truth), property search, search history, searching

For citation: Tagirov A.N. Property search regulation in the legislation of the period of the formation and strengthening of the Russian centralized state. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 199–207. DOI DOI 10.33184/pravgos-2022.1.15. (In Russian).

В задачи отечественного уголовного законодательства в соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ входит охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности от преступных посягательств. Назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Одним из направлений деятельности правоохранительных органов в этой сфере является восстановление нарушенных преступлением имущественных прав потерпевших и интересов бюджетной системы. Данная деятельность заключается (прежде всего) в наложении ареста на имущество, за счет которого возможно возмещение вреда от преступления. Вместе с тем обеспечить исполнение приговора в части гражданского иска в целях реального возмещения причиненного ущерба зачастую невозможно без осуществления розыска и установления имущества по уголовным делам.

Для полноценного уяснения сущности розыска имущества необходимо обратиться к истории данного института, в частности к периоду образования Русского централизованного государства (XIV – начало XVI в.).

При великом князе Иване III (1462–1505) процесс централизации Русского государства близился к завершению. В состав Московского государства были включены Великий Новгород (1478) и Тверское княжество (1485). Начиная с Ивана III в России устанавливается самодержавие, первоначально понимаемое как независимость от Золотой Орды, которое, однако, еще не являлось абсолютной монархией. Именно в это время был создан первый общерусский свод законов – Судебник 1497 г. [1, с. 54–62], который в 1550 г. сменил Судебник царя Ивана IV [1, с. 97–120].

Изучение Судебника 1497 г. показало, что в нем регламентированы отдельные вопросы возмещения ущерба, причиненного преступлением, и процессуальных издержек. Например, согласно ст. 8 и 11 лицо, признанное виновным в совершении воровства («татьбы»), разбоя, убийства («душегубства»), злостной клеветы («ябедничества») или иного «лихого дела», на основании решения боярского суда подлежало смертной казни, а требуемое истцом (потерпевшим) выплачивалось из имущества преступника, при этом оставшаяся часть имущества передавалась боярину и дьяку (судье).

Обвинение со стороны пяти-шести заслуживающих доверия людей в воровстве, в случае, если доказано, что лицо ранее преступлений не со-

вершало, влекло обязанность возмещения ущерба без проведения судебного разбирательства (ст. 12), а при поимке с поличным лица, о котором есть свидетельство этого же количества «добрых людей» о том, что оно и ранее неоднократно совершало кражи, влекло применение смертной казни с одновременным возмещением вреда из имущества преступника (ст. 13). Под поличным понималось похищенное имущество, найденное у преступника.

Судебником 1497 г. регламентировался институт недельщиков (приставов).

Согласно словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона недельщиком «в допетровской Руси назывался судебный пристав, исполнявший свои обязанности по неделям ("быть в неделях"). Состояли недельщики при дьяках, которые вносили их имена в особые книги, при вступлении в должность». Этот же словарь, определяя понятие пристава, говорит, что это название «в Древней Руси употреблялось разное. ...В Москве приставами назывались исполнительные чины, на которых возлагались какие-либо особые поручения, например, сопровождение иностранных послов, для чего выбирались лица из знатнейших фамилий. В более узком смысле пристав – чиновник по судным делам, на обязанности которого лежал вызов на суд ответчика и свидетелей, а также производство взысканий по определению суда»¹. Таким образом, пристав – это должностное лицо, а недельщик – одна из функций пристава, своеобразный процессуальный статус.

Недельщику запрещалось проводить судебные действия в том городе, где он проживает. В обязанности его входили: вызов сторон в суд, розыск ответчика на основании приставной грамоты и его допрос при наличии соответствующего поручения, задержание (арест) ответчика и доставление его в суд (либо недельщик мог потребовать от ответчика поручительства о явке в суд к установленной дате), взимание пошлин со сторон дела. За исполнение своих обязанностей недельщик получал определенное законом вознаграждение («езд», «хоженое») от заинтересованной стороны.

В Судебнике 1497 г. отсутствуют какие-либо нормы о розыске имущества и направленных на его установление действиях. Представляется, что эти функции могли выполняться именно недельщиками (приставами). Так, С.И. Штамм в комментарии к ст. 28 Судебника 1497 г., посвященной порядку выдачи приставных грамот, отмечала, что данные грамоты разрешали последнему брать на поруки ответчика при вызове его в суд, производить обыски или иные действия, необходимые для расследования по делу или приведения в исполнение приговора [2, с. 79].

---

¹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз – Ефрон, 1890–1907 [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/71546 (дата обращения: 11.04.2021)

Причина, по которой Судебник 1497 г. совершенно не урегулировал вопрос розыска похищенного имущества, в отличие от более ранней Русской Правды, возможно, заключается в том, что «...в данный период сохраняет свое действие и прежнее законодательство. Особое значение имеет Русская Правда. О ее действии говорит появление новых редакций этого закона, а также то обстоятельство, что новое законодательство не во всем заменило прежнее» [2, с. 28]. Таким образом, есть все основания полагать, что в период образования и укрепления Русского централизованного государства вопросы розыска имущества в уголовном судопроизводстве продолжали регламентироваться нормами Русской Правды.

В более позднем Судебнике 1550 г. указанные вопросы получили схожую с Судебником 1497 г. регламентацию. Например, согласно ст. 52 задержание лица с поличным являлось основанием для проведения процедуры повального обыска, то есть опроса всех жителей определенной местности о личности подозреваемого.

Конечно, для прояснения исследуемой темы необходимо обратиться к сохранившимся приставным грамотам того периода, которые выдавались приставу для вызова сторон в суд и проведения необходимых действий (ст. 28 Судебника 1497 г.), однако, как отмечает А.А. Калашникова, например, от Пскова сохранилась только одна правая грамота 1483 г. суда Ярослава Васильевича Оболенского, иные документы, в том числе приставные грамоты, до нас не дошли [3, с. 143–150]. В обзорных работах, посвященных сохранившимся судебным документам, приставные грамоты также не упоминаются [4, с. 264–272].

Составителями сборника «Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в.» приведена всего одна приставная грамота 1462–1470 гг. [5, с. 238–239], однако по своему характеру она является «срочной» и содержит лишь предписание о вызове лиц в суд и предупреждение о том, что не явившийся будет «без суда виноват».

В то же время упоминание приставной грамоты встречается в других документах. Так, в жалованной оброчной грамоте верейского князя Михаила Андреевича Троице-Сергиева монастыря игумену Спиридонию на с. Илемну (1467) указано следующее: «А недельщику моему к ним в Илемну не въезжати, ни на поруку не дать без моей без приставной грамоты» [5, с. 252]. Как видно, здесь речь идет о полномочиях недельщиков по отобранию поручительства о явке в суд. Примечательно, что институт недельщиков упоминается в данном документе еще за 30 лет до создания Судебника 1497 г. Таким образом, Судебник законодательно закрепил их существование.

В другом документе – правой грамоте (1495–1499), данной судьей по земельному спору, записаны показания недельщика Васка Карачева, сооб-

щившему суду о том, что отобрал поручительство за ответчика Степанка Дорогу, который, однако, сбежал со своими поручителями [5, с. 293].

Изучение сборников исторических документов позволило выявить конкретное уголовное дело, в котором имеются сведения об успешном розыске похищенного¹. Так, С.М. Каштановым приведена датированная мартом 1503 г. правая грамота суда дворецкого Константина Григорьевича Заболоцкого прилуцким крестьянам Троице-Сергиева монастыря Федору и Константину Полуевым по тяжбе между ними и крестьянином с. Павловского Углицкого уезда Гридей Тевелгою о краже сена (список с судного списка) [6, с. 409–414]. Имеет смысл подробно привести обстоятельства данного дела, которое наглядно показывает практику данного исторического периода, в том числе гонения следа, известного еще по Русской Правде.

Итак, истцы сообщили суду, что (в прошедшую) зиму, прибыв на свой луг, обнаружили кражу тридцати копен сена. Они, взяв с собой доводчиков² («приставы») и местных крестьян («понятые», «погонные мужи»), а также образец похищенного, пошли по следу («да с остожья сена взявши, поехали есмь следом, трухою, куде сено везено»). Следы привели к жилищу Гриди Тевелги, во дворе которого было обнаружено похищенное, которое было изъято и опечатано («и мы с приставы и с мужми погонными то сено свое у него из сенници выняли», «и приставове ... запечатав следовое сено ... запечатав вынятое сено»). Сличение с образцом показало, что это и есть похищенное («наше сено следовое ... приложили к тому сену х краденому, ино сено одно»).

Судья велел приставам распечатать обнаруженное имущество и образцы, сравнил их и убедился в их однородности.

Далее были допрошены: обвиняемый, который отрицал причастность к краже и показал, что сено ему подкинули; приставы – по обстоятельствам поступившего сообщения о преступлении, мерах к розыску имущества и преступника, изъятию обнаруженного и его сличению с образцом, а также по пояснениям Гриди Тевелги о том, что изъятое он купил, но не сказал, у кого именно; другие участники гонения следа – по аналогичным вопросам.

По результатам судебного разбирательства преступник был осужден («обвинил и судил его в тати и выдал его исцем на казнь по Судебнику»), а

---

¹ Автор выражает признательность научному сотруднику Лаборатории комплексного исследования рукописных памятников Санкт-Петербургского института истории РАН А.А. Калашниковой, предоставившей сведения о данном уголовном деле и соответствующих источниках.

² Должностное лицо в штате наместника – представителя великокняжеской власти.

причиненный ущерб был возмещен путем обращения взыскания на его имущество («исцево велел доправить ... из его статков»). Как видно, в данной правой грамоте имеется и прямая ссылка на Судебник 1497 г.

Большое значение розыска похищенного имущества в доказывании вины можно проиллюстрировать ст. 13 «Правосудия митрополичьего» (ок. 1390–1420)¹ следующего содержания: «А татя без поличного ни вязати, ни казнити, ни повесити» [7, с. 23].

Нормы, связанные с розыском имущества, встречаются и в других правовых актах. Так, в ст. 11 Жалованной уставной грамоты великого князя Ивана Васильевича жителям г. Белоозера и белозерских станов и волостей (март 1488 г.) [7, с. 38–40] в качестве поличного определяется только то, что найдется в закрытом хранилище («а поличное то, что выимут из клетки из-за замка: а найдут что во дворе или в пустой хоромине, а не за замком, ино то не поличное»). В ст. 12 данной Жалованной уставной грамоты регламентирован порядок производства свода при обнаружении похищенного имущества («а у кого что познают татяное, а тот себя сведеть на свод, хотя и до десятого своду и до чеклого татя...»).

Схожего содержания статьи имеются в Жалованной уставной грамоте великого князя Василия Ивановича Переславским рыболовам от 7 апреля 1506 г. [7, с. 44–46] и в ряде других аналогичных правовых актах.

Таким образом, в ходе исследования получены достаточные основания полагать, что в период образования и укрепления Русского централизованного государства вопросы розыска похищенного имущества в уголовном судопроизводстве продолжали регламентироваться нормами Русской Правды. При этом розыск осуществлялся как самими потерпевшими (истцами) совместно с членами своей общины, так и представителями власти, выполняющими функции приставов, что подтверждается примером конкретного уголовного дела, приведенного в настоящей статье, в котором воспроизводится процедура гонения следа, известного со времен Русской Правды. Учитывая, что роль приставов выполняли и недельщики. Полагаем обоснованным утверждение о том, что они могли проводить и обыск – как для задержания преступника, так и в целях розыска похищенного имущества (поличного).

---

¹ Сложение «Правосудья» Л.В. Черепнин относил к деятельности митрополита Киприана, по заказу которого оно могло быть составлено для митрополичьего суда в Новгороде.

Список источников

1. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1985. 520 с.

2. Штамм С.И. Комментарий к Судебнику 1497 года / С.И. Штамм // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – Москва : Юридическая литература, 1985. С. 79.

3. Калашникова А.А. Правоприменение Судебника 1497 г. Насколько точно законодательные нормы применялись в суде? / А.А. Калашникова // Вызов времени: становление централизованных государств на востоке и западе Европы в конце XV–XVII в. – Калуга, 2019. – С. 143–150.

4. Калашникова А.А. К вопросу о классификации русских судебных документов XV – первой половины XVI в.: правые грамоты и судные списки / А.А. Калашникова // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 4. – С. 264–272.

5. Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / отв. ред. Б.Д. Греков. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 1. 804 с.

6. Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики / С.М. Каштанов. – Москва : Наука, 1970. 503 с.

7. Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / отв. ред. проф. Л.В. Черепнин. – Москва : Наука, 1964. Т. 3. 688 с.

References

1. Chistyakov O.I. (ed.). *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation from the 10th to the 20th centuries]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1985. Vol. 2. 520 p.

2. Shtamm S.I. Commentary on the Sudebnik of 1497. In Chistyakov O.I. (ed.). *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation from the 10th to the 20th centuries]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1985. Vol. 2, p. 79. (In Russian).

3. Kalashnikova A.A. Law Enforcement of the Sudebnik (Code of Laws) of 1497. How accurately were the legislative norms applied in court? *Vyzov vremeni: stanovlenie centralizovannyh gosudarstv na vostoке i zapade Evropy v konce XV–XVII v.* [Challenge of the times: the formation of centralized states in

the east and west of Europe at the end of the 15th–17th centuries]. Kaluga, 2019, pp. 143–150. (In Russian).

4. Kalashnikova A.A. To the issue of the Russian judicial documents' classification in the 15th – the first half of the 16th centuries: judgment charters and trial records. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal = Petersburg Historical Journal*, 2018, no. 4, pp. 264–272. (In Russian).

5. Grekov B.D. (ed.). *Akty social'no-ekonomicheskoy istorii Severo-vostochnoj Rusi konca XIV – nachala XVI v.* [Acts of the socio-economic history of North-Eastern Russia at the end of the 14th – beginning of the 16th centuries]. Academy of Sciences of the Soviet Union, 1952. Vol. 1. 804 p.

6. Kashtanov S.M. *Ocherki russkoj diplomatiki* [Essays on Russian diplomacy]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 503 p.

7. Cherepnin L.V. (ed.). *Akty social'no-ekonomicheskoy istorii Severo-vostochnoj Rusi konca XIV – nachala XVI v.* [Acts of the socio-economic history of North-Eastern Russia at the end of the 14th – beginning of the 16th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1964. Vol. 3. 688 p.

Информация об авторе

Тагиров Айрат Наилевич – аспирант кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, руководитель отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области.

Information about the Author

Tagirov Ayrat Nailevich – postgraduate student of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Nizhny Novgorod Oblast.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 21.12.2021; принята к публикации 22.12.2021.

The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 21.12.2021; accepted for publication 22.12.2021.

Научная статья

УДК 343.9

DOI DOI 10.33184/pravgos-2022.1.16

Шарапова Ирина Дамировна

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,

i.sharapova@sudexpert.ru

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ РАБОТНИКОВ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация. Актуальным вопросом функционирования судебно-экспертных учреждений (СЭУ) в Российской Федерации остается создание условий для антикоррупционного поведения и механизмов, крайне затрудняющих коррупцию работников СЭУ. *Цель:* анализ трактовок понятия «антикоррупционное поведение», рассмотрение методов и приемов пресечения коррупции, анализ аналогичных методов, применяемых в некоторых зарубежных странах. *Методы:* эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, статистические методы. *Результаты:* исследование позволило выявить методы и механизмы противодействия коррупции в СЭУ. Рассмотрен опыт Сингапура, Китая и Японии по формированию антикоррупционного поведения работников СЭУ, предложены способы противодействия коррупции в данной профессиональной сфере в нашей стране.

Ключевые слова: антикоррупционное поведение, Этический кодекс государственных судебных экспертов, стандартизация в области судебной экспертизы, повторная экспертиза, формирование антикоррупционного поведения, противодействие коррупции

Для цитирования: Шарапова И.Д. Формирование антикоррупционного поведения работников судебно-экспертных учреждений как один из элементов противодействия коррупции / И.Д. Шарапова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 208–218. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.16.

Original article

Sharapova Irina Damirovna

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia,
i.sharapova@sudexpert.ru

FORMATION OF ANTI-CORRUPTION BEHAVIOR IN FORENSIC INSTITUTIONS AS AN ELEMENT OF THE FIGHT AGAINST CORRUPTION

Abstract. The creation of conditions for anti-corruption behavior and mechanisms that make it extremely difficult for forensic employees to corrupt their operations remains a pressing issue for the functioning of forensic institutions (FI) in the Russian Federation. *Purpose:* to analyze interpretations of «anti-corruption behavior», examination of methods and techniques for combating corruption, as well as to analyze similar methods applied in some foreign countries. *Methods:* the author uses empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; statistical methods. *Results:* the study identifies methods and mechanisms to combat corruption in FI. The experiences of Singapore, China and Japan in promoting anti-corruption behavior in FI are reviewed, and ways of countering corruption in this professional area in our country are proposed.

Keywords: anti-corruption behavior, ethical code of state forensic experts, standardization of forensic examination, re-examination, formation of anti-corruption behavior, anti-corruption

For citation: Sharapova I.D. Formation of anti-corruption behavior in forensic institutions as an element of the fight against corruption. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 208–218. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.16. (In Russian).

Базой для формирования антикоррупционного поведения являются воспитание правосознания и нормативно-правовое регулирование. Нормы служебного поведения могут быть облечены в различные этические кодексы.

Антикоррупционное поведение – это совокупность сознательных действий по предотвращению и преодолению коррупционно опасных ситуаций.

На сегодняшний день нет единства в понимании данного термина учеными. Так, Т.Я. Хабриева рассматривает антикоррупционное поведение как «настоятельную необходимость, поскольку коррупция приобрела массовый характер» [1, с. 406].

С.Л. Рубинштейн считает, что сущность антикоррупционного поведения связана с тем, как работник относится к другим людям и окружающему миру [2, с. 40].

По мнению Ю.М. Антоняна, в коррупционном поведении переплетены игровые и корыстные мотивы, детерминирующие друг друга. Наличие этих двух факторов объясняет не только распространенность коррупции, но и то, что коррупционное поведение реализуется на протяжении длительного времени, фактически становясь образом жизни¹.

В целом же, если рассматривать антикоррупционное поведение как систему сознательно применяемых работниками СЭУ методов и приемов профессиональных действий, можно говорить о том, что вся эта система будет работать при наличии определенных факторов.

Слабые стороны системы организации способствуют коррупции, среди них можно выделить труднопонижаемые и трудновыполнимые законы и указания [3, с. 350], двойственное толкование нормативно-правовых актов, отсутствие должного контроля со стороны руководства за действиями подчиненных и, как следствие, слишком большую свободу действий; из социально-бытовых условий: низкая оплата труда, плохие бытовые условия. Говоря о психологических сторонах, необходимо выделить такие качества личности, как завышенные требования, спекулятивное мышление, «продажность» работников, личные проблемы. Именно поэтому, учитывая изложенное, нужно понимать, что формирование антикоррупционного поведения возможно начиная с момента становления эксперта как специалиста, а именно путем совершенствования порядка обучения, включив в него элемент образовательного курса для будущих экспертов и уже работающих, разработки ряда мер по формированию антикоррупционной устойчивости с акцентированием внимания на укреплении дисциплины, повышении моральных качеств, изучении типовых случаев коррупции, знании законов. Разработка правил и процедур в отношении подарков и спонсорской помощи также способствует формированию антикоррупционного поведения работников СЭУ.

Одним из преступлений коррупционной направленности в судебно-экспертной деятельности является фальсификация результатов экспертного исследования, выявление признаков которой на сегодняшний день остается сложной и трудноразрешимой проблемой, поскольку грань между экспертной ошибкой и фальсификацией очень тонкая. Согласно УПК РФ заключение эксперта относят к доказательству по уголовному делу, которое должно

---

¹ Антонян Ю.М. Типология коррупции и коррупционного поведения [Электронный ресурс]. URL: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html> (дата обращения: 12.09.2021).

соответствовать признакам относимости, допустимости, достоверности. Личная, прямая или косвенная заинтересованность эксперта в деле предполагает преднамеренные действия эксперта, использующего специальные знания для формирования вывода, и побуждает его к фальсификации результатов экспертного исследования [3, с. 351]. При производстве повторной экспертизы перед экспертом ставят те же вопросы, что и при первичной экспертизе, предоставляют те же вещественные доказательства и объекты, которые были исследованы ранее. Сегодня можно говорить о том, что повторная экспертиза, проведенная экспертом, соблюдающим принцип независимости, поможет установить факт заинтересованности и фальсификации результатов экспертного исследования, иначе говоря, способствует выявлению в действиях эксперта коррупционной составляющей.

Одним из гарантов антикоррупционного поведения может выступать формирование навыков такого поведения, которое предусматривает сознательное возложение на себя моральных обязательств, ограничений и запретов. Как вариант такого решения – документальное закрепление таких норм в Этическом кодексе государственных экспертов, который был разработан федеральным бюджетным учреждением «Российский федеральный центр судебной экспертизы» при Министерстве юстиции РФ и одобрен на Всероссийском совещании руководителей государственных судебно-экспертных учреждений Минюста РФ 26 марта 2011 г.¹ Кодекс учитывает основные требования к нормам профессионального поведения экспертов, которые рассматриваются как этические требования, и особые требования, обусловленные спецификой деятельности эксперта, призванные закрепить правила его организационного поведения.

Следующим механизмом создания условий для антикоррупционного поведения работников СЭУ могла бы стать система безопасного сообщения о совершаемых коррупционных преступлениях по «европейской модели» защиты сотрудников, заявляющих о коррупции, когда работник чувствует себя в полной безопасности, ему гарантированы оставление в должности и заработная плата.

Создать благоприятные условия для антикоррупционного поведения призвана и стандартизация в области судебной экспертизы. Она одновременно решает задачи по выработке единых научно-методических подходов к экспертной практике путем их регламентации, а также проблему разгра-

---

¹ Этический кодекс государственных экспертов судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/protivodejstvie-korrupcii/eticheskij-kodeks/> (дата обращения: 12.09.2021).

ничения ошибочных и заведомо ложных заключений эксперта [4, с. 148], создавая при этом прозрачную систему судебно-экспертной деятельности.

Согласно проведенному статистическому исследованию (см. рис.), в котором приняли участие более 300 практикующих судебных экспертов, значительное влияние на формирование антикоррупционного поведения оказывает продуманная система мотивации. 246 респондентов выступили за ее внедрение (отметим, что часть опрошенных выбрали несколько вариантов ответа).

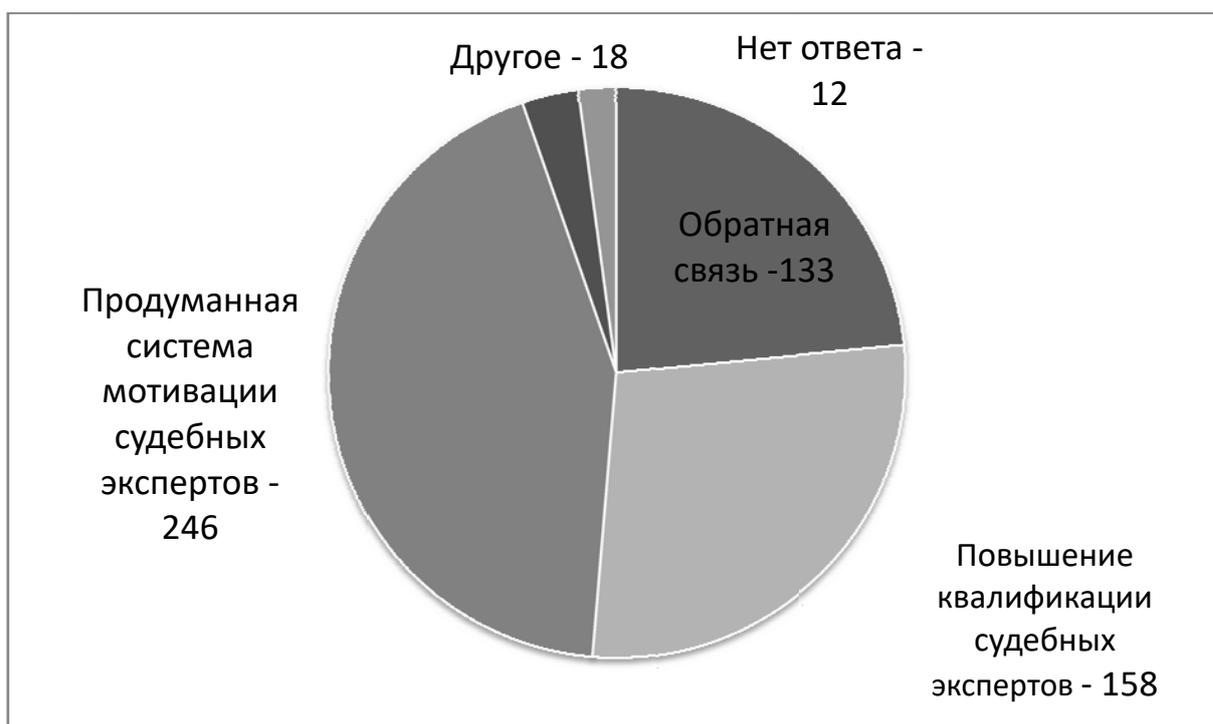

Рис. Факторы формирования антикоррупционного поведения экспертов

Представляется, что система мотивации судебных экспертов должна включать не только повышение заработной платы, но и премирование.

Согласно результатам статистического исследования помимо создания продуманной системы мотивации судебных экспертов на формирование антикоррупционного поведения также способны оказать влияние:

- совершенствование существующей системы обратной связи;
- формирование системы, в которой СЭУ будут обладать достаточным финансированием для внедрения инновационных методов судебной экспертизы, создания системы контроля действий судебных экспертов, их переобучения (с учетом современных международных тенденций).

Недостаток финансирования (в особенности в той части, которая затрагивает размер заработных плат, премий) повышает риск коррумпиро-

ванности судебного эксперта, как и любого другого государственного служащего. Разработка этического кодекса судебного эксперта, методических рекомендаций и стандартов может оказаться неэффективной, если не провести работу в области дополнительного финансирования СЭУ в частности и судебных экспертов в целом. Если достойная заработная плата снизит риск проявления коррумпируемости судебного эксперта, то наличие необходимого для работы оборудования, возможность свободно совершенствовать свои знания, умения и навыки положительно скажется на результатах проводимых экспертиз.

При формировании антикоррупционного поведения судебных экспертов в Российской Федерации можно учесть опыт зарубежных стран, в частности Сингапура. Несмотря на то что коррупция затронула и это государство (особенно в период существования Сингапура как колонии Великобритании, а также в послевоенный период), сегодня оно вполне успешно справляется с коррупцией. Количество государственных служащих, привлеченных за совершение коррупционных преступлений в Сингапуре, на протяжении последних шести лет не превышает 10 % от всех лиц, привлеченных к ответственности за это деяние. Это один из самых низких показателей коррупции в государственном секторе среди государств.

Добиться такого уровня удалось благодаря созданию в Сингапуре специального органа – Бюро по расследованию случаев коррупции и преступлений, с ней связанных (СРИБ)¹. Это узкоспециализированный орган, занимающийся расследованием только конкретных преступлений. Он находится в подчинении премьер-министра Сингапура и уполномочен проводить расследования даже в отношении действующего президента государства.

Бюро по расследованию случаев коррупции в Сингапуре действует на всех уровнях – государственном и частном. В рамках расследования случаев коррупции Бюро взаимодействует с государственными органами и частными учреждениями².

Интересно построена система взаимодействия Бюро с государственными органами: во всех существующих ведомствах, вне зависимости от их уровня (центральный, региональный, муниципальный), имеется контакт-

---

¹ Сингапурское бюро по расследованию случаев коррупции и связанных с ней преступлений [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cpiib.gov.sg> (дата обращения: 12.10.2021).

² Hin K.T. Corruption control in Singapore. The 13th international training course on the criminal justice response to corruption visiting experts' papers [Электронный ресурс]. URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No83/No83_17VE_Koh1.pdf (дата обращения: 12.10.2021).

ное лицо Бюро, к которому сотрудники государственного органа могут обратиться за помощью при столкновении со случаями коррупции¹.

Бюро регулярно проводит семинары, лекции, иные мероприятия с сотрудниками государственных органов (в том числе и с судебными экспертами), направленные на развитие антикоррупционного поведения. В рамках его деятельности проводится не только расследование коррупционных и связанных с ними преступлений, но и исследование законодательства на предмет наличия в нем лазеек, которые могут использовать коррупционеры.

Противодействие коррупции и формирование антикоррупционного поведения в частном секторе проводится следующими способами:

– путем формирования негативного общественного мнения о коррупции;

– путем создания открытого механизма функционирования Бюро.

Все лица, проживающие или находящиеся на территории Сингапура, имеют право открыто или анонимно сообщить о случае коррупции в Бюро – посредством электронного, обычного письма, телефонного звонка и т. д.

Бюро расследования случаев коррупции в Сингапуре вносит вклад в формирование антикоррупционного поведения тем, что оно ведет свою деятельность максимально открыто для общественности. Каждый расследованный Бюро случай коррупции размещается на сайте Бюро в сети Интернет. Информация, размещенная в публикациях, подробно раскрывает не только случаи коррупции, но и информацию о тех, кто был в нее вовлечен, вне зависимости от статуса и положения в обществе. Под каждой опубликованной новостью содержится упоминание о том, как можно заявить о случае коррупции (вместе с памяткой)².

Такой метод формирования антикоррупционного поведения стоит взять на вооружение – он работает не только в отношении судебных экспертов, но и в отношении всего общества. Раскрытие информации о коррупции и освещение ее не просто в СМИ, а на сайте государственного ведомства демонстрирует негативность этого явления и то, что его не должно быть в цивилизованном обществе.

Вероятно, стоит взять на вооружение опыт Сингапура и в формировании стандартов по противодействию коррупции. В настоящее время в

---

¹ Lim V. An overview of Singapore's anti-corruption strategy and the role of the CPIB in fighting corruption [Электронный ресурс]. URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No104/No104_18_VE_Lim_1.pdf (дата обращения: 12.10.2021).

² Сингапурское бюро по расследованию случаев коррупции и связанных с ней преступлений. Пресс-релизы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cpiib.gov.sg/press-room/press-releases/081021-three-charged> (дата обращения: 12.10.2021).

стране действует стандарт для систем управления борьбой со взяточничеством, который также применим при формировании антикоррупционного поведения судебных экспертов.

Аналогичная система существует и в Китае, хотя, как отмечают иностранные исследователи, в этой стране она не идеальна. За последние 10 лет высшая мера наказания за коррупционные преступления не была применена ни к одному высокопоставленному лицу [5]. Новый этап противодействия коррупции (а значит – формирования антикоррупционного поведения) в Китае только начинает свое развитие. Основываясь на последних изменениях в законодательстве этого государства, можно предположить, что формирование антикоррупционного поведения в Китае будет проходить под влиянием трех основных элементов:

- работа Бюро по предупреждению и борьбе с коррупцией;
- жесткость наказания за коррупционные правонарушения;
- система «социального рейтинга», внедрение которой стартовало в

Китае.

Учитывая тот факт, что ужесточение наказания и система социального рейтинга, скорее всего, не будут иметь должного эффекта, считаем необходимым обратиться к более внимательному изучению опыта Сингапура и адаптации его к российским реалиям.

Интерес для исследования представляет и опыт Японии. Как указывают исследователи, в международном сообществе Япония воспринимается как относительно «чистая» страна с точки зрения взяточничества и коррупции (государство занимает 20-е место в Индексе восприятия коррупции за 2019 г.)¹. В то же время проблема коррупции все еще остается актуальной для Японии. С целью предотвращения коррупции там действуют: Уголовный кодекс Японии, Закон о предотвращении недобросовестной конкуренции, Закон о контроле за политическими фондами, Национальный закон об этике государственной службы, Национальный кодекс этики государственной службы.

Японское законодательство направлено на предотвращение коррупции как внутри страны, так и за ее пределами (например, в иностранных компаниях, представленных на территории Японии). Указанные нормативные акты действуют и в отношении судебных экспертов. Требования нормативных актов, затрагивающих этику государственной службы, позволяют вполне успешно противодействовать коррупции в государственных ор-

---

¹ Manabe K., Umetsu H., OnoSh. The Anti-Bribery and Anti-Corruption Review: Japan [Электронный ресурс]. URL: <https://thelawreviews.co.uk/title/the-anti-bribery-and-anti-corruption-review/japan> (дата обращения: 14.10.2021).

ганах. Что касается коррупции в частных учреждениях, то здесь законодательство Японии работает иначе – есть перечень исключений, которые не могут рассматриваться в качестве неправомерной выгоды от бизнеса. К ним относят: предоставление прохладительных напитков и еды на деловой встрече, предоставление соответствующего сезонного подарка по низкой цене в соответствии с культурными обычаями, поездку с должностным лицом иностранного государства в служебном автомобиле, если необходимость в ней вызвана посещением офиса компании и условиями транспортировки.

Во всех СЭУ Минюста РФ на сегодняшний день приняты меры по противодействию коррупции. В частности, в трудовые договоры с работниками включены условия о соблюдении законодательства Российской Федерации. Действующие у работодателя локальные нормативные акты в сфере противодействия коррупции предусматривают соблюдение Положения о сообщении о получении подарка в связи с должностным положением или исполнением должностных обязанностей, сдаче, оценке и реализации (выкупе) подарка. Государственному судебному эксперту рекомендуется соблюдать Этический кодекс государственных экспертов судебно-экспертных учреждений Минюста РФ.

Помимо этого в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» государственному судебному эксперту запрещается:

- осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта;
- принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения;
- вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела¹.

В целом решение рассматриваемого вопроса имеет положительную динамику. Представляется, что в ближайшее время будет выработан и усовершенствован подход к созданию условий, крайне затрудняющих возможности коррупционного поведения работников СЭУ, а также разработаны соответствующие потребностям времени организационные и нормативные основы противодействия коррупции.

---

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ // Российская газета. 2001. 5 июня.

Список источников

1. Хабриева Т.Я. Научные подходы к освоению современных стандартов и технологий противодействия коррупции / Т.Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2014. – № 3. – С. 404–412.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 713 с.
3. Повторная экспертиза как способ выявления коррупционных действий в экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел России / М.Т. Аширбекова, Д.В. Кайргалиев, А.В. Кондаков, Д.В. Васильев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10, № 2.– С. 349–357.
4. Чеснокова Е.В. Стандартизация в судебной экспертизе как системная деятельность, препятствующая коррупции / Е.В. Чеснокова // Закон и право. – 2019. – № 2. – С. 148–150.
5. Anticorruption policy in modern China: basic principles and directions / A.Yu. Mamychev, S.I. Vershinina, N.A. Blokhina // Revista San Gregorio. Special edition. – 2018. – № 25. – P. 158–169.

References

1. Khabrieva T.Ya. Scientific approaches to the development of modern standards and technologies for combating corruption. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2014, no. 3, pp. 404–412. (In Russian).
2. Rubinshtein S.L. *Osnovy obshchej psihologii* [Fundamentals of General Psychology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2009. 713 p.
3. Ashirbekova M.T., Kairgaliev D.V., Kondakov A.V., Vasiliev D.V. Re-examination as a method of detecting corruption in the forensic activities carried out by Russian internal affairs bodies. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 349–357. (In Russian).
4. Chesnokova E.V. Standardization in forensic science as the system activity interfering corruption. *Zakon i pravo = Law and Justice*, 2019, no. 2, pp. 148–150. (In Russian).
5. Mamychev A.Yu., Vershinina S.I., Blokhina N.A. Anticorruption policy in modern China: basic principles and directions. *Revista San Gregorio. Special edition*, 2018, no. 25, pp. 158–169.

Информация об авторе

Шарапова Ирина Дамировна – аспирант юридического института Российского университета дружбы народов.

Information about the Author

Sharapova Irina Damirovna – postgraduate student of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021; одобрена после рецензирования 28.01.2021; принята к публикации 10.01.2022.

The article was submitted 01.12.2021; approved after reviewing 28.01.2021; accepted for publication 10.01.2022.

Научная статья

УДК 343.9

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.17

Юсупов Артур Мансурович

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,

prok_iu_ufa@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В КРЕДИТНО-ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Использование специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям в кредитно-финансовой сфере имеет свою специфику. Это обусловлено тем, что в российской криминалистической доктрине быстрота и полнота раскрытия преступлений признаются производными от быстроты реализации полномочий следствия в тот момент, когда проверка полученной информации о преступлении требует использования специальных знаний. Однако сама по себе оперативность еще не обеспечивает успех, потому что результативность в большей степени зависит от качества проверки сообщения о преступлении, что в значительной мере предопределяет эффективность дальнейшей процессуальной деятельности. *Цель* статьи – исследование проблемы использования специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям в кредитно-финансовой сфере. При этом специальными автор предлагает считать знания в сфере банковской деятельности, финансово-кредитных отношений, функционирования и правового регулирования соответствующего рынка. Они не должны быть общими и общеизвестными, а должны быть получены в результате профессионального образования и доведены до экспертного уровня, признанного профессиональным сообществом и органом предварительного следствия. Применительно к предмету настоящего исследования это знания бухгалтерского учета и аудита, банковского дела, рынка ценных бумаг, банковского и корпоративного права, деловых обычаев и лучших практик в банковской сфере, банкинга, цифровых технологий, применяемых в банковской сфере, информационного права, а также основ и особенностей функционирования паралегального (серого) и теневого секторов экономики. *Методы:* общенаучные и частнонаучные методы познания (формально-юридический, формально-логический,

документального анализа). *Результаты:* проводя проверку сообщения о преступлении в банковской сфере, следователь вправе и может получить от специалиста сведения о порядке и условиях открытия расчетных и иных счетов изучаемого лица, о формах проведенных безналичных и иных расчетов, о соответствии оформления бухгалтерских документов, отражающих расчетные и иные операции, закону и правилам ЦБ РФ, о способах ведения бухгалтерского учета, использовании инструментов налоговой оптимизации, наличии просроченных обязательств. При этом наиболее частым поводом для доследственной проверки по фактам незаконной банковской деятельности является незаконное обналичивание, которое реализуется по известным типовым схемам и, как правило, не требует сложных экспертиз. В связи с этим для следователя в большинстве случаев приоритетно, финансово и процессуально экономно и оперативно воспользоваться специальными знаниями сведущего лица, чем назначать экспертизу. Использование специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела в кредитно-финансовой сфере встречает два вида препятствий: объективные и субъективные. Во-первых, это дефицит исходной информации, утрата документов, файлов, а также получение банковской информации, охраняемой банковской тайной, если в сферу проверки вовлечена действующая легальная финансово-кредитная организация. Во-вторых, субъективные препятствия: слабая подготовка, некомпетентность специалиста или следователя, неверно ставящего задачу сведущему лицу и (или) неспособного адекватно использовать полученную информацию.

Ключевые слова: незаконная банковская деятельность, специальные познания, специалист, заключение эксперта

Для цитирования: Юсупов А.М. Использование специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела в кредитно-финансовой сфере / А.М. Юсупов // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 219–234. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.17.

Original article

Yusupov Artur Mansurovich

Bashkir State University, Ufa, Russia, prok_iu_ufa@mail.ru

**USE OF SPECIAL KNOWLEDGE AT THE STAGE
OF INITIATION OF CRIMINAL CASES
IN THE CREDIT AND FINANCIAL SPHERE**

Abstract. The use of special knowledge in the initiation of criminal cases in the field of credit and finance has some particularities. This is because, in Russian forensic doctrine, the speed of crime detection depends on the speed of investigative powers realization at the moment when the verification of the received information about a crime requires the use of special knowledge. At the same time, speed alone does not ensure success because the efficiency depends on the quality of the investigation of the crime report, which largely determines the effectiveness of further procedural activities. The *purpose* of the article is to study the problem of the use of special knowledge at the stage of initiation of criminal crimes in the credit and finance sphere. The author proposes to consider special knowledge as the knowledge in the sphere of banking, financial and credit relations, functioning and legal regulation of the relevant market. It should not be common and well-known, but it should be the result of vocational education and training and it should correspond the expert level recognized by the professional community and preliminary investigation bodies. For the subject matter of this study, this is the knowledge of accounting and auditing, banking, securities market, corporate law, business practices, digital banking, information law and the foundations and special functions in informal sectors of the economy. The subject matter of this study is knowledge of accounting and auditing, banking, securities market, banking and corporate law, business customs and best practices in banking, digital banking, information law and the foundations and features of the operation of the paralegal (grey) and shadow sectors of the economy. *Methods:* the author applies general scientific and specific scientific methods of cognition (formal-legal, formal-logical methods, documentary analysis). *Results:* when verifying a report of a crime in the banking sphere, the investigator is entitled and may obtain from a specialist any information on the status and conditions for opening settlement and other accounts of the person under examination, on the forms of non-cash and other settlements made, on the compliance of accounting documents reflecting settlement and other transactions with the law and rules of the Central Bank of the Russian Federation, on methods of accounting, use of tax optimization instruments, existence of overdue

obligations. Moreover, the most frequent reason for preliminary verification of illegal banking activities is illegal cashing, which is carried out according to known model schemes and usually does not require complicated examinations. Therefore, in most cases, for the investigator it is a priority, financially and procedurally, economically and promptly to take advantage of the special knowledge of a competent person than to appoint an examination. The use of special knowledge at the stage of initiation of criminal cases in the area of credit and finance meets two types of obstacles: objective and subjective. Firstly, it is the lack of initial information, the loss of documents, files, as well as the receipt of banking information protected by banking secrecy, if the scope of the verification involves an operating legal financial and credit organization. Secondly, there are subjective obstacles: poor training, incompetence of a specialist or an investigator who incorrectly assigns a task to a competent person and (or) is unable to adequately use the information received.

Keywords: illegal banking activity, special knowledge, specialist, expert opinion

For citation: Yusupov A.M. Use of special knowledge at the stage of initiation of criminal cases in the credit and financial sphere. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 219–234. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.17. (In Russian).

В российской криминалистической доктрине быстрота и полнота раскрытия преступлений признаются производными от быстроты реализации полномочий следствия «по применению специальных знаний при проверке полученной информации о преступлении» [1, с. 57–60]. В то же время сама по себе оперативность еще не обеспечивает успех. В большей степени его определяет качество проверки сообщения о преступлении, которое, как обоснованно полагает Ю.Ф. Байков, в значительной мере предопределяет эффективность дальнейшей процессуальной деятельности [2, с. 83–85].

Содержательная часть специальных знаний была раскрыта А.А. Эйманом, который характеризовал их как неюридические и не общеизвестные познания, которыми владеет относительно узкий круг специалистов [3, с. 91]. На этой основе современные исследователи систематизируют базовые признаки таких знаний: необщеизвестность, необщедоступность, получение и развитие в результате профессионального образования и профессиональной деятельности [4, с. 155–161].

Специальными, по мнению Р.С. Белкина, следует считать знания, полученные на практике, в результате специальной подготовки либо профессионального опыта, на базе системных теоретических знаний в определенной сфере [5, с. 170–177].

Из числа специальных применительно к предмету настоящего исследования следует исключить знания в сфере уголовного и уголовно-процессуального права, профессиональные знания уполномоченных лиц органов дознания и предварительного следствия, используемые для выявления и оценки данных, свидетельствующих о наличии признаков «банковского» преступления, и для последующей квалификации обстоятельств уголовного дела. Все прочие юридические знания следует считать специальными. Это могут быть знания бухгалтерского учета и аудита, банковского дела, рынка ценных бумаг, банковского и корпоративного права, банкинга, цифровых технологий, применяемых в банковской сфере, информационного права [6, с. 160–163].

В соответствии со ст. 58 УПК РФ специалистом считается лицо, которое обладает специальными знаниями и привлекается к участию в процессуальных действиях в порядке УПК РФ для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста. При этом необходимо подчеркнуть, что речь идет о процессуальных действиях и «исследовании материалов уголовного дела», то есть об этапе уже возбужденного уголовного дела. Следователь полномочен пригласить специалиста и для участия в следственном действии (ч. 5 ст. 164 УПК РФ).

Действующий уголовно-процессуальный закон (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) предусматривает использование специальных знаний на доследственном этапе. Заключение эксперта должно быть предоставлено в разумный срок. Кроме того, следователь полномочен привлечь специалиста к осмотру места происшествия, документов, предметов. Специалист может быть приглашен для документальной проверки и ревизии. Чаще всего лица, обладающие специальными знаниями, дают письменные и устные консультации.

Применительно к осмотру места происшествия при проверке сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 172 УК РФ, оптимальна классификация типов осмотра, производная от уровня участия специалистов, предложенная литовскими криминалистами. Первый уровень – простой осмотр, не требующий участия специалиста, второй – квалифицированный осмотр (в составе следственно-оперативной группы с приглашением специалиста) и третий – исследование места происшествия, для которого приглашается квалифицированный эксперт [7, с. 29].

В криминалистической доктрине активно обсуждается вопрос о документальной проверке и ревизии статуса процессуального (следственного) действия ввиду их внешнего сходства с судебной экспертизой [8, с. 142].

С данной позицией сложно согласиться, поскольку ревизии вряд ли может быть придан процессуальный статус следственного действия, так как она традиционно является и остается основным средством (инструментом) финансово-экономического контроля [9, с. 295–299].

Также излишне вводить строгую обязательность ревизий и документальных проверок при проверке сообщений о преступлении в банковской сфере. Процессуальная самостоятельность следователя предполагает и его право (усмотрение) на их назначение при необходимости. Жесткая регламентация, обязательность в данном случае нарушили бы принцип свободы сбора и оценки доказательств. Кроме того, такого рода обязательность в части случаев невозможно обеспечить. Например, ревизию нельзя провести, если нет необходимых документов и (или) материалов.

Незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ) считается «финансовым преступлением» [10, с. 410] ввиду отнесения данной статьи к сфере экономики (гл. 22 УК РФ), однако банковская деятельность имеет свою явно выраженную специфику, отличающую ее от финансовой деятельности. Поэтому она регулируется специальными законами, а не в целом в рамках финансово-правового регулирования. В этом смысле правильно вести речь о «банковском» преступлении, предполагая, что оно совершено в финансово-кредитной сфере.

Следы незаконной банковской деятельности всегда остаются в бухгалтерских и иных документах, где фиксируется проведение псевдобанковских операций. Эти документы создаются и хранятся в электронном виде на жестких дисках компьютеров, а также в сетевых хранилищах, где и следует искать следы доказательственной информации, пусть и после попыток уничтожения.

Традиционно еще советские исследователи указывали на полезность максимального использования специальных знаний и результатов научных изысканий на стадии возбуждения уголовного дела, особенно в условиях научно-технического прогресса (а сегодня – перехода к информационному обществу и цифровизации) [11, с. 38]. В то же время в СССР после национализации банков не было и не могло быть понятия «незаконная банковская деятельность», в УК РСФСР отсутствовал соответствующий состав. Таким образом, российские доктринальные разработки фактически не могут опереться на традицию, разработки предшественников, как это имеет место применительно к другим видам преступлений, особенно так называемым общеуголовным [12, с. 6–10].

Сегодня большинство признаков банковских преступлений выявляются лишь с помощью обладателей специальных знаний. В мировой практике, в частности ФБР, большинство случаев фальсификации финансовой информации и корпоративного мошенничества в банковской сфере связы-

вают с бухгалтерскими схемами, которые задуманы, чтобы обмануть инвесторов, аудиторов и аналитиков об истинном финансовом состоянии субъекта. Такие случаи, как правило, включают манипулирование финансовыми данными, ценой акций или другими оценочными измерениями, чтобы сделать финансовые показатели лучше, чем они есть на самом деле [13]. Потерпевшие, общество и следователь способны увидеть лишь результат этой деятельности, тогда как выявить ее механизм способен лишь специалист.

А.В. Бурцев полагает, что это важный, но не определяющий фактор, который детерминирует максимально возможное приглашение специалистов, а также интерпретацию полученных ими результатов, чтобы они могли стать базой для вынесения законных и обоснованных процессуальных решений, в том числе и в порядке ст. 140–144 УПК РФ. Ученый обращает внимание на то, что применение специальных знаний на этапе проверки дает возможность не только устранить или предупредить разного рода ошибки, но и предотвратить необоснованное вовлечение лиц в уголовное судопроизводство [1, с. 57–60]. Кроме того, адекватное использование знаний специалистов минимизирует возможные ошибки следателя, как и возможность принятия не вполне обоснованных процессуальных решений, когда они принимаются лишь по материалам, «лежащим на поверхности», без их компетентного исследования [14, с. 18].

Кроме того, самого по себе назначения и проведения судебных экспертиз явно недостаточно, так как релевантность их результатов, а также их интерпретация возможны лишь в том случае, когда прибегают к использованию специальных знаний сведущих лиц, которые помогают следователю своими консультациями при подготовке и проведении следственных действий.

На практике расследование незаконной банковской деятельности всегда вызывает вопросы, разрешение которых требует широких, в том числе и экономических (финансово-кредитных), знаний [1, с. 59]. Поэтому необходимо участие специалиста, в том числе и при практическом применении следователем норм банковского права, решении вопроса о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ.

По нашему мнению, совершенно очевидно, что участие специалиста следует признать не просто эффективным средством преодоления следователем информационной неопределенности по вопросам, решение которых предполагает глубокие профессиональные знания и практический опыт [15, с. 71–73], а как обязательную составляющую доследственной проверки. На наш взгляд, это обусловлено тем, что еще до возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, возникает потребность в изъятии большого объема документов. Чтобы оп-

ределить перечень необходимых документов и затем правильно их изъять (особенно это касается электронной формы хранения), чаще всего необходимо содействие специалиста.

Кроме того, расследование преступлений, предусмотренных ст. 172 УК РФ, в немалом количестве случаев сопровождается необходимостью обращения следователя к лицу, специализирующемуся в сфере ценных бумаг и их оборота. В условиях высоких темпов цифровизации банковской и финансовой сферы следователю сложно адекватно проводить следственные действия по бездокументарным ценным бумагам, требуется помощь специалиста, который определит разновидность ценной бумаги, ее реальную текущую и потенциальную рыночную стоимость, параметры эмиссии и особенности оборота.

Помимо доследственной проверки в соответствии со ст. 144 УПК РФ специалист также полезен для следователя и в последующем. При производстве предварительного расследования, например, он может принимать участие в следственных действиях (ст. 57, 168 УПК РФ) в соответствии с их планом, составной частью которых являются консультации по выбору необходимых технико-криминалистических средств и методов.

Кроме того, специалист привлекается к следственным действиям в случае необходимости расшифровки переговоров с вкладчиками, инвесторами и клиентами. Специалисты в сфере психологии необходимы для выявления поведенческих признаков, наличие которых может свидетельствовать об утайке либо искажении информации, специалисты в сфере экономики и финансов – для понимания и оценки ситуации, документов и пояснений (на доследственном этапе) по неясным и узкоспециальным вопросам. Также специалист приглашается при выборе тактики опроса, содействуя в оценке полученной информации, предметов и документов, касающихся обстоятельств дела. Специалист содействует в определении соответствия сведений предполагаемо причастных лиц тому, что отражено в документах.

В ходе изучения ценных бумаг следователь может использовать знания специалиста для сбора и анализа криминалистически значимой информации. При осмотре предметов и документов следователь полномочен пригласить сведущее в обороте ценных бумаг лицо для определения документов, которые имеют значение для дела.

Необходимо отметить, что в современной криминалистической доктрине пока нет общего понимания вопроса о формах применения специальных знаний на доследственной стадии уголовного судопроизводства. Так, Я.Д. Ревенко исходит из того, что УПК РФ регламентирует лишь такие действия в качестве двух форм использования специальных знаний: назначение и проведение экспертизы, привлечение специалиста [16, с. 75].

Н.Н. Зуйков, существенно расширяя этот перечень, пишет, что специальные знания могут быть использованы и без специалистов и экспертиз, а непосредственно следователем, в то же время, признавая экспертизы, ревизии, а также консультативный характер работы специалиста, который может (по мнению Н.Н. Зуйкова) не привлекаться к «непосредственному участию» в доследственной проверке, а может (другая форма) и быть привлечен [17, с. 114–115].

Особенностью оценки применения специальных знаний, по мнению большей части исследователей, пишущих по теме, является «привязка» к содержанию и перечню норм УПК РФ, которые закрепляют на этой стадии процесса соответствующие права и обязанности субъектов – участников уголовно-процессуальных отношений. Данный подход формален и логичен, но активно критикуется. В частности, В.К. Лисиченко и В.В. Циркаль, на наш взгляд, совершенно обоснованно обращают внимание на цели и потенциал использования специальных знаний, а также на метод их применения [18, с. 10–18]. В ходе проверки сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 172 УК РФ, специальные знания применяются приглашенным специалистом также при назначении экспертизы. Следователь приглашает лиц, обладающих специальными знаниями, признавая отсутствие (нехватку) их для обоснования необходимости принятия процессуального решения в соответствии с требованиями ст. 140–144 УПК РФ.

Статус специалиста и эксперта в уголовно-процессуальных отношениях не равен. Вопрос в разнице оснований их привлечения, а также общего порядка процессуальных действий, в которых они участвуют, в процессуальных формах закрепления результатов. Все это неравнозначно.

УПК РФ регулирует применение специальных знаний специалиста для выявления, закрепления и последующего изъятия определенных доказательств. Также специалист, опять же в силу наличия у него специальных знаний, дает пояснения по вопросам, возникающим в ходе следственного действия (ст. 80 УПК РФ). Так, он фактически выполняет функцию помощника (консультанта) следователя, который привлекает его по мере необходимости, в том числе и к доследственной проверке, когда сам следователь не имеет необходимого объема и качества специальных знаний и навыков [19, с. 12].

Классифицируя субъектов проверки сообщения о преступлении, А.М. Наумов включает в первую группу лиц, которые уполномочены на проведение проверки. Он предлагает скорректировать перечень за счет включения в него начальника органа (подразделения) дознания, а также следователя-криминалиста. При этом лишь в пятую группу, по классификации автора, входят лица, помогающие субъектам процессуальной дея-

тельности в выяснении обстоятельств совершения преступления. Помимо понятых А.М. Наумов отнес к ним также лиц, обладающих специальными познаниями, специалистов, экспертов, ревизоров и переводчиков. Вне групп оказались участники доследственной проверки, оказывающие юридическую помощь.

А.М. Наумов исходит из того, что перечисленные субъекты процессуальной деятельности, имея в виду следователя, дознавателя и др., разъясняют всем прочим участникам проверки их права и обязанности. Перечисляя понятых, специалистов, экспертов и переводчиков, автор указывает на полную ясность их прав. Им разъяснения не требуются, их права и обязанности регламентированы УПК РФ (ст. 57, 58, 59 и 60). Однако это не означает, что разъяснять не надо, а лишь то, что такое разъяснение «не представляет труда», тогда как с иными участниками доследственной проверки возникает определенная сложность в плане разъяснения этим лицам их прав и обязанностей, так как их процессуальный статус в законе не определен [20].

В криминалистической литературе специалиста нередко принято относить к группе «вспомогательных» субъектов, расширяющих процессуальные возможности следователя [21, с. 17]. Такая позиция представляется не вполне адекватной, так как специалист (или эксперт) владеет специальными знаниями и навыками в своей сфере, но, не будучи юристом, вряд ли окажет субъекту, проводящему доследственную проверку, полезное содействие в проведении и оформлении процессуальных действий.

По мнению С.Н. Иванова, в любом случае речь идет о слаженности работы в команде. Это обусловлено тем, что в ходе совместной работы следователя со специалистом необходима генеральная «универсализация их профессиональных подходов к решению проблемных задач», тем более очень высоки потенциальные возможности широкого обмена, «трансляции знаний, опыта и навыков их применения...» [22, с. 262–263]. Речь, вероятно, идет об эффекте синергии, до признания которого автор почему-то не доходит.

Следует согласиться с А.В. Бурцевым в том, что ревизия, проводимая в соответствии со ст. 86 и ч. 1 ст. 144 УПК РФ, – это особая форма использования специальных знаний на доследственной стадии. Добавим лишь, что это та форма, в рамках которой лицо, уполномоченное на проведение доследственной проверки, обычно не обладает никакими познаниями в силу их специфичности. В данном случае, как в свое время обоснованно полагал Н.Н. Зуйков, ревизор – это специалист [17, с. 116]. Он был им в советский период, остается и сегодня. В то же время в рассматриваемом случае ревизию, как и в советский период, следует считать реализуемым с использова-

нием специальных познаний способом собирания доказательств [23, с. 9]. В этом смысле общие подходы сохраняют здоровый консерватизм.

Таким образом, специальными следует считать знания в сфере банковской деятельности, финансово-кредитных отношений, функционирования и правового регулирования соответствующего рынка. Эти знания не должны быть общими, общеизвестными, а полученными и развитыми до признанного профессиональным сообществом и органом предварительного следствия экспертного уровня в результате профессионального образования и практической деятельности. Применительно к предмету настоящего исследования это знания бухгалтерского учета и аудита, банковского дела, рынка ценных бумаг, банковского и корпоративного права, обычаев и лучших практик в банковской сфере, банкинга, цифровых технологий, применяемых в банковской сфере, информационного права, а также основ и особенностей функционирования паралегального (серого) и теневого секторов экономики.

Проводя проверку сообщения о преступлении в банковской сфере, следователь может получить от специалиста сведения о порядке и условиях открытия расчетных и иных счетов исследуемого лица, формах проведенных безналичных и иных расчетов, соответствии оформления бухгалтерских документов, отражающих расчетные и иные операции, закону и правилам ЦБ РФ, способах ведения бухгалтерского учета, использовании инструментов налоговой оптимизации, наличии просроченных обязательств.

Наиболее частым поводом для доследственной проверки по фактам незаконной банковской деятельности является незаконное обналичивание (ч. 2 ст. 172 УК РФ), которое реализуется по известным типовым схемам и, как правило, не требует сложных экспертиз. В связи с этим для следователя в большинстве случаев приоритетно, финансово и процессуально экономно и оперативно воспользоваться специальными знаниями сведущего лица, чем назначать экспертизу.

На основании всего изложенного можно говорить о том, что использование, применение специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела в кредитно-финансовой сфере встречает два вида препятствий: объективные и субъективные. К первым следует отнести дефицит исходной информации, утрату документов, файлов, а также получение банковской информации, охраняемой банковской тайной, если в сферу проверки вовлечена действующая легальная финансово-кредитная организация. Ко вторым – слабую подготовку, некомпетентность специалиста или следователя, неверно ставящего задачу сведущему лицу и (или) неспособного адекватно использовать полученную информацию.

Список источников

1. Бурцев А.В. Применение специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела / А.В. Бурцев // Проблемы экономики и юридической практики. – 2015. – № 1. – С. 57–60.

2. Байков Ю.Ф. Использование специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела / Ю.Ф. Байков // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 6. – С. 83–85.

3. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование / А.А. Эйсман. – Москва : Юридическая литература, 1967. 152 с.

4. Поздняков М.А. Понятие и признаки специальных знаний в уголовном судопроизводстве / М.А. Поздняков // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 9. – С. 155–161.

5. Криминалистика : учебник для вузов / Т.В. Аверьянова и др. ; под ред. Р.С. Белкина. – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва : Норма, 2003. 900 с.

6. Пименова Д.А. Использование специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений в сфере банковской деятельности / Д.А. Пименова, Р.Л. Шаяхметова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 2-2. – С. 160–163.

7. Малевски Г. Изменение концепции осмотра места происшествий в Литве и пути ее внедрения в практику / Г. Малевски // Вестник криминалистики. – 2008. – Вып. 3 (27). – С. 27–32.

8. Шапиро Л.Г. Процессуальные и криминалистические аспекты использования специальных знаний при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности / Л.Г. Шапиро. – Москва : Юрлитинформ, 2007. – 315 с.

9. Телепнева А.В. Место ревизии в системе государственного финансового контроля / А.В. Телепнева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 3 (31). – С. 295–299.

10. Криминалистика : учебник / Аверьянова Т.В. и др. ; под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – Москва : Экзамен, 2014. – 616 с.

11. Григорьев В.Н. Обнаружение признаков преступления органами внутренних дел / В.Н. Григорьев. – Ташкент : Ташкент. ВШ МВД СССР, 1986. – 85 с.

12. Игнатов А.Н. Понятие общеуголовной преступности / А.Н. Игнатов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 1 (39). – С. 6–10.

13. White-Collar Crime // Federal Bureau of Investigation. – 2021. – Jan. 31. – URL: <https://www.fbi.gov/investigate/white-collar-crime>.

14. Граве А.В. Использование специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела о незаконном экспорте (передаче) товаров и техно-

логий двойного назначения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Граве. – Москва, 2010. – 30 с.

15. Хмелева А.В. Использование помощи специалистов при расследовании преступлений в финансовой сфере / А.В. Хмелева // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 2. – С. 71–73.

16. Веницкий Л.В. Актуальные вопросы использования помощи специалиста на стадии возбуждения уголовного дела / Л.В. Веницкий, С.Л. Мельник, Я.Д. Ревенко. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 226 с.

17. Криминалистическая экспертиза / под общ. ред. Р.С. Белкина, И.М. Лузгина. Вып. 1. – Москва : ВШ МООП РСФСР, 1966. – 165 с.

18. Лисиченко В.К. Формы использования специальных познаний и виды участия специалистов на предварительном следствии / В.К. Лисиченко, В.В. Циркаль // Применение специальных познаний в борьбе с преступностью : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. И.Н. Сорокотягин. – Свердловск : Свердловский юридический институт, 1983. – С. 10–18.

19. Ищенко П.П. Специалист в следственных действиях (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) / П.П. Ищенко. – Москва : Юридическая литература, 1990. – 207 с.

20. Наумов А.М. Процессуальный статус участников доследственной проверки / А.М. Наумов // Российский следователь. – 2016. – № 8. – С. 8–12.

21. Ушаков А.Ю. Участие специалиста в расследовании экономических преступлений: уголовно-процессуальные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Ю. Ушаков. – Нижний Новгород, 2008. – 30 с.

22. Иванов С.Н. Проблемы участия специалиста на стадии возбуждения уголовного дела / С.Н. Иванов // Современная юридическая наука и правоприменение (III Саратовские правовые чтения) : сборник тезисов докладов Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 3–4 июня 2010 г. – Саратов, 2010. – С. 261–267.

23. Танасевич В.Г. Ревизия и бухгалтерская экспертиза при расследовании дел о хищениях государственного и общественного имущества : методическое пособие / В.Г. Танасевич. – Москва, 1958. – 152 с.

References

1. Burtsev A.V. Use of Special Knowledge at the Stage of Initiation of Criminal Proceedings. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki = Economic Problems and Legal Practice*, 2015, no. 1, pp. 57–60. (In Russian).

2. Baykov Yu.F. The Usage of Special Knowledge in the Stage of Excitation of Criminal Case. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik*

of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012, no. 6, pp. 83–85. (In Russian).

3. Eisman A.A. *Zaklyuchenie eksperta. Struktura i nauchnoe obosnovanie* [Expert Opinion. Structure and Scientific Justification]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1967. 152 p.

4. Pozdnyakov M.A. Definition and Elements of Specialized Knowledge in Criminal Judicial Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 9, pp. 155–161. (In Russian).

5. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. ; Belkin R.S. (ed.). *Kriminalistika* [Criminalistics]. 2nd ed. Moscow, Norma Publ., 2003. 900 p.

6. Pimenova D.A., Shayakhmetova L.R. Use of Special Knowledge in the Detection and Investigation of Crimes in the Banking Sector. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, no. 2-2, pp. 160–163. (In Russian).

7. Malevsky G. Changing the Concept of Accident Site Inspection in Lithuania and the ways of its implementation in practice. *Vestnik kriminalistiki = Bulletin of Criminalistics*, 2008, iss. 3 (27), pp. 27–32. (In Russian).

8. Shapiro L.G. *Processual'nye i kriminalisticheskie aspekty ispol'zovaniya special'nykh znaniy pri rassledovanii prestupleniy v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti* [Procedural and Forensic Aspects of Special Knowledge Use in the Crimes Investigation in the Sphere of Economic Activity]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2007. 315 p.

9. Telepneva A.V. Place of Audit in the System of State Financial Control. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia*, 2006, no. 3 (31), pp. 295–299. (In Russian).

10. Averyanova T.V., Alexandrov I.V., Bastrykin A.I., Volchetskaya T.S., Grigoriev V.N., Jumanbetova A.A., Drapkin L.Ya. et al.; Bastrykin A.I. (ed.). *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow, Ekzamen Publ., 2014. 616 p.

11. Grigoriev V.N. *Obnaruzhenie priznakov prestupleniya organami vnutrennih del* [Detection of Signs of a Crime by Internal Affairs Bodies]. Tashkent Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1986. 85 p.

12. Ignatov A.N. The Concept of Common Crime. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, 2018, no. 1 (39), pp. 6–10. (In Russian).

13. White-Collar Crime. *Federal Bureau of Investigation*, 2021, Jan. 31. Available at: <https://www.fbi.gov/investigate/white-collar-crime>.

14. Grave A.V. *Ispol'zovanie special'nykh znaniy v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela o nezakonnom eksporte (peredache) tovarov i tekhnologiy dvojnogo naznacheniya. Avtoref. Kand. Diss.* [Use of Special Knowledge at the

Stage of Initiating a Criminal Case on Illegal Export of Dual-Use Goods and Technologies. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2010. 30 p.

15. Khmeleva A.V. Using the Specialists' Help in the Crimes Investigation in the Financial Sector. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami = Actual Problems of Crime and Other Offenses*, 2015, no. 2, pp. 71–73. (In Russian).

16. Vinitzky L.V., Melnik S.L., Revenko Ya.D. *Aktual'nye voprosy ispol'zovaniya pomoshchi specialista na stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela* [Topical Issues of Using the Help of a Specialist at the Stage of Initiating a Criminal Case]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 226 p.

17. Belkin R.S., Luzgin I.M. (eds.). *Kriminalisticheskaya ekspertiza* [Criminalistics Expert Examination]. Higher School of the Ministry of Public Order of the RSFSR, 1966. Iss. 1. 165 p.

18. Lisichenko V.K., Cirical V.V. Forms of Using Special Knowledge and Types of Specialists Participation in the Preliminary Investigation. In Sorokotyagin I.N. (ed.). *Primenenie special'nyh poznanij v bor'be s prestupnost'yu. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Application of Special Knowledge in the Fight against Crime. Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Sverdlovsk Law Institute, 1983, pp. 10–18. (In Russian).

19. Ishchenko P.P. *Specialist v sledstvennyh dejstviyah (ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie aspekty)* [Specialist in Investigative Actions (Criminal Procedural and Forensic Aspects)]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1990. 207 p.

20. Naumov A.M. Procedural Status of Pre-Investigation Check Participants. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2016, no. 8, pp. 8–12. (In Russian).

21. Ushakov A.Yu. *Uchastie specialista v rassledovanii ekonomicheskikh prestuplenij: ugovno-processual'nye aspekty. Avtoref. Kand. Diss.* [Specialist Involvement in the Economic Crimes Investigation: Criminal Procedure Aspects. Cand. Diss. Thesis]. Nizhny Novgorod, 2008. 30 p.

22. Ivanov S.N. Problems of a Specialist Involvement at the Stage of Initiating a Criminal Case. *Sovremennaya yuridicheskaya nauka i pravoprimenenie (III Saratovskie pravovye chteniya). Sbornik tezisov dokladov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Saratov, 3–4 iyunya 2010 g.* [Modern Legal Science and Law Enforcement (III Saratov Legal Readings). Collection of Reports of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, June 3–4, 2010]. Saratov, 2010, pp. 261–267. (In Russian).

23. Tanasevich V.G. *Reviziya i buhgalterskaya ekspertiza pri rassledovanii del o hishcheniyah gosudarstvennogo i obshchestvennogo imushchestva* [Audit and Accounting Expertise in the Investigation of Cases of Theft of State and Public Property]. Moscow, 1958. 152 p.

Информация об авторе

Юсупов Артур Мансурович – аспирант кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета.

Information about the Author

Yusupov Artur Mansurovich – Postgraduate Student of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 07.02.2022; принята к публикации 08.02.2022.

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 07.02.2022; accepted for publication 08.02.2022.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Рецензия

УДК 340.5

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.18

Полстовалов Олег Владимирович

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,

Polstovalov74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4991-990X>

**РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ АЛИИ РАШИТОВНЫ ШАРИПОВОЙ
«КАЧЕСТВО ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ,
АРБИТРАЖНЫМ, ГРАЖДАНСКИМ И АДМИНИСТРАТИВНЫМ
ДЕЛАМ: СРАВНЕНИЕ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ПАРАМЕТРАМ»,
ОПУБЛИКОВАННУЮ В ЖУРНАЛЕ LEX RUSSICA
(2020. – Т. 73, № 11 (168). – С. 53–61)**

Review

Polstovalov Oleg Vladimirovich

Bashkir State University, Ufa, Russia, Polstovalov74@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-4991-990X>

**REVIEW OF THE ARTICLE BY ALIA RASHITOVNA SHARIPOVA
«QUALITY OF JUSTICE IN CRIMINAL, ARBITRATION,
CIVIL AND ADMINISTRATIVE CASES:
COMPARISON BY INDIVIDUAL PARAMETERS»,
PUBLISHED IN THE JOURNAL LEX RUSSICA
(2020. – V. 73, No 11 (168). – Pp. 53–61)**

Актуальность темы статьи определена современными тенденциями конвергенции процессуальных отраслей безотносительно к их отраслевой принадлежности. Выбор ее показывает смелость авторского подхода, поскольку сравнительный анализ норм процессуальных отраслей права и

практики их применения вкупе с организационными вопросами функционирования судебной власти на таком уровне, смею утверждать, предпринимается впервые. По сути, это очень свежий взгляд на, казалось бы, оставленную истории концепцию судебного права. Между тем «разновекторность судопроизводств» в качестве заложницы всевозрастающей строгости деления публичных и частных отраслей материального права никоим образом не может быть оправдана, поскольку справедливость правосудия остается единственным мерилем его общественно полезного назначения. Чего там больше – охранительного или реституционного – не предмет настоящей рецензии. Тому подтверждение – забытая на фоне значения заповедей Моисея и Иисуса Христа седьмая заповедь Ноя об организации справедливой судебной системы (единственная обязанность об устройении на фоне шести запретов).

Опираясь на статистические выкладки, результаты опросов и проведя сравнительный анализ по параметрам распределения дел между судьями, возможностей информационной системы, политики использования телекоммуникационных технологий, соблюдения процессуальных сроков, пунктуальности суда и использования им процедур медиации, А.Р. Шарипова приходит к выводу о более низком качестве правосудия по уголовным делам в сравнении делами, рассматриваемыми в рамках арбитражного судопроизводства. При этом автор апеллирует к весьма достоверным и заслуживающим внимания индикаторам реальной действительности судопроизводства по его отраслям.

Статья написана прекрасным научным языком, понятным даже непосвященной аудитории. При этом несомненные глубина и всесторонность анализа, достоверность ключевых выводов, валидность используемой методологии научного анализа органично уживаются с такой подачей материала. Это уникальный талант: просто писать о сложном.

Акцентируя внимание читателя на качестве правосудия, А.Р. Шарипова с места в карьер раскрывает конкретные его параметры в собственной авторской трактовке. При этом первоначально упор делается на результаты опроса практикующих юристов (с. 54–55), то есть на своего рода обобщенную экспертную оценку правосудия в разных судах и разных видах судопроизводства. Оценка беспристрастности суда – арбитражного и общей юрисдикции – по приведенным данным диаметрально противоположна и не в пользу последних. Не лучше ситуация обстоит с оценкой отраслевых различий обеспечения права на ознакомление с материалами дела.

Автор делает необходимые предметные оговорки об используемых в анализе наименее зависимых от финансирования показателей качества правосудия (с. 55), а также о том, что главная тема раскрывается в ее «от-

дельных отраслевых проявлениях в контексте глобальной цели унификации институтов процессуального права» (с. 56). Эти рамки исследования снимают многие возможные возражения, поскольку тема поистине неисчерпаема. Однако всякая унификация таит в себе риски, ибо, как говорил Н. Бердяев, «уровнять бедного с богатым можно, лишь отняв у богатого его богатство. Уровнять слабого с сильным можно, лишь отняв у сильного его силу. Уровнять глупого с умным можно, лишь превратив ум из достоинства в недостаток. Общество всеобщего равенства – это общество бедных, слабых и глупых...». Поэтому в работе следовало бы более рельефно определить единый вектор социальной пользы, то есть назначения или цели всего правосудия без привязки к конкретной отрасли и, что не менее важно, предупредить ситуацию, когда названные в работе достоинства арбитражного судопроизводства не превратились бы в их же недостатки, поскольку логику бердяевской конвергенции никто не отменял.

Что же касается качества правосудия, то для автора настоящей рецензии, имевшего в свое время опыт работы в квалификационной коллегии судей, куда привычнее критерий процента отмены и изменения решений суда первой инстанции в апелляции, кассации и в порядке надзора. Эти сравнительные характеристики отраслевых преимуществ и недостатков, к сожалению, не приведены. Вместе с тем А.Р. Шариповой удалось выделить параметры преимущественно процессуального характера либо связанные с осуществлением законных процедур для сравнительной характеристики эффективности разных видов судопроизводства, к тому же применимые к нашей судебной системе (с. 56). При этом автор очень четко определяет приоритет процессуального значения над организационной составляющей критерия распределения дел между судьями с точки зрения обеспечения независимости и авторитета судебной власти.

А.Р. Шарипова, показывая на примерах более прогрессивного подхода в организации арбитражного судопроизводства на основе новых компьютерных технологий, совершенно справедливо пишет о том, что «цифровизация и автоматизация процессов правосудия влияют на их существо, порождают новые правоотношения, а не просто ускоряют и упрощают их с технической стороны» (с. 57). Самые передовые цифровые сервисы давно уже были апробированы и использовались именно в арбитражном процессе задолго до широкомасштабной кампании преимущественно декоративной и декларативной цифровизации всего судопроизводства. Однако, как и у всякого инструмента, у цифровизации есть и обратная сторона достаточно широко применяемого упрощенчества. К примеру, простота копирования электронных текстов породила распространенную на практике недвусмысленную «рационализацию», когда обвинительное заключение становится тек-

стовой основой приговора в объеме не менее $\frac{2}{3}$ документа. И это далеко не единственный пример «текстового кочевания» из документа в документ одного и того же содержания. Стоит ли говорить о присутствующей здесь угрозе самой сути правосудия? Убежден, что любая форма цифровизации подлежит оценке со всех сторон, где риски должны быть минимизированы предупредительного характера гарантиями от такого рода деформаций практики правоприменения. А.Р. Шарипова касается этой проблемы с позиций имеющихся недостатков автоматического распределения дел в судах и возможности подачи исков через информационную систему в арбитражные суды (с. 57). Такой подход характеризует зрелость автора, для которого всесторонность анализа является, как видно из анализируемого материала статьи, одним из основных принципов научной работы.

Представляет несомненный интерес вывод автора о невыгодном отличии уголовного судопроизводства от остальных в связи с тем, что в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства действительно не установлен конкретный дисциплинирующий срок для рассмотрения дела по существу судом первой инстанции. Обращая внимание на это упущение, А.Р. Шарипова опирается также на объективные данные превышения трехмесячного срока рассмотрения дел судами административной, гражданской и уголовной юрисдикций (с. 59) и результаты проведенных ею опросов (с. 60), которые свидетельствуют не в пользу уголовного процесса в его реальном измерении. Однако представляется, что основная проблема нарушения всех мыслимых разумных сроков уголовного судопроизводства кроется не в стадии рассмотрения дела в суде первой инстанции, а в поистине неизмеримой по времени процедуре возбуждения уголовного дела в ситуации, когда «верхи не хотят, а низы не могут», с многочисленными постановлениями об отказе в возбуждении уголовного дела и не менее многочисленными постановлениями об отмене этих самых постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел. Это действительно уникальная бюрократия уголовного процесса, которую язык не поворачивается назвать правосудием. Думается, что в своих дальнейших интереснейших исследованиях А.Р. Шарипова этому аспекту особенности уголовного судопроизводства уделит определенное внимание.

В целом главное, что отличает статью А.Р. Шариповой, – крайне редкое в настоящее время качество исследований подобного рода: работа по-настоящему заставляет думать. Написанная в межотраслевом сегменте с рисками автора быть непонятым представителями науки уголовно-процессуального права, с уместной и оправданной комплементарностью в отношении арбитражного процесса, статья свидетельствует о смелости и научной принципиальности А.Р. Шариповой. Все высказанные в рецензии рекомендации ни в коей мере не меняют того, что работа выполнена на

высоком теоретическом и эмпирическом уровне, имеет несомненную актуальность, практическую и теоретическую значимость, отличается оригинальностью и новизной авторского подхода.

Информация об авторе

Полстовалов Олег Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета.

Information about the Author

Polstovalov Oleg Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; принята к публикации 13.01.2022.

The article was submitted 10.01.2022; accepted for publication 13.01.2022.

© Уфа: Башкирский государственный университет, 2022

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):

«Правовое государство: теория и практика» № 1 (67) 2022.

Учредитель Башкирский государственный университет

Главный редактор Гизатуллин И.А.

Регистрирующий орган Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131. Тел. (347) 228-83-51,

e-mail niippg@mail.ru;

сайт <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге

«Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192

Требования и условия публикации статей
размещены на сайте журнала pravgos.ru

Подписан в печать 23.03.2022 г. Вышел в свет 30.03.2022 г.
Бумага писчая. Формат 60x84¹/₈. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 27,9. Уч. изд. л. 13,5. Тираж 500. Заказ 249.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
Башкирского государственного университета
450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, физ-мат. корпус, каб. 113.